

Сборник фантастики Золотой фонд

Герберт Уэллс Машина Времени

I

Путешественник во Времени (будет удобно так его называть) рассказывал нам о непонятных вещах. Его серые глаза сияли и искрились, а обычно бледное лицо покраснело и оживилось. Ярко горел огонь, и мягкий свет электрических лампочек в серебряных лилиях отражался пузырьками в наших бокалах.

Наши кресла, будучи собственными его изобретениями, будто обнимали и ласкали нас, вместо того чтобы давать отдых телу, как это представляется. Царила та чудесная послеобеденная атмосфера, когда ничто не ограничивает полет мысли. Вот что он нам поведал, отмечая важные моменты движением тонкого указательного пальца, пока мы сидели и лениво восхищались его изобретательностью и серьезным отношением к своему новому парадоксу, как мы это называли.

— Следите за мной внимательно. Мне

придется оспорить одно или два общепринятых представления. Например, геометрия, которую вам преподавали в школе, основывается на недоразумении.

— Не кажется ли вам, что это слишком... глобальное обобщение? Быть может, не стоит с него начинать? — произнес рыжий Филби, любитель поспорить.

— Я не хочу просить, чтобы вы приняли что-либо без разумных объяснений. Вы скоро сами признаете мою правоту, я постараюсь убедить вас в этом. Вы, конечно, знаете, что математическая линия есть абстрактное понятие, что она не имеет толщины физически, во всяком случае, не существует. Ведь вам это преподавали? Точно так же вы знаете, что не существует математической плоскости. Эти вещи — простые абстракции.

— Это верно, — согласился Психолог.

— Как бы там ни было, возникают сомнения и следует задаться вопросом: может ли быть реальным существование куба, имеющего только длину, ширину и толщину.

— Я не согласен, — сказал Филби. — Конечно, твердые тела могут существовать. И существуют. Это вполне реальные вещи...

— Так думает большинство людей. Но подождите. Может ли куб существовать вне времени?

— Я вас не понимаю, — сказал Филби.

— Можно ли назвать реально существующим куб, которые не существовал ни единого мгновения?

Филби задумался.

— Ясно одно, — продолжал Путешественник во Времени, — каждое реально существующее тело должно иметь четыре измерения: оно должно иметь длину, ширину, высоту и продолжительность существования. Но из-за естественной нашей ограниченности, которую я скоро объясню вам, мы игнорируем этот факт. В действительности существует действительно четыре измерения, три из них в пространстве, а четвертое — во Времени. Правда, существует тенденция противопоставить три первых измерения последнему, но только потому, что наше сознание от начала нашей жизни и до ее конца движется рывками лишь в одном-единственном направлении этого последнего измерения.

— Это, — произнес Очень Молодой Человек, делая отчаянные усилия раскурить от лампы свою сигару, — это... действительно вполне очевидно.

— Замечательно, но отчего-то это явление повсеместно упускается из виду, — продолжал Путешественник во Времени, чуть приободрившись. — Действительно Время, и есть Четвертое Измерение, хотя некоторые люди,

которые говорят о Четвертом Измерении, на самом деле не понимают, о чем говорят. Это просто иной способ смотреть на Время. Не существует разницы между временем и любым из трех пространственных измерений, кроме одного: наше сознание движется вдоль него. Некоторые глупцы неправильно понимают эту мысль. Все вы, конечно, знаете, в чем заключаются их возражения против Четвертого Измерения?

— Я не слышал, — отвечал Провинциальный Мэр.

— Это совсем просто. Пространство, как считают наши математики, имеет три измерения, которые называют длиной, шириной и высотой, и оно всегда определяется относительно трех плоскостей, расположенных под прямым углом друг к другу. Однако некоторые философы задаются вопросом, почему измерений только три? Почему нет еще одного направления под прямым углом к трем другим? И даже пытались построить Геометрию Четырех Измерений. Профессор Симон Ньюкомб выступал с этим месяц тому назад перед математическим обществом в Нью-Йорке. Вы знаете, что на плоской поверхности, обладающей только двумя измерениями, можно представить чертеж трехмерного тела. Предполагается, что точно так же при помощи трехмерных моделей можно представить предмет, существующий в

четырёх измерениях, если овладеть перспективой этого предмета. Понятно?

— Думаю, да, — пробормотал Провинциальный Мэр. Он нахмурил брови и ушел в себя, при этом шевеля губами, будто повторяя какое-то заклинание.

— Да, думаю, теперь я понял, — заявил он через некоторое время, и лицо его просветлело.

— Я хотел бы рассказать вам, как одно время работал над Геометрией Четырёх Измерений. Некоторые результаты довольно любопытны. К примеру, вот портрет человека в возрасте восьми лет, другой — в пятнадцать, третий — в семнадцать лет, четвертый — в двадцать три года и так далее. Все это, очевидно, трехмерные представления его четырехмерного существования, которое является вполне определенной и неизменной величиной.

— Ученые, — продолжил Путешественник во Времени после паузы, необходимой собеседникам для правильного усвоения сказанного, — очень хорошо знают, что Время является лишь Пространством иного рода. Вот перед вами самая обычная диаграмма — график погоды. Линия, по которой я веду пальцем, показывает колебания барометра. Вчера он стоял вот на такой высоте, к вечеру упал, сегодня утром снова поднялся и полз понемногу вверх, пока не дошел вот до этого места. Без сомнения, ртуть не нанесла этой линии ни в

одном из общепринятых пространственных измерений. Но так же несомненно, что ее колебания абсолютно точно определяются нашей линией, и отсюда мы должны заключить, что такая линия была проведена в Четвертом Измерении — во Времени.

— Но, — сказал Доктор, пристально глядя на горящие угли, — если Время действительно только Четвертое Измерение Пространства, то почему же оно, всегда существовавшее, рассматривается как нечто совершенно другое? И почему мы не можем перемещаться во Времени, как мы перемещаемся в других измерениях Пространства?

Путешественник во Времени улыбнулся.

— Вы уверены, что мы можем свободно перемещаться в пространстве? Направо и налево мы можем переместиться, назад и вперед тоже достаточно свободно, и люди всегда делали это. Признаюсь, вполне понятно, что мы можем свободно перемещаться в двух измерениях. Но как насчет перемещений вверх и вниз? Тут нас ограничивает притяжение.

— Не совсем, — сказал Доктор. — Существуют же летательные аппараты.

— До появления летательных аппаратов, кроме неуклюжих прыжков по неровным поверхностям, люди не имели возможности передвижения по вертикали.

— Все-таки они могли немного двигаться вверх и вниз, — сказал Доктор. — Вниз, конечно, гораздо легче вниз, чем вверх.

— Но двигаться во Времени невозможно, мы не можем уйти от настоящего момента.

— Мой дорогой друг, тут-то вы и ошибаетесь. И весь мир тоже ошибается. Мы часто уходим от настоящего момента. Наше духовное бытие, не осязаемое и не имеющее измерений, проходит в Четвертом Измерении — Времени с единой скоростью от колыбели до могилы. Совершенно так же, как если бы мы, начав свое существование в пятидесяти милях над земной поверхностью, равномерно падали бы вниз.

— Однако есть и отличия, — прервал Психолог. — Мы можем передвигаться во всех направлениях пространства, но не можем передвигаться во Времени.

— Это и стало началом моего великого открытия. Вы совершаете ошибку, говоря, что нельзя двигаться во Времени. Если я, например, очень ярко вспоминаю какое-либо событие, то возвращаюсь ко времени его совершения и как бы мысленно отсутствую. Я на миг делаю прыжок в прошлое. Конечно, мы не имеем возможности остаться в прошлом на какую бы то ни было частицу Времени, подобно тому, как дикарь или животное не могут повиснуть в воздухе на

расстоянии хотя бы шести футов от земли. В этом отношении цивилизованный человек имеет преимущество перед дикарем. Он вопреки силе тяготения может подняться вверх на воздушном шаре. Почему же нельзя надеяться, что в конце концов он сумеет также остановить или ускорить свое движение во Времени или даже повернуть в противоположную сторону?

— Это совершенно невозможно... — начал Филби, — невозможно...

— Почему нет? — сказал Путешественник во Времени.

— Уму непостижимо, — сказал Филби.

— Почему? — вновь осведомился Путешественник во Времени.

— Вы можете попытаться доказать, что черное — это белое, — ответил Филби, — но вы никогда меня в этом не убедите.

— Возможно, — сказал Путешественник во Времени. — Для начала попытайтесь рассмотреть предмет в теории Геометрии Четырех Измерений. Много лет я лелеял надежду создать машину...

— Для путешествий во Времени?! — воскликнул Очень Молодой Человек.

— Чтобы перемещаться свободно в любом направлении Пространства и Времени, по желанию того, кто управляет этой машиной.

Филби усмехнулся.

— И я подтвердил это экспериментально, — произнес Путешественник во Времени.

— Подобные путешествия были бы замечательно удобны для историков, — подал голос Психолог. — Можно было бы переместиться в прошлое и проверить достоверность записей, например, о битве при Гастингсе!

— А вы не побоялись бы, что на вас нападут обе стороны? — спросил Доктор. — Наши предки не слишком любили анахронизмы.

— Можно было бы изучить греческий из уст самого Гомера или Платона, — размышлял Очень Молодой Человек.

— Маловероятно, чтобы вы успешно бы сдали экзамен. Немецкие ученые уж очень усовершенствовали греческий язык.

— А в будущем, — произнес Очень Молодой Человек, — только представьте! Можно было бы вложить все свои деньги под проценты в банк и спешить вперед!

— А там окажется, — произнес я, — что общество построено на строгих коммунистических принципах.

— Самая дикая и экстравагантная теория, — вмешался Психолог.

— Да, так казалось и мне, но я не говорил об этом до тех пор...

— Пока не смогли подтвердить это

экспериментально! — воскликнул я. — Вы собираетесь проверить это?

— Эксперимент! — закричал Филби, которому надоели пустые разговоры.

— Во всяком случае, мы ничего не потеряем, если увидим ваш эксперимент, — произнес Психолог, — хотя это все полная ерунда.

Путешественник во Времени улыбнулся и окинул нас взглядом. Затем, все еще немного улыбаясь, засунув руки глубоко в карманы брюк, медленно вышел из комнаты. Мы слышали шарканье его тапочек по длинному коридору, ведущему в лабораторию.

Психолог посмотрел на нас.

— Интересно, что у него получится?

— Ловкость рук или какой-нибудь другой фокус, — произнес Доктор, в то время как Филби пытался рассказать нам о фокуснике, которого он видел в городе. Он еще не закончил свой рассказ, как возвращение Путешественника во Времени прервало его на полуслове.

II

В руке Путешественник во Времени держал искусно сделанный блестящий металлический предмет, немногим больше маленьких настольных часов. Он был сделан из слоновой кости и какого-то

прозрачного подобного хрустально вещества. Я постараюсь быть точным в своем повествовании, так как дальше последовали абсолютно непонятные события. Он взял один небольшой восьмиугольный столик, которые были расставлены по комнате, и установил его перед камином так, что две его ножки оказались на каминном коврике. На этот столик он поставил свой механизм.

Затем он отодвинул свой стул и сел к столику. Единственным предметом на столе была небольшая лампа с абажуром, яркий свет которой освещал модель. На каминной полке горели две свечи в латунных подсвечниках и еще с десятков на стенах в канделябрах, так что номер был ярко освещен. Я опустился в низкое кресло у самого огня, развернув его таким образом, чтобы находиться между камином и Путешественником во Времени. Филби сидел позади него и заглядывал через плечо. Доктор и Провинциальный Мэр наблюдали за Путешественником с правой стороны, а Психолог — с левой. Очень Молодой Человек стоял за спиной у Психолога. Мы замерли в ожидании. Мне кажется невероятным, чтобы при таких условиях нас можно было обмануть каким-нибудь фокусом, даже самым хитрым и искусно выполненным.

Путешественник во Времени посмотрел на нас, затем на механизм.

— И что? — произнес Психолог.

— Этот маленький аппарат, — сказал Путешественник во Времени, положив локти на стол и держа руки над аппаратом, — только модель, на основании которой я делаю машину для путешествия во Времени. Вам видно, какой у нее необычный вид? Например, вот у этой пластинки очень смутная поверхность, как будто бы она в некотором роде не совсем реальна.

Он указал пальцем на часть модели.

— Кроме этого, вот один маленький белый рычаг, а вот — другой.

Доктор встал с кресла и стал разглядывать модель.

— Красиво сделано, — сказал он.

— На это у меня ушло два года, — ответил Путешественник во Времени.

Затем, когда мы последовали примеру Доктора, он продолжил:

— Теперь я хочу обратить ваше внимание на то, что если нажать на этот рычаг, то машина начнет скользить в будущее, а другой рычаг включает обратное движение. Это седло — место для Путешественника во Времени. Сейчас я нажму на рычаг, и машина сдвинется с места. Она исчезнет, переместится в будущее и скроется с наших глаз. Рассмотрите эту вещь хорошенько. Посмотрите также на стол и убедитесь, что нет никакого обмана. Я не хочу потерять эту модель и

еще меньше хочу, чтобы меня обозвали шарлатаном.

На минуту воцарилась тишина. Психолог собрался что-то мне сказать, но передумал. Затем Путешественник во Времени положил палец на рычаг.

— Нет, — произнес он вдруг. — Дайте мне вашу руку.

Он обернулся к Психологу, взял его за руку и попросил выставить указательный палец. Таким образом, Психолог сам послал модель Машины Времени в ее бесконечный путь. Мы все видели, как рычаг повернулся. Я до сих пор убежден, что здесь не было обмана. Произошло колебание воздуха, и пламя лампы задрожало. Одна из свечей, стоявших на камине, погасла. Маленькая машина закачалась, сделалась неясной, на мгновение она представилась нам как тень, как призрак, как вихрь поблескивавшего хрусталя и слоновой кости — и затем исчезла, пропала. На столе осталась только лампа.

С минуту мы молчали. Затем Филби произнес проклятие.

Психолог, оправившись от шока, посмотрел под стол. При этом Путешественник во Времени весело рассмеялся.

— Ну как? — спросил он, вспоминая неуверенность Психолога. Затем он поднялся, взял

с каминной полки коробку табака и, стоя к нам спиной, принялся набивать трубку.

Мы смотрели друг на друга.

— Слушайте, — сказал Доктор, — это шутка? Или вы серьезно верите, что эта машина путешествует во Времени?

— Конечно, — ответил Путешественник во Времени, наклонившись к камину. Затем он повернулся, с трубкой во рту, и посмотрел на Психолога. (Психолог, всем своим видом показывая, что он не сошел с ума, пытался раскурить сигару).

— Более того, у меня почти собрана большая машина, — указал на лабораторию Путешественник, — когда я закончу, то сам совершу путешествие.

— Вы хотите сказать, что машина отправилась в будущее? — спросил Филби.

— В будущее или в прошлое — точно не знаю.

— Подождите, — сказал Психолог с вдохновением. — Она должна была отправиться в прошлое, если вообще можно допустить, что она куда-нибудь отправилась, — добавил он.

— Почему? — удивился Путешественник во Времени.

— Потому что если бы она не двигалась в Пространстве и отправилась в будущее, то все

время оставалась бы с нами: ведь и мы путешествуем туда же.

— Но, — подал я голос, — если бы она переместилась в прошлое, то мы видели бы ее еще в прошлый четверг, когда были здесь, и в позапрошлый четверг и так далее!

— Серьезные возражения, — заметил Провинциальный Мэр, с беспристрастным видом обращаясь к Путешественнику во Времени.

— Ничуть, — ответил Путешественник во Времени и обратился к Психологу: — Вы сами легко можете им это объяснить. Это вне восприятия, неуловимо чувствами.

— Конечно, — ответил Психолог и объяснил нам: — С психологической точки зрения это очень просто. Я должен был бы догадаться раньше. Психология разъясняет ваш парадокс. Мы действительно не можем видеть, не можем воспринять движение этой машины, как не можем видеть спицу быстро вертящегося колеса или пулю, летящую в воздухе. И если машина движется в будущее со скоростью в пятьдесят или сто раз большей, чем мы сами, если она проходит хотя бы минуту времени, пока мы проходим секунду, то восприятие ее равняется, безусловно, только одной пятидесятой или одной сотой обычного восприятия. Это совершенно ясно.

Он указал рукой на то место, где стояла

модель.

— Видите? — произнес он, смеясь.

Около минуты мы сидели и смотрели на пустой стол. Затем Путешественник во Времени спросил нас, что мы обо всем этом думаем.

— Все это кажется сегодня вполне правдоподобным, — ответил Доктор, — но подождем до завтра. Утро вечера мудренее.

— Не желаете взглянуть на саму Машину Времени? — обратился к нам Путешественник во Времени.

И, взяв лампу, он повел нас по длинному холодному коридору в свою лабораторию. Ясно помню мерцающий свет лампы, его темную крупную голову впереди, наши пляшущие тени на стенах. Мы шли за ним, удивленные и недоверчивые, и увидели в лаборатории, так сказать, увеличенную копию маленького механизма, исчезнувшего на наших глазах. Некоторые части машины были сделаны из никеля, другие из слоновой кости; были и детали, несомненно, вырезанные или выпиленные из горного хрусталя. В общем, машина была готова. Только на скамье, рядом с чертежами, лежало несколько прозрачных, причудливо изогнутых стержней. Они, по-видимому, не были окончены. Я взял в руку один из них, чтобы получше рассмотреть. Мне показалось, что он был сделан из

кварца.

— Послушайте, — сказал Доктор, — неужели вы это серьезно? Или это сродни фокусу про привидение, который вы нам показывали в прошлое Рождество?

— Эта машина, — ответил Путешественник во Времени, подняв лампу повыше, — на которой я намерен изучить Время. Понимаете? Никогда еще я не говорил более серьезно, чем сейчас.

Никто из нас не знал, как воспринимать его слова.

Я поймал взгляд Филби из-за плеча Доктора, и он многозначительно мне подмигнул.

III

Думаю, в то время никто из нас серьезно не верил в Машину Времени. Дело в том, что Путешественник во Времени был из той категории людей, которые слишком умны, чтобы можно было слепо им доверять, которые слишком умны, чтобы им можно было слепо верить. Всегда казалось, что он себе на уме, никогда не было уверенности в том, что его обычная откровенность не таит какой-нибудь задней мысли или хитроумной уловки. Если бы ту же самую модель показал нам Филби, объяснив сущность дела теми же словами, мы проявили бы значительно больше доверия. Мы

понимали бы, что им движет: всякий колбасник мог бы понять Филби. Но характер Путешественника во Времени был слишком причудлив, и мы инстинктивно не доверяли ему. Открытия и выводы, которые доставили бы славу человеку менее умному, у него казались лишь хитрыми трюками. Вообще достигать своих целей слишком легко — недальновидно. Серьезные, умные люди, с уважением относившиеся к нему, никогда не были уверены в том, что он не одурачит их просто ради шутки, и всегда чувствовали, что их репутация в его руках подобна тончайшему фарфору в руках ребенка. Вот почему, как мне кажется, ни один из нас всю следующую неделю, от четверга до четверга, ни словом не обмолвился о путешествии во Времени, хотя, без сомнения, оно заинтересовало всех: кажущаяся правдоподобность и вместе с тем практическая невероятность такого путешествия, забавные анахронизмы и полный хаос, который оно вызвало бы, — все это очень занимало нас. Что касается меня лично, то я особенно заинтересовался опытом с моделью. Помню, я поспорил об этом с Доктором, встретившись с ним в пятницу в Линнеевском обществе. Он говорил, что видел нечто подобное в Тюбингене, и придавал большое значение тому, что одна из свечей во время опыта погасла. Но как все это было проделано, он не мог объяснить.

В следующий четверг я снова поехал в Ричмонд, думаю, я один из наиболее постоянных гостей у Путешественника во Времени, и, немного припозднившись, застал в его гостиной собравшихся четверых или пятерых знакомых. Доктор стоял у камина с листом бумаги в одной руке и часами в другой.

Я огляделся в поисках Путешественника во Времени.

— Половина восьмого, — сказал Доктор, — пора садиться за стол.

— Но где же хозяин? — спросил я.

— Ага, вы только что пришли? Знаете, это становится странным. Его, по-видимому, что-то задержало. В этой записке он просит нас сесть за стол в семь часов, если он не вернется, и обещает потом объяснить, в чем дело.

— Досадно, если обед будет испорчен, — произнес Редактор известной ежедневной газеты; и тогда Доктор позвонил в колокольчик.

Кроме меня и Доктора, из прежних гостей был только Психолог. Зато появились новые лица: вышеупомянутый Редактор, один Журналист и еще спокойный застенчивый человек с бородкой, которого я не знал. Весь вечер, по моим наблюдениям, он не проронил ни слова. За обедом высказывались всевозможные догадки о том, где сейчас хозяин. Я шутливо намекнул, что он

путешествует во Времени. Редактор захотел узнать, что это значит, и Психолог принялся длинно и неинтересно рассказывать об «остроумном фокусе», очевидцами которого мы были неделю назад. В самой середине его рассказа дверь в коридор медленно и бесшумно отворилась. Я сидел напротив нее и первый заметил это.

— О! — воскликнул я. — Наконец-то!

Дверь открылась еще шире, и перед нами предстал Путешественник во Времени. У меня вырвался крик удивления.

— Боже мой! Что с вами случилось? — запричитал Доктор.

Все сидевшие за столом повернулись к двери.

Вид у него был действительно странный. Его сюртук был весь в грязи, на рукавах проступали какие-то зеленые пятна; волосы были всклокочены и показались мне посеревшими от пыли или оттого, что они за это время выцвели. Лицо его было мертвенно-бледно, на подбородке виднелся темный, едва затянувшийся рубец, глаза дико блуждали, как у человека, перенесшего тяжкие страдания. С минуту он постоял в дверях, как будто ослепленный светом. Затем, прихрамывая, вошел в комнату. Так хромают бродяги, когда натрут ноги. Мы все выжидающе смотрели на него.

Не произнося ни слова, он заковылял к столу и протянул руку к бутылке. Редактор налил

шампанского и пододвинул ему бокал. Он осушил бокал залпом, и ему, казалось, стало лучше — он обвел взглядом стол, и на лице его мелькнуло подобие обычной улыбки.

— Что же с вами произошло? — спросил Доктор.

Создалось впечатление, что Путешественник во Времени не услышал вопроса.

— Не беспокойтесь, — сказал он, слегка заикаясь. — Я в порядке.

Он остановился, снова протянул бокал, затем выпил его, как и прежде, залпом.

— Теперь хорошо, — сказал он.

Его глаза просияли, на щеках показался слабый румянец. Он взглянул на нас с одобрением и два раза прошелся из угла в угол комнаты, теплой и уютной... Потом заговорил, запинаясь и как будто с трудом подыскивая слова.

— Как только я умоюсь и переоденусь, спущусь и объясню вам все ... Оставьте мне немного баранины, пожалуйста. Я ужасно хочу мяса.

Он взглянул на Редактора, который редко бывал в его доме, и поздоровался с ним. Редактор что-то спросил у него.

— Чуть погодя я все расскажу, — сказал Путешественник во Времени. — Видите, в каком я виде! Но через минуту я приведу себя в порядок.

Он поставил бокал на стол и направился к двери. Я снова обратил внимание на его хромоту и шаркающую походку. Привстав со стула как раз в то мгновение, когда он выходил из комнаты, я поглядел на его ноги. На них не было ничего, кроме изорванных и окровавленных носков. Дверь закрылась. Я хотел его догнать, но вспомнил, как он ненавидит лишнюю суету. Несколько минут я не мог собраться с мыслями.

— Загадочное Поведение Выдающегося Ученого, — услышал я голос Редактора, который по привычке мыслил в стиле газетных заголовков. Эта фраза вернула меня к ярко освещенному обеденному столу.

— Это что, игра? — спросил Журналист. — Он играет какую-то роль? Я ничего не понимаю.

Я встретился взглядом с Психологом и прочитал на его лице отражение моих собственных мыслей. Я подумал о Путешественнике во Времени, хромавшем наверху. Мне показалось, больше никто не заметил его хромоты.

Первым оправился от шока Доктор и позвонил в колокольчик — Путешественник во Времени ненавидел, когда во время обеда в комнате присутствовали слуги. Проворчав что-то себе под нос, Редактор принялся орудовать ножом и вилкой, и Молчаливый Гость последовал его примеру. Все снова принялись за еду. Некоторое время разговор

состоял из одних удивленных восклицаний, перемежавшихся молчанием. Любопытство Редактора достигло предела.

— Не начал ли наш друг попрошайничать? — начал он. — Или с ним случилось то же самое, что с Навуходоносором?

— Я чувствую, что это как-то связано с Машиной Времени, — сказал я и стал рассказывать о событиях нашей предыдущей встречи, с того момента, на котором прервал рассказ Психолог. Новые гости слушали с откровенным недоверием. Редактор принялся возражать.

— Какие еще путешествия во Времени? Подумайте только! Не может же человек покрыться пылью только потому, что запутался в своем парадоксе!

Эта мысль показалась ему забавной, и он стал шутить.

— Неужели в будущем нет платяных щеток?

Журналист тоже ни за что не хотел нам верить и присоединился к Редактору, легко нанизывая одну на другую насмешки и несообразности. Оба они были журналистами нового типа — очень веселые и дерзкие молодые люди.

— Наш специальный корреспондент из послезавтра сообщает, — Журналист сказал или скорее вскрикнул это именно в тот момент, когда Путешественник во Времени вернулся в комнату.

Он был теперь в своем обычном костюме, и, кроме блуждающего взгляда, во внешности его не осталось никаких следов недавней перемены, которая меня так поразила.

— Только представьте, — сказал Редактор весело, — эти ребята утверждают, что вы побывали в середине будущей недели! Не поведаете ли нам немного о Розбери? Какое желаете вознаграждение?

Ни слова не сказав, Путешественник во Времени подошел к оставленному для него месту. Он спокойно улыбался своей обычной спокойной улыбкой.

— Где же моя баранина? — спросил он. — Какое удовольствие снова воткнуть вилку в мясо!

— Рассказывайте! — крикнул Редактор.

— К черту рассказы! — произнес Путешественник во Времени. — Я умираю с голоду. Не скажу ни слова, пока не подкреплюсь. Благодарю вас. И, будьте любезны, передайте соль.

— Скажите только одно, — попросил я, — вы путешествовали во Времени?

— Да, — кивнул Путешественник во Времени с набитым ртом.

— Я готов заплатить за каждую строчку, — произнес Редактор.

Путешественник во Времени пододвинул к Молчаливому Гостю свой бокал и постучал по нему пальцем; Молчаливый Гость, пристально

смотревший на него, нервно вздрогнул и налил вина.

Обед показался мне бесконечно долгим. Я с трудом удерживался от вопросов и думаю, то же самое было со всеми остальными. Журналист пытался поднять настроение, рассказывая анекдоты. Но Путешественник во Времени был поглощен обедом и ел с аппетитом настоящего бродяги. Доктор курил сигару и, прищурившись, незаметно наблюдал за ним. Молчаливый Гость, казалось, был застенчивей обыкновенного и нервно пил шампанское. Наконец Путешественник во Времени отодвинул тарелку и оглядел нас.

Молчаливый Гость казался еще более неуверенным и постоянно и нервно пил шампанское. Наконец Путешественник во Времени отодвинул свою тарелку и посмотрел на нас.

— Полагаю, я должен извиниться, — произнес он. — Просто я был очень голоден, просто умирал с голоду. Со мной случилось удивительнейшее происшествие.

Он протянул руку за сигарой и обрезал конец.

— Но пройдемте в курительную комнату. Это слишком длинная история, чтобы рассказывать ее над грязными тарелками.

И, позвонив прислуге, он отвел нас в соседнюю комнату.

— Рассказывали вы Блэнку, Дэшу и Чоузу о

Машине? — спросил он у меня, удобно откинувшись в кресле и называя троих новых гостей.

— Но это ведь парадокс, — сказал Редактор.

— Сегодня я не в силах спорить. Рассказать могу, но спорить не в состоянии. Я расскажу вам о том, что случилось со мной, если хотите, но прошу не перебивать меня. Я хочу рассказать... Более того, я чувствую непреодолимую потребность рассказать вам все. Знаю, что едва ли не весь мой рассказ покажется вам вымыслом. Пусть так! Но все-таки это правда — от первого до последнего слова... Сегодня в четыре часа дня я был в своей лаборатории, и с тех пор... за три часа прожил восемь дней... Восемь дней, каких не переживал еще ни один человек! Я измучен, но не лягу спать до тех пор, пока не расскажу вам все, от первой до последней минуты. Тогда только я смогу заснуть. Но не прерывайте меня. Согласны?

— Согласен, — сказал Редактор, и остальные его поддержали, — согласны!

На этом Путешественник во Времени начал свой рассказ, и я изложил его здесь.

Сначала он сидел, откинувшись на спинку кресла, и казался крайне утомленным, но потом понемногу оживился. Пересказывая его историю, я слишком глубоко чувствую полнейшее бессилие пера и чернил и, главное, собственную свою

неспособность передать все эти характерные особенности. Вероятно, вы прочтете ее со вниманием, но не увидите бледного искреннего лица рассказчика, освещенного ярким светом лампы, и не услышите звука его голоса. Вы не сможете представить себе, как по ходу рассказа изменялось выражение этого лица. Большинство из нас сидело в тени: в курительной комнате не были зажжены свечи, а лампа освещала только лицо Журналиста и ноги Молчаливого Гостя, да и то лишь до колен.

Сначала мы молча переглядывались, но вскоре забыли обо всем и смотрели только на Путешественника во Времени.

IV

— Некоторым из вас в прошлый четверг я рассказал принципы работы Машины Времени и показал вам ее еще не законченную в моей лаборатории.

Там она и сейчас, правда, путешествие на ней плохо отразилось; один из стержней из слоновой кости треснул, латунное полотно погнулось; но все остальное цело. Я планировал закончить ее еще в пятницу, но в пятницу, когда все было собрано воедино, я обнаружил, что одна из никелевых полос ровно на один дюйм короче, чем нужно. Из-за этого

пришлось переделывать. Поэтому Машина была закончена только сегодня утром. Сегодня в десять часов утра первая в мире Машина Времени была готова к работе! Я осмотрел ее в последний раз, проверил все крепления, снова немного смазал кварцевую ось и сел в седло.

Думаю, что самоубийца, который подносит револьвер к виску, испытывает такое же странное чувство, какое охватило меня, когда одной рукой я взялся за пусковой рычаг, а другой — за тормоз. Я быстро повернул первый и почти тотчас же второй. Мне показалось, что я покачнулся, испытав, будто в кошмаре, ощущение падения. Но, оглядевшись, я увидел свою лабораторию такой же, как и за минуту до этого. Произошло ли что-нибудь? На мгновение у меня мелькнула мысль, что все мои теории ошибочны. Я посмотрел на часы. Минуту назад, как мне казалось, часы показывали начало одиннадцатого, теперь же — около половины четвертого!

Я вздохнул и, сжав зубы, обеими руками повернул пусковой рычаг. Лаборатория стала туманной и неясной. Вошла миссис Уотчет и, по-видимому, не замечая меня, двинулась к двери в сад. Для того чтобы перейти комнату, ей понадобилось, вероятно, около минуты, но мне показалось, что она пронеслась с быстротой ракеты. Я повернул рычаг до отказа. Сразу наступила

темнота, как будто потушили лампу, но в следующее же мгновение вновь стало светло. Я неясно различал лабораторию, которая становилась все более и более туманной. Вдруг наступила ночь, затем снова день, снова ночь и так далее, все быстрее. У меня шумело в ушах, и странное ощущение падения стало сильнее.

Боюсь, я не смогу передать своеобразные ощущения путешествия во Времени. Они довольно неприятны. Как будто мчишься куда-то, беспомощный, с головокружительной быстротой. Предчувствие ужасного, неизбежного падения не покидает тебя. Пока я мчался таким образом, ночи сменялись днями, подобно взмахам крыльев. Скоро смутные очертания моей лаборатории исчезли, и я увидел солнце, каждую минуту делавшее скачок по небу от востока до запада, и каждую минуту наступал новый день. Я решил, что лаборатория разрушена и я очутился под открытым небом. У меня было такое чувство, словно я нахожусь на эшафоте, но я мчался слишком быстро, чтобы отдаваться такого рода впечатлениям. Самая медленная из улиток двигалась для меня слишком быстро. Мгновенная смена темноты и света была нестерпима для глаз. В секунды потемнения я видел луну, которая быстро пробегала по небу, меняя свои фазы от новолуния до полнолуния, видел слабое мерцание кружившихся звезд. Я продолжал

мчаться так со все возрастающей скоростью, день и ночь слились наконец в сплошную серую пелену, небо окрасилось в ту удивительную синеву, приобрело тот чудесный оттенок, который появляется в ранние сумерки; метавшееся солнце превратилось в огненную полосу, дугой сверкавшую от востока до запада, а Луна — в такую же полосу слабо струившегося света, я уже не мог видеть звезд и только изредка замечал то тут, то там светлые круги, опоясавшие небесную синеву.

Вокруг меня все было смутно и туманно. Я все еще находился на склоне холма, на котором и сейчас стоит этот дом, и вершина его поднималась надо мной, серая и расплывчатая. Я видел, как деревья выростали и изменяли форму подобно клубам дыма: то желтея, то зеленея, они росли, увеличивались и исчезали. Я видел, как огромные великолепные здания появлялись и таяли, словно сновидения. Вся поверхность земли изменялась на моих глазах. Маленькие стрелки на циферблатах, показывавшие скорость Машины, вертелись все быстрее и быстрее. Скоро я заметил, что полоса, в которую превратилось солнце, колеблется то к северу, то к югу — от летнего солнцестояния к зимнему, — показывая, что я пролетал более года в минуту, и каждую минуту снег покрывал землю и сменялся яркой весенней зеленью.

Первые неприятные ощущения стали теперь менее острыми. Наконец, они объединились в какое-то истерическое возбуждение. Я заметил, как машина стала неуклюже раскачиваться, чему не смог найти объяснение. Но мой разум был помутнен, я не владел собой и с нарастающим чувством абсурдности происходящего мчался в будущее. Я совсем не думал об остановке, вообще ни о чем не думал, кроме как о своих новых ощущениях. Но постепенно эти свежие впечатления породили в сознании некоторое любопытство и с ним определенный страх — пока окончательно полностью не овладели мной.

«Какие удивительные изменения, произошедшие с человечеством, какие чудесные достижения прогресса по сравнению с нашей зачаточной цивилизацией, — думал я, — могут открыться передо мной, если я взгляну поближе на мир, смутно мелькающий сейчас перед моими глазами!» Я видел, как вокруг меня проносились огромные сооружения чудесной архитектуры, гораздо более величественные, чем здания нашего времени, но они казались как бы сотканными из мерцающего тумана. Я видел, как склон этого холма покрылся пышной зеленью, и она оставалась на нем круглый год — летом и зимой. Даже сквозь дымку, окутавшую меня, зрелище показалось мне удивительно прекрасным. И я почувствовал

желание остановиться.

Самый большой риск заключался в том, что я со своей Машинной мог занять чье-то место в пространстве. Пока я с огромной скоростью мчался во Времени, это не имело значения, я находился, так сказать, в разжиженном состоянии, подобно пару, скользил между встречавшимися предметами. Но остановка означала, что я должен молекула за молекулой втиснуться в то, что оказалось бы на моем пути; атомы моего тела должны были войти в такое близкое соприкосновение с атомами этого препятствия, что между теми и другими могла произойти бурная химическая реакция — возможно, мощный взрыв, после которого я вместе с моим аппаратом оказался бы по ту сторону всех измерений, в Неизвестности. Эта возможность не раз приходила мне на ум, пока я делал Машину, но тогда я считал, что это риск, на который необходимо идти. Теперь же, когда опасность казалась неминуемой, я уже не смотрел на нее так беззаботно. Дело в том, что новизна окружающего, утомительные колебания и дрожание Машины, а главное, непрерывное ощущение падения — все это незаметно действовало на мои нервы. Я говорил себе, что уже больше не смогу никогда остановиться, и вдруг, досадуя на самого себя, решил это сделать. Как глупец, я нетерпеливо рванул тормоз. Машина в то же мгновение

перевернулась, и я стремглав полетел в пространство.

В ушах будто раздался раскат грома. Я почувствовал на мгновение, что оглушен. Потом с трудом сел и осмотрелся. Вокруг меня со свистом падал белый град, а я сидел на мягком дерне перед опрокинутой Машиной. Все вокруг по-прежнему казалось серым, но вскоре я почувствовал, что шум в ушах прошел, и еще раз осмотрелся: я находился, по-видимому, в саду, на лужайке, обсаженной рододендронами, лиловые и алые цветы падали на землю под ударами града. Отскакивая от земли, градины летели над моей Машиной, таяли и сырым покровом стлались по земле. В одно мгновение я промок до костей.

— Замечательное гостеприимство, — пробормотал я, — так встречать человека, который промчался сквозь бесчисленное множество лет.

Я подумал, что дальше мокнуть как-то глупо. Встал и огляделся. Колоссальная фигура, вырезанная, видимо, из какого-то белого камня, неясно просматривалась за рододендронами и завесой ливня. Но все остальное в мире было невидимым.

Трудно передать мои ощущения. Когда град стал падать реже, я подробно разглядел белую фигуру. Она была очень велика — высокий серебристый тополь достигал только до ее

половины. Высечена она была из белого мрамора и походила на сфинкса, но крылья его не прилегали к телу, а были распростерты, словно он собирался взлететь. Пьедестал показался мне сделанным из бронзы и позеленевшим от времени. Лицо Сфинкса было обращено прямо ко мне, его незрячие глаза, казалось, смотрели на меня, и по губам скользила улыбка. Он был сильно потрепан непогодами, словно изъеден болезнью. Я стоял и глядел на него, быть может, полминуты, а может, и полчаса. Казалось, он то приближался, то отступал, смотря по тому, гуще или реже падал град. Наконец я отвел от него глаза и увидел, что завеса града прорвалась, небо прояснилось и скоро должно появиться солнце.

Я снова взглянул на белую фигуру и вдруг осознал полное безрассудство своего путешествия. Что я увижу, когда туманный занавес рассеется окончательно? Что произошло с людьми? Что делать, если жестокость стала чертой, присущей всему живому? Что если за это время они потеряли свое человеческое лицо и превратились в нечто бесчеловечное, несимпатичное и необыкновенно сильное? Возможно, я увижу какое-то древнее дикое животное, только более страшное и отвратительное, чем человекоподобное существо? Что, если я пойму, что его сразу надо будет убить?

Я взглянул кругом и увидел вдали какие-то

очертания — огромные дома с затейливыми перилами и высокими колоннами, они отчетливо выступали на фоне лесистого холма, который сквозь утихающую грозу смутно вырисовывался передо мною. Панический страх вдруг овладел мною. Как безумный, я бросился к Машине Времени и попробовал снова запустить ее. Солнечные лучи пробились тем временем сквозь облака. Серая завеса расплылась и исчезла. Надо мной в густой синеве летнего неба растаяло несколько последних облаков. Ясно и отчетливо показались огромные здания, блестящие после обмывшей их грозы и украшенные белыми грудями нерастаявших градин. Я чувствовал себя совершенно незащищенным в этом неведомом мире. Вероятно, то же самое ощущает птичка, видя, как парит ястреб, собирающийся на нее броситься. Мой страх граничил с безумием. Я собрался с силами, сжал зубы, руками и ногами уперся в Машину, чтобы перевернуть ее. Она поддалась моим отчаянным усилиям и наконец перевернулась, сильно ударив меня по подбородку. Одной рукой держась за сиденье, другой за рычаг, я стоял, тяжело дыша, готовый снова взобраться на нее.

Вместе с возможностью скорого отступления ко мне вернулось мужество. С любопытством, к которому примешивалось все меньше страха, я взглянул на этот мир далекого будущего. Под аркой

в стене ближайшего дома я увидел несколько фигур в красивых свободных одеждах. Они меня тоже увидели: их лица были обращены ко мне.

Затем я услышал приближающиеся голоса. Из-за кустов позади Белого Сфинкса показались головы и плечи бегущих людей. Один из них выскочил на тропинку, ведущую к лужайке, где я стоял рядом со своей Машиной. Это было маленькое существо — не более четырех футов ростом, одетое в пурпурную тунику, перехваченную у талии кожаным ремнем. На ногах у него были не то сандалии, не то котурны. Ноги до колен были обнажены, и голова не покрыта. Обратив внимание на его легкую одежду, я впервые почувствовал, насколько тепло вокруг.

Подбежавший человек поразил меня своей красотой и грацией, хоть был удивительно тщедушным. Его разрумнявившееся лицо напомнило мне лица больных чахоткой, ту самую чахоточную нездоровую красоту, о которой так часто приходится слышать. Увидев его, я вдруг обрел уверенность и убрал руки от машины.

V

Еще через мгновение мы стояли лицом к лицу, я и это хрупкое существо из будущего. Он подошел прямо ко мне и рассмеялся, глядя прямо в глаза.

Отсутствие малейших признаков страха поразило меня. Он повернулся к двум другим, которые последовали за ним, и сказал им что-то на странном, очень приятном и певучем языке.

Вскоре подошли и другие, вокруг меня образовалась небольшая группа, может быть, из восьми или десяти этих изысканных существ. Один из них обратился ко мне. Не знаю почему, но мне пришло вдруг в голову, что мой голос должен показаться им слишком грубым и резким. Поэтому я только покачал головой и указал на свои уши.

Тот, кто обратился ко мне, сделал шаг вперед, остановился в нерешительности и дотронулся до моей руки. Я почувствовал еще несколько таких же нежных прикосновений на плечах и на спине. Они хотели убедиться, что я действительно существую. В их движениях не было решительно ничего внушающего опасение. Наоборот, в этих милых маленьких существах было что-то вызывающее доверие, какая-то грациозная мягкость, какая-то детская непринужденность. К тому же они были такие хрупкие, что, казалось, можно совсем легко в случае нужды разбросать их, как кегли, — целую дюжину одним толчком. Однако, заметив, что маленькие руки принялись ощупывать Машину Времени, я сделал предостерегающее движение. Я вдруг вспомнил то, о чем совершенно забыл — что она может внезапно исчезнуть, — вывинтил,

нагнувшись над стержнями, рычажки, приводящие Машину в движение, и положил их в карман. Затем снова повернулся к этим людям, раздумывая, как бы мне с ними объясниться.

Я пристально разглядывал их изящные фигурки, напоминавшие дрезденские фарфоровые статуэтки. Их короткие волосы одинаково курчавились, на лице не было видно ни малейшего признака растительности, уши были удивительно маленькие. Рот крошечный, с ярко-пунцовыми, довольно тонкими губами, подбородок заострен. Глаза большие и спокойные, и — это, может быть, нескромно с моей стороны... но мне показалось, с их стороны определенно недоставало того интереса ко мне, на который я рассчитывал.

Они больше не делали попыток объясняться со мной и стояли, улыбаясь и переговариваясь друг с другом нежными воркующими голосами. Я первым начал разговор. Указал рукой на Машину Времени, потом на самого себя. После этого, поколебавшись, как лучше выразить понятие о Времени, указал на солнце. Тотчас же одно изящное существо, одетое в клетчатую пурпурно-белую одежду, повторило мой жест и, несказанно поразив меня, издало звук, подражая грому.

На мгновение я удивился, хотя смысл жеста был вполне ясен. Мне вдруг пришла мысль: а не

имею ли я дело просто-напросто с дураками? Вы едва ли поймете, как это поразило меня. Я всегда держался того мнения, что люди эпохи восьмисот второй тысячи лет, куда я залетел, судя по счетчику моей Машины, уйдут невообразимо дальше нас в науке, искусстве и во всем остальном. И вдруг один из них задает мне вопрос, показывающий, что его умственный уровень не выше уровня нашего пятилетнего ребенка: он всерьез спрашивает меня, не упал ли я с солнца во время грозы? И потом, эта их яркая одежда, хрупкое, изящное сложение и нежные черты лица. Я почувствовал разочарование и на мгновение подумал, что напрасно трудился над своей Машиной Времени.

Я кивнул, указал на солнце и так реально изобразил гром, что испугал их. Они все пригнулись и отошли от меня на пару шагов. Но тотчас снова ободрились, и один, смеясь, подошел ко мне с гирляндой чудесных и совершенно неизвестных мне цветов. Он обвил гирляндой мою шею под мелодичные одобрительные возгласы остальных. Все принялись рвать цветы и, смеясь, обвивать ими меня, пока наконец я не стал задыхаться от благоухания. Вы, никогда не видевшие ничего подобного, вряд ли можете представить себе, какие чудесные, нежные цветы создала культура этого невообразимо далекого от нас времени. Кто-то, видимо, подал мысль

выставить меня в таком виде в ближайшем здании, и они повели меня к высокому серому, покрытому трещинами каменному дворцу, мимо Сфинкса из белого мрамора, который, казалось, все время с легкой усмешкой смотрел на мое изумление. Идя с ними, я едва удержался от смеха при воспоминании о том, как самоуверенно предсказывал вам несколько дней назад серьезность и глубину ума людей будущего.

Здание, куда меня вели, имело огромный портал, да и все оно было колоссальных размеров. Я с интересом рассматривал огромную, все растущую толпу этих маленьких существ и зияющий вход, темный и таинственный. Общее впечатление от окружающего было таково, как будто весь мир покрыт густой порослью красивых кустов и цветов, словно давно запущенный, но все еще прекрасный сад. Я видел высокие стебли и нежные головки странных белых цветов. Они были около фута в диаметре, имели прозрачный восковой оттенок и росли дико среди разнообразных кустарников; в то время я не мог хорошенько рассмотреть их. Моя Машина Времени осталась без присмотра среди рододендронов.

Вход в арку был богато украшен резьбой, но, естественно, я не мог рассмотреть ее во всех деталях, хотя, когда я проходил под ним, мне показалось, что он сделан в древнефиникийском

стиле, и меня поразило, что резьба сильно попорчена и стерта.

Несколько одетых более ярко существ встретили меня в дверях, и так мы вошли: я, одетый в испачканную одежду девятнадцатого века, увешанный гирляндами из цветов, в окружении волнующейся толпы в ярких, просторных одеяниях мягких цветов, с хрупкими белыми конечностями, окруженный мелодичным смехом и речью.

Большая дверь открывала вход в огромный зал, увешанный коричневой тканью. Потолок оставался в тени, а через окна с яркими цветными стеклами, а местами совсем незастекленные, лился мягкий, приятный свет. Пол состоял из какого-то очень твердого белого металла — это были не плитки и не пластинки, а целые глыбы, но шаги бесчисленных поколений даже в этом металле выбили местами глубокие колеи. Поперек зала стояло множество низких столов, сделанных из полированного камня, высотой не больше фута, — на них лежали груды плодов. В некоторых я узнал что-то вроде огромной малины, другие были похожи на апельсины, но большая часть была мне совершенно неизвестна.

Между столов было разбросано множество подушек. Мои спутники расселись, и мне указали мое место. Они довольно непосредственно принялись руками есть фрукты, бросая кожуру,

стебли и прочую шелуху в круглые отверстия по краям столов. И я немедля последовал их примеру, почувствовав к этому времени немалую жажду и голод. Как только я подкрепился, принялся осматривать зал.

Возможно, больше всего меня поразило его плачевное состояние. Витражи, которые изображали строгие геометрические узоры, были сломаны во многих местах, а занавеси были покрыты толстым слоем пыли. Мне бросилось в глаза, что угол мраморного столика возле меня отбит. Тем не менее зал производил по-прежнему значительный эффект и был чрезвычайно богат и живописен. В обеденном зале собралось, наверное, человек двести, большинство из них смотрели на меня с интересом, их маленькие глаза блестели. Все были облачены в такие же мягкие, но прочные одежды из шелковистого материала.

Фрукты, кстати, составляли весь их рацион. Встреченные мне люди далекого будущего оказались строгими вегетарианцами, и пока я оставался с ними, несмотря на некоторую потребность в мясе, я тоже был вынужден стать травоядным. Потом выяснилось, что лошади, крупный рогатый скот, овцы, собаки вымерли один за другим как вымерли некогда и динозавры. Однако плоды были восхитительны, в особенности один плод (который, по-видимому, созрел во время

моего пребывания там), с мучнистой мякотью, заключенной в трехгранную скорлупу. Он стал моей главной пищей. Я был поражен удивительными плодами и чудесными цветами, но не знал, откуда они берутся: только позднее я начал это понимать.

Итак, я рассказал вам о моем первом обеде в далеком будущем. Немного утолив голод, я решил сделать попытку понять язык этих новых для меня людей. Было ясно, что в дальнейшем это станет необходимостью. Плоды показались мне удобной вещью для начала, и, держа их, я начал серию вопросительных звуков и жестов. Мне стоило немалого труда заставить их понимать меня. Сначала все мои слова и жесты вызывали изумленные взгляды и бесконечные взрывы смеха, но вдруг одно белокурое существо, казалось, поняло мое намерение и несколько раз повторило какое-то слово. Все принялись болтать и перешептываться друг с другом, а потом наперебой начали весело обучать меня своему языку. Несмотря на то что я брал у них уроки, я все-таки чувствовал себя как школьный учитель в кругу детей. Скоро я заучил десятка два существительных, а затем дошел до указательных местоимений и даже до глагола «есть». Но это была трудная работа, быстро наскучившая маленьким существам, и я почувствовал, что они уже избегают

моих вопросов. По необходимости пришлось брать уроки понемногу и только тогда, когда мои новые знакомые сами этого хотели. А это бывало нечасто — я никогда не встречал таких беспечных и быстро утомляющихся людей.

VI

Странное дело, но вскоре я обнаружил, что у моих маленьких знакомых напрочь отсутствует любознательность. Они, как дети, подходили ко мне с нетерпеливыми криками удивления и, осмотрев меня, так же быстро уходили в поисках других новых игрушек. Когда обед закончился, а вместе с ним и мои попытки изучить их речь, я в первый раз отметил, что почти всех тех, кто поначалу меня окружал, в зале уже не было. Странно, но и я сам довольно быстро стал равнодушен к этим маленьким людям. Утолив голод, я вышел на залитую солнцем улицу. Навстречу мне постоянно попадались маленькие люди будущего, они следовали за мной чуть поодаль, болтая и смеясь, а потом, улыбаясь и по-дружески жестикулируя, оставляли меня в покое.

Когда я вышел из большого зала, стоял тихий теплый вечер, и все вокруг было освещено мягким светом заходящего солнца. Сначала все казалось очень непонятным. Все вокруг чрезвычайно

отличалось от мира, который я знал, даже цветы. Огромное здание, из которого я вышел, стояло на склоне речной долины, но Темза по меньшей мере на милю изменила свое теперешнее русло. Я решил добраться до вершины холма, лежавшего от меня на расстоянии примерно полутора миль, чтобы с его высоты поглядеть на нашу планету в восемьсот две тысячи семьсот первом году нашей эры — именно эту дату показывала стрелка на циферблате моей Машины.

Когда я шел, я пытался найти любое объяснение тому состоянию разоренной роскоши, в которой я нашел этот мир — это было-таки разорение. Немного выше на холме я увидел огромные груды гранита, скрепленные полосами алюминия, гигантский лабиринт отвесных стен и кучи расколовшихся на мелкие куски камней, между которыми густо росли удивительно красивые растения. Возможно, что это была крапива, но ее листья были окрашены в чудесный коричневый цвет и не были жгучими, как у нашей крапивы. Вблизи были руины какого-то огромного здания, непонятно для чего предназначенного. Здесь мне пришлось впоследствии сделать одно странное открытие, но об этом я вам расскажу чуть позже.

Я решил немного отдохнуть на уступе холма и, осмотревшись вокруг, поразился отсутствию

каких бы то ни было маленьких домов. По-видимому, частный дом и частное хозяйство окончательно исчезли. То тут, то там среди зелени виднелись огромные здания, похожие на дворцы, но нигде не было тех домиков и коттеджей, которые так характерны для современного английского пейзажа.

— Коммунизм, — сказал я себе.

Следом пришла другая мысль. Я посмотрел на полдюжины маленьких людей, которые следовали за мной, и вдруг заметил, что на всех одежда всевозможных светлых цветов, но одинакового покроя, у всех те же самые безбородые лица, та же детская округленность конечностей. Может показаться странным, что я не заметил этого раньше, но все вокруг меня было так необычно. Теперь это бросилось мне в глаза. Мужчины и женщины будущего не отличались друг от друга ни костюмом, ни телосложением, ни манерами, одним словом, ничем, что теперь отличает один пол от другого. И дети, казалось, были просто миниатюрными копиями своих родителей. Поэтому я решил, что дети этой эпохи отличаются удивительно ранним развитием, по крайней мере, в физическом отношении, и это мое мнение подтвердилось впоследствии множеством доказательств.

Видя простоту и безопасность, в которой

жили эти люди, близкое сходство внешности полов нашло свое логичное объяснение: сила мужчины и мягкость женщины, институт семьи и дифференциация профессий являются всего лишь жестокой необходимостью для века, в котором правит физическая сила. Там, где население многочисленно и сбалансировано, частое рождение детей становится злом, а не благом для государства. Когда практически отсутствует насилие и царит безопасность, там практически нет необходимости в создании института семьи, и разделение полов с учетом потребностей их детей исчезает. Некоторые зачатки этого явления мы видим даже в наше время, а в будущем этот процесс, я увидел, окончательно завершился. Таковыми на тот момент были мои выводы. Позже я увидел, насколько они были далеки от действительности.

Пока я размышлял над этими вещами, мое внимание привлекло довольно маленькое добротное строение, похожее на колодец, прикрытый куполом. У меня мелькнула мысль: как странно, что до сих пор существуют колодцы, но затем я снова погрузился в раздумья. До самой вершины холма больше не было никаких зданий, и, продолжая идти, я скоро очутился один, так как остальные за мной не поспевали. С чувством свободы, ожидая необыкновенных приключений, я направился к вершине холма.

Там я нашел скамейку из какого-то желтого металла с подлокотниками, отлитыми в виде голов грифонов, в некоторых местах она была съедена ржавчиной с каким-то розоватым оттенком и наполовину заросла мягким мхом. Я сел и принялся смотреть на широкий простор, освещенный лучами догорающего заката. Картина была небывалой красоты. Солнце только что скрылось за горизонтом; запад горел золотом, по которому горизонтально тянулись легкие пурпурные и алые полосы. Внизу расстилалась долина, по которой, подобно полосе сверкающей стали, дугой изогнулась Темза. Как я уже говорил, среди пестрой зелени раскинулись огромные дворцы, некоторые уже превратились в руины, а некоторые до сих пор были обитаемы. То здесь, то там в этом земном саду попадались белые или серебристые изваяния, поднимались ввысь острые пики куполов или обелисков. Нигде не было изгородей, не было даже следов собственности и никаких признаков земледелия — вся земля превратилась в один цветущий сад.

Наблюдая все это, я старался объяснить себе то, что видел, и сделал вот какие выводы из своих наблюдений. (Позже я убедился, что они были односторонними и содержали лишь половину правды.)

Мне казалось, что я попал в эпоху упадка

человеческой цивилизации. Алый закат заставил меня задуматься именно о закате человечества. Я впервые увидел те неожиданные последствия, к которым привели общественные отношения нашего времени. Теперь я прихожу к убеждению, что это были вполне логические последствия. Сила есть только результат необходимости; обеспеченное существование ведет к слабости. Стремление к улучшению условий жизни — истинный прогресс цивилизации, делающий наше существование все более обеспеченным, — привело к своему конечному результату. Объединенное человечество поколение за поколением торжествовало победы над природой. То, что в наши дни кажется несбыточными мечтами, превратилось в искусно задуманные и осуществленные проекты. Я же увидел сбор урожая...

Думаю, вы согласитесь, что инфраструктура городов и сельское хозяйство сегодня находятся пока в зачаточном состоянии. Наука объявила войну лишь малой части человеческих болезней, но она неизменно и упорно продолжает свою работу. Земледельцы и садоводы то тут, то там уничтожают сорняки и выращивают лишь немногие полезные растения, предоставляя остальным бороться за свое существование как получится. Мы постепенно путем селекции совершенствуем избранные нами растения и животных; появился новый лучший сорт

персика, виноград без косточек, крупнее и ароматнее цветов, более приспособлены породы скота. Мы улучшаем их постепенно, потому что наши представления об идеале смутны и вырабатываются путем опыта, а знания крайне ограничены, да и сама природа робка и неповоротлива в наших неуклюжих руках. Когда-нибудь все это будет организовано лучше. Несмотря на водовороты, поток времени неуклонно стремится вперед. Весь мир когда-нибудь станет разумным, образованным, все будут трудиться коллективно; это поведет к быстрейшему и полнейшему покорению природы. В конце концов мы мудро и заботливо установим равновесие животной и растительной жизни для удовлетворения наших потребностей.

Эти изменения должны были произойти и, как я понял, осуществились в полной мере за то долгое время, через которое промчалась моя Машина. Воздух был чист от мошкеры, земля от сорняков или плесени, повсюду спели фрукты и цвели ароматные восхитительные цветы, яркие бабочки безмятежно летали вокруг. Идеал профилактической медицины был достигнут. Болезнетворные микробы были уничтожены. За время своего пребывания там я не видел даже и признаков заразных болезней. Благодаря всему этому даже процессы гниения и разрушения

приняли совершенно новый вид.

В социальной среде тоже было достигнуто совершенство. Я видел, что люди проживают в роскошных домах, великолепно одеты и, как я еще успел заметить, не обременены никакими заботами. Не было никаких признаков борьбы, ни социальной, ни экономической. Торговля, реклама, транспорт — вся та деятельность, что составляет основу нашего мира, — тоже совершенно исчезла. Было естественно, что в этот золотистый вечер я ощутил себя в земном раю. Проблем с ростом населения не было, по-видимому, население перестало расти.

Но изменение условий неизбежно влечет за собой приспособление к этим изменениям. Что является движущей силой человеческого ума и энергии, если только вся биология не представляет собой бесконечного ряда заблуждений? Только труд и свобода; таковы условия, при которых деятельный, сильный и ловкий переживает слабого, который должен уступить свое место; условия, дающие преимущество честному союзу талантливых людей, умению владеть собой, терпению и решительности. Семья и возникающие отсюда чувства: ревность, любовь к потомству, родительское самоотвержение — все это находит себе оправдание в неизбежных опасностях, которым подвергается молодое поколение. Но где

теперь эти опасности? Уже сейчас начинает проявляться протест против супружеской ревности, против слепого материнского чувства, против всяческих страстей, и этот протест будет нарастать. Все эти чувства даже теперь уже не являются необходимыми, они делают нас несчастными и, как остатки первобытной дикости, кажутся несовместимыми с приятной и возвышенной жизнью.

Я стал думать о физической немощи этих людей, о бессилии их ума и об огромных развалинах, которые видел вокруг. Все это подтверждало мое предположение об окончательной победе, одержанной над природой. После войны наступил мир. Человечество было сильным, энергичным, оно обладало знаниями — нынче люди употребляли все свои силы на изменение условий своей жизни. А теперь измененные ими условия оказали свое влияние на их потомков.

В новых условиях идеального комфорта и безопасности присущая нам неутомимая энергия, являющаяся в наше время силой, должна была превратиться в слабость. Даже в наши дни некоторые склонности и желания, когда-то необходимые для выживания человека, стали источником его гибели. Храбрость и воинственность, например, не помогают, а скорее

даже мешают жизни цивилизованного человека. В государстве же, основанном на физическом равновесии и обеспеченности, превосходство — физическое или умственное — было бы совершенно неуместно. Я пришел к выводу, что на протяжении бесчисленных лет на земле не существовало ни опасности войн, ни насилия, ни диких зверей, ни болезнетворных микробов, не существовало и необходимости в труде. При таких условиях те, кого мы называем слабыми, были точно так же приспособлены, как и сильные, они уже не были слабыми. Вернее, они были даже лучше приспособлены, потому что сильного подрывала не находящая выхода энергия. Не оставалось сомнения, что удивительная красота виденных мною зданий была результатом последних усилий человечества перед тем, как оно достигло полной гармонии жизни, — последняя победа, после которой был заключен окончательный мир. Такова неизбежная судьба всякой энергии. Достигнув своей конечной цели, она еще ищет выхода в искусстве, в любви, а затем наступает бессилие и упадок.

Даже эти художественные порывы в конце концов должны были заглухнуть, и они почти заглухли в то Время, куда я попал. Украшать себя цветами, танцевать и петь под солнцем — вот что осталось от этих стремлений. Но и это в конце

концов должно было смениться бездействием. Все наши чувства и способности обретают остроту только на точиле труда и необходимости, а это неприятное точило было наконец разбито!

Так я стоял в сгущающейся темноте и думал, что вот подобным простым объяснением постиг тайну мира и разгадал секрет этих удивительных людей. Возможно, они нашли удачные средства для ограничения рождаемости, и численность населения даже уменьшалась. Этим можно было объяснить пустоту заброшенных дворцов. Моя теория была очень ясна и правдоподобна — как и большинство ошибочных теорий!

VII

Пока я так размышлял над этим полным торжеством человечества, из-за серебристой дымки на северо-востоке поднялась полная желтая луна. Яркие маленькие фигурки внизу перестали двигаться, бесшумно мимо пролетела сова, и я поежился от ночной прохлады. Я решил спуститься и поискать ночлег.

Я перевел взгляд на знакомое здание. Затем мои глаза отыскивали фигуру Белого Сфинкса на пьедестале из бронзы, и по мере того как свет восходящей Луны становился все ярче, стали появляться некоторые отличия. Я видел повисшие

ветви березы против него. Вон тот густой рододендрон, черный в бледном свете, и та же маленькая лужайка. Я снова посмотрел на газон. Странное сомнение заставило меня похолодеть.

— Нет, — уверенно сказал я себе, — это не тот газон.

Но газон был тот же самый. Белое лицо Сфинкса было по-прежнему обращено к нему. Можете ли вы представить, что я почувствовал, когда убедился в этом? Нет, вы не можете. Я похолодел — ведь моя Машина Времени исчезла!

Как удар плетью по лицу, меня пронзила мысль, что я могу потерять возможность вернуться обратно и навсегда остаться беспомощным в этом странном новом мире. Сама мысль об этом была мучительна. Я почувствовал, как сжалось мое горло, пресеклось дыхание. Ужас овладел мною, и дикими прыжками я кинулся вниз по склону. Я упал и расшиб лицо, но даже не попытался остановить кровь, вскочил на ноги и снова побежал, чувствуя, как теплая струйка стекает по щеке. Я бежал и не переставал твердить себе:

— Они немного отодвинули ее с дороги и оставили под кустами.

Тем не менее, бежал я изо всех сил. С уверенностью, которая иногда рождается из самого мучительного страха, я с самого начала знал, что утешающая моя мысль — вздор. Чутье говорило

мне, что Машина унесена куда-то, откуда мне ее не достать. Я едва переводил дыхание. От вершины холма до лужайки было около двух миль, и я преодолел это расстояние за десять минут. А ведь я уже не молод. Я бежал и громко проклинал свою безрассудную доверчивость, побудившую меня оставить Машину, и задышался от проклятий еще больше. Я попробовал громко кричать, но никто мне не ответил. Ни одного живого существа не было видно на залитой лунным светом земле.

Добравшись до лужайки, я понял, что мои худшие опасения оправдались. Следов Машины не было видно. Машины нигде не было видно. Похолодев, я смотрел на пустую лужайку среди черной чащи кустарников, потом быстро обежал ее, как будто Машина могла быть спрятана где-нибудь поблизости, и резко остановился, схватившись за голову. Надо мной на бронзовом пьедестале возвышался Сфинкс, все такой же бледный, словно изъеденный проказой, ярко озаренный светом луны. Статуя, казалось, насмеялась над моим ужасом.

Я мог бы утешить себя, представляя, как маленькие люди поставили механизм в какое-нибудь укрытие, если бы не знал наверняка, что у них не хватило бы на это ни сил, ни ума. Нет, меня ужасало теперь другое: мысль о какой-то новой, до сих пор неведомой мне силе, захватившей мое изобретение. Я был уверен только в одном:

если в какой-либо другой век не изобрели точно такого же механизма, моя Машина не могла без меня отправиться путешествовать во Времени. Не зная способа закрепления рычагов — я потом покажу вам, в чем он заключается, — невозможно воспользоваться ею для путешествия. К тому же сами рычаги были у меня. Мою Машину перенесли, спрятали где-то в Пространстве, а не во Времени. Но где же она может быть?

Думаю, со мной случилось своего рода помешательство. Помню, как я яростно метался среди залитых лунным светом кустов вокруг Сфинкса, как вспугнул какое-то поразительное белое животное, в тусклом свете показавшееся мне небольшим оленем. Помню также, как поздно ночью я колотил кулаками по кустам до тех пор, пока не исцарапал все руки о сломанные сучья. Потом, рыдая, в полном изнеможении, я побрел к большому каменному зданию, темному и пустынному, поскользнулся на неровном полу и упал на один из малахитовых столов, чуть не сломав ногу, зажег спичку и прошел мимо пыльных занавесей, о которых уже говорил вам.

Дальше я нашел второй большой зал, покрытый подушками, на которых спали два десятка маленьких людей. Мое вторичное появление, несомненно, показалось им очень странным. Я так внезапно вынырнул из ночной

тишины с отчаянными нечленораздельными криками и с зажженной спичкой в руке. Спички в их время, конечно, уже были позабыты.

— Где моя Машина Времени? — начал я кричать как рассерженный ребенок, тормоша и хватая их за руки. Вероятно, это их поразило. Некоторые смеялись, другие казались растерянными. Когда я увидел их, стоящих вокруг меня, я понял, что стараться пробудить в них чувство страха — чистое безумие. Вспоминая их поведение днем, я сообразил, что это чувство совершенно ими позабыто.

Бросив вниз спичку и сбив одного из человечков, попавшегося на моем пути, я снова ощупью прошел по большому обеденному залу и вышел на лунный свет. Позади меня вдруг раздались громкие крики и топот маленьких спотыкающихся ног, но тогда я не понял причины этого. Не помню всего, что я делал при лунном свете. Неожиданная потеря довела меня почти до безумия. Я чувствовал себя теперь безнадежно отрезанным от своих современников, каким-то странным животным в неведомом мире. В исступлении я бросался в разные стороны, плача и проклиная бога и судьбу. Помню, как я измучился в эту длинную отчаянную ночь, как рыскал в самых неподходящих местах, как ощупью пробирался среди озаренных лунным светом развалин,

натываясь в темных углах на странные белые существа; помню, как в конце концов я упал на землю около Сфинкса и рыдал в отчаянии. Вместе с силами исчезла и злость на себя за то, что я так безрассудно оставил Машину... Я ничего не чувствовал, кроме ужаса. Потом незаметно я уснул, а когда проснулся, уже совсем рассвело и вокруг меня по траве, на расстоянии протянутой руки, весело и без страха прыгали воробьи.

Я сел, обвеваемый свежестью утра, пытаюсь вспомнить, как я сюда попал и почему у меня такое глубокое чувство одиночества и отчаяния. Потом в голове моей прояснилось. Но при дневном свете у меня хватило самообладания достаточно спокойно взглянуть на обстоятельства. Я осознал всю дикость и глупость моего ночного поведения, и стал рассуждать сам с собой.

— Предположим худшее? — проговорил я, — предположим, что Машина Времени и вовсе исчезла или, может быть, даже уничтожена? Значит, мне следует быть спокойным и терпеливым, чтобы узнать получше жизнь этих людей. Все это мне понадобится для того, чтобы получить четкое представление, куда пропала Машина, найти способ получить материалы и инструменты, быть может, после этого я смогу сделать другую. Возможно, это моя единственная надежда, но она лучше, чем отчаяние. И, в конце

концов, это красивый и любопытный мир... Наверное, машину куда-то перевезли. Все-таки я должен быть спокойным и терпеливым, найти место, где она спрятана, и вернуть ее силой или хитростью.

С этими мыслями я встал на ноги и осмотрелся вокруг в поисках, где мог бы искупаться. Я чувствовал себя усталым, мое тело одеревенело и покрылось грязью. Утренняя свежесть вызывала желание стать самому чистым и свежим. Волнение истощало меня. Когда я принялся размышлять о своем положении, то удивился вчерашним опрометчивым поступкам. Я тщательно исследовал лужайку. Некоторое время ушло на напрасные расспросы проходивших мимо маленьких людей. Никто не понимал моих жестов: одни тупо смотрели на меня, другие принимали мои слова за шутку и смеялись. Мне стоило невероятных усилий удержаться и не броситься с кулаками на этих весельчаков. Безумный порыв! Но дьявол, породивший во мне страх и слепой гнев, не был обуздан и мог все-таки воспользоваться моей слабостью.

Густые заросли травы дали больше подсказок. Я нашел борозду, примерно на полпути между пьедесталом Сфинкса и следами моих ног. Примерно тут я, когда прибыл в этот мир, и возился с опрокинутой машиной. Нашлась на земле и

свежая борозда. Были видны и другие следы: странные узкие отпечатки ног, похожие, как мне казалось, на следы ленивца. Это побудило меня тщательней осмотреть пьедестал. Я уже, кажется, сказал, что он был из бронзы. Однако он представлял собою не просто плиту, а был с обеих сторон украшен искусно выполненными панелями. Я подошел и постучал. Пьедестал оказался полым. Осторожно изучив панели, я сделал вывод, что они подвижные. Не было никаких ручек или замочных скважин, но, возможно, они открывались изнутри, если, как я предполагал, служили входом в пьедестал. Не требовалось очень больших умственных усилий, чтобы сделать вывод, что моя Машина Времени была внутри постамента. Но как она туда попала, было еще одной загадкой.

Я увидел головы двух людей в оранжевой одежде, идущих ко мне между кустами и цветущими яблонями. Я обернулся и, улыбаясь, поманил их ко мне. Когда они подошли, я, указывая на бронзовый постамент, попытался объяснить, что хотел бы открыть его. Но на первый же мой жест в сторону пьедестала они отреагировали очень странно. Я не знаю, как передать вам выражение их лиц. Допустим, вы бы сделали до безобразия неприличный жест перед благовоспитанной леди — и представьте то, как она будет выглядеть. Они ушли, как будто были грубо оскорблены. Я

попытался подзвать к себе миловидное существо в белой одежде, но результат оказался тот же самый. Мне стало стыдно. Но Машина Времени была необходима, и я сделал новую попытку. Малыш с отвращением отвернулся от меня. Я потерял терпение. В три прыжка я очутился около него и, захлестнув его шею полой его же одежды, потащил к Сфинксу. Тогда на лице у него вдруг выразились такой ужас и отвращение, что я тотчас же выпустил его.

Но я не собирался сдаваться. Я принялся бить кулаками по бронзовым панелям. Мне показалось, что внутри что-то зашевелилось, и я явно услышал звук, похожий на смешок, — но, возможно, я ошибался. Затем у реки я подобрал большой камень, вернулся обратно и стал колотить им до тех пор, пока не расплющил одно украшение и окалина не стала осыпаться хлопьями. Слабые маленькие люди, должно быть, слышали грохот от моих ударов на милю вокруг, но у меня ничего не вышло. Я видел целую толпу на склоне холма, украдкой смотревшую на меня. Злой и усталый, я опустился на землю, но нетерпение не давало мне долго сидеть на месте, я был слишком деятельным человеком для неопределенного ожидания. Я мог годами трудиться над разрешением какой-нибудь проблемы, но сидеть в бездействии двадцать четыре часа было свыше моих сил.

Через некоторое время я встал и принялся снова бесцельно бродить среди кустарника. Потом направился к холму.

— Терпение, — повторял я себе. — Если хочешь получить свою Машину, оставь Сфинкса в покое. Если кто-то решил отнять ее у тебя, ты не принесешь себе никакой пользы тем, что станешь портить бронзовые панели Сфинкса; если же у похитителя не было злого умысла, ты получишь ее обратно, как только найдешь способ попросить об этом. Бессмысленно торчать здесь, среди незнакомых вещей, становясь в тупик перед каждым новым затруднением. Это прямой путь к безумию. Осмотрись лучше вокруг. Изучи нравы этого мира, наблюдай его, остерегайся слишком поспешных заключений! В конце концов ты найдешь ключ ко всему.

Потом вдруг мне в голову пришла мысль о комизме ситуации: мысль о том, сколько лет я провел в научных занятиях, тяжелых трудах, дабы попасть в грядущие века, и теперь, достигши их, с какой страстью и поспешностью пытаюсь сейчас отсюда выбраться. Я своими руками соорудил себе самую сложную и самую безнадежную ловушку, которую когда-либо придумывал человек. И хотя смеяться приходилось только над самим собой, я не мог удержаться и громко расхохотался.

Зайдя в зал огромного дворца, я заметил, что

маленькие люди стали избегать меня. Быть может, причина этому была и другая, но их отчуждение могло быть связано и с моей попыткой разбить бронзовые двери. Я ясно чувствовал, что они избегали меня, но постарался не придавать этому значения и не пытался более заговаривать с ними. Через день-другой все пошло своим чередом. Насколько было возможно, я продолжал изучать их язык и урывками производил исследования. Не знаю, был ли их язык слишком прост, или же я упускал в нем какие-нибудь тонкие оттенки, но, по-моему, он почти исключительно состоял из существительных и глаголов. Отвлеченных понятий было мало или, скорее, совсем не было, так же, как и слов, имеющих переносный смысл. Фразы обыкновенно были несложны и состояли всего из двух слов, и мне не удавалось высказать или уловить ничего, кроме простейших вопросов или ответов. Мысли о моей Машине Времени и о тайне бронзовых дверей под Сфинксом я решил запрятать в самый дальний уголок памяти, пока накопившиеся знания не приведут меня к ним естественным путем. Но чувство, без сомнения, понятное вам, все время удерживало меня поблизости от места моего появления.

VIII

Насколько я мог судить, весь окружающий мир был отмечен той же печатью роскоши и изобилия, которая поразила меня еще в долине Темзы. С вершины каждого холма я видел множество великолепных зданий, бесконечно разнообразных по материалу и стилю; видел те же чащи вечнозеленых растений, те же цветущие деревья и высокие папоротники. Кое-где отливала серебром зеркальная гладь воды, а вдали тянулись голубоватые волнистые гряды холмов, растворяясь в прозрачной синеве воздуха. С первого взгляда мое внимание привлекли к себе круглые колодцы, казалось, достигавшие во многих местах очень большой глубины. Один из них был на склоне холма, у тропинки, по которой я поднимался во время своей первой прогулки. Как и другие колодцы, он был причудливо отделан по краям бронзой и защищен от дождя небольшим куполом. Сидя около этих колодцев и глядя вниз, в непроглядную темноту, я не мог увидеть в них отблеска воды или отражения зажигаемых мною спичек. Но во всех них я слышал некий странный звук: «тук — тук — тук», похожих на шум работы огромных машин. По колебанию пламени спички я убедился, что вглубь колодца постоянно поступал свежий воздух. Я бросил в один из них кусочек

бумаги, и, вместо того, чтобы медленно опуститься, он быстро полетел вниз и исчез.

Через некоторое время я пришел к выводу, что существует какая-то связь между этими колодцами и высокими башнями, стоящими на склонах и тут, и там: над ними можно было различить марево колеблющегося воздуха, какое бывает в жаркий день над выжженным солнцем пляжем. Сложив все факты, я был уверен, что все это система разветвленной подземной вентиляции, чего-то непонятного, что было трудно представить. Поначалу я был уверен, что это связано с какими-то санитарными аспектами. Этот вывод был очевиден, но также оказался совершенно неправильным.

Здесь я должен сознаться, что за время своего пребывания в Будущем я очень мало узнал о водоснабжении, связи, путях сообщения и тому подобных жизненных удобствах. В некоторых прочитанных мною утопиях и рассказах о грядущих временах я всегда находил множество подробностей насчет домов, общественного порядка и тому подобного. Нет ничего легче, как придумать сколько угодно всяких подробностей, когда весь будущий мир заключен только в голове автора, но для путешественника, находящегося, подобно мне, среди незнакомой действительности, почти невозможно узнать обо всем этом в короткое время. Вообразите себе негра, который прямо из

Центральной Африки попал в Лондон. Что расскажет он по возвращении своему племени? Что будет он знать о железнодорожных компаниях, общественных движениях, телефоне и телеграфе, транспортных конторах и почтовых учреждениях? А ведь мы охотно согласимся все ему объяснить! Но даже то, что он узнает из наших рассказов, как передаст он своим друзьям, как заставит их поверить себе? Учтите при этом, что негр сравнительно недалеко отстоит от белого человека нашего времени, между тем как пропасть между мною и этими людьми Золотого века была неизмеримо громадна! Я чувствовал существование многого, что было скрыто от моих глаз, и это давало мне надежду, но, помимо общего впечатления какой-то автоматически действующей организации, я, к сожалению, могу передать вам лишь немногое.

Я не видел никаких признаков крематориев или чего-нибудь напоминающего могилы. Однако было весьма возможно, что кладбища (или крематории) были где-нибудь за пределами моих странствий. Это был один из тех вопросов, которые я сразу поставил перед собой и разрешить которые сначала был не в состоянии. Отсутствие кладбищ поразило меня и повело к дальнейшим наблюдениям, которые поразили меня еще сильнее: среди людей будущего совершенно не было ни

одного немощного или престарелого.

Должен признаться, что удовлетворение от моей первой теории об автоматически существующей цивилизации и об упадке человечества длилось недолго. Но я не мог придумать ничего другого. Вот что меня чрезвычайно смущало: все большие дворцы, которые я исследовал, служили исключительно жилыми помещениями — огромными столовыми и спальнями. Я не видел нигде машин или других приспособлений. А между тем на этих людях была прекрасная одежда, требовавшая обновления, и их сандалии, хоть и без всяких украшений, представляли собой образец изящных и сложных изделий. Как бы то ни было, но вещи эти нужно было сделать. А маленький народец не проявлял никаких созидательных наклонностей. У них не было ни цехов, ни мастерских, ни малейших следов ввоза товаров. Все свое время они проводили в играх, купании, полушутливом флирте, еде и сне. Я не мог понять, на чем держалось такое общество.

Опять же, вернувшись к исчезновению Машины Времени: кто-то, мне неизвестный, спрятал ее в пьедестале Белого Сфинкса. Для чего? Я никак не мог ответить на этот вопрос! Вдобавок — безводные колодцы и башни с колеблющимся над ними воздухом. Я чувствовал, что не нахожу ключа к этим загадочным явлениям. Я чувствовал... как

бы это вам объяснить? Представьте себе, что вы нашли бы надпись на хорошем английском языке, перемешанном с совершенно вам неизвестными словами. Вот как на третий день моего пребывания представлялся мне мир восемьсот две тысячи семьсот первого года!

В этот же день я обрел в некотором роде друга. Когда я смотрел на группу маленьких людей, купавшихся в реке на неглубоком месте, кого-то из них схватила судорога, и маленькую фигурку понесло по течению. Течение было здесь довольно быстрое, но даже средний пловец мог бы легко с ним справиться. Чтобы дать вам некоторое понятие о странной психике этих существ, я скажу лишь, что никто из них не сделал ни малейшей попытки спасти бедняжку, которая с криками тонула на их глазах. Увидя это, я быстро сбросил одежду, побежал вниз по реке, вошел в воду и, схватив ее, легко вытащил на берег. Маленькое растирание привело ее в чувство, и я с удовольствием увидел, что она совершенно оправилась. Я сразу же оставил ее, поскольку был такого невысокого мнения о ней и ей подобных, что не ожидал никакой благодарности. К счастью, на этот раз я ошибся.

Эта история случилась утром. Днем, когда я вернулся к своим исследованиям, я снова встретил эту маленькую женщину — я считал, что это женщина. Она подбежала с громкими криками

радости и поднесла мне огромную гирлянду цветов, очевидно, приготовленную специально для меня. Это создание очень меня заинтересовало. Вероятно, я чувствовал себя слишком одиноким. Но как бы то ни было, я, насколько сумел, высказал ей, что мне приятен подарок. Мы оба сели в небольшой каменной беседке и завели разговор, состоявший преимущественно из улыбок. Дружеские чувства этого маленького существа радовали меня, как радовали бы чувства ребенка. Мы обменялись цветами, и она целовала мои руки. Я отвечал ей тем же. Когда я попробовал заговорить, то узнал, что ее зовут Уина, и хотя не понимал, что это значило, но все же чувствовал, что между ней и ее именем было какое-то соответствие. Таково было начало нашей странной дружбы, которая продолжалась неделю, а как окончилась, я расскажу позже!

Она была совсем как ребенок и хотела быть со мной всегда. Она старалась следовать за мной везде, так что в мое очередное путешествие мне пришлось на ум вконец ее утомить и оставить далеко позади, несмотря на ее жалобный зов. Мировая проблема, думал я, должна быть решена. Я не для того попал в Будущее, повторял я себе, чтобы заниматься легкомысленным флиртом. Но ее отчаяние было слишком велико, а в ее сетованиях, когда она начала отставать, звучало исступление. Ее привязанность тронула меня, я вернулся, и с

этих пор она стала доставлять мне столько же забот, сколько и удовольствия. Все же она была для меня большим утешением. Мне казалось сначала, что она испытывала ко мне лишь простую детскую привязанность, и только потом, когда было уже слишком поздно, я ясно понял, чем я сделался для нее и чем стала она для меня. Уже по тому одному, что эта малышка выказывала мне нежность и заботу, я, возвращаясь к Белому Сфинксу, чувствовал, будто возвращаюсь домой, и каждый раз, добравшись до вершины холма, отыскивал глазами знакомую фигурку в белой, отороченной золотом одежде.

От нее же я узнал, что страх еще не покинул этот мир. Она была достаточно бесстрашной при свете дня, и у нее было непонятно откуда взявшееся странное доверие ко мне; глупо, конечно, но в какой-то момент я решил ее напугать страшными гримасами, а она просто смеялась над ними. Однако она боялась только темноты, густых теней и черных предметов. Страшней всего была ей темнота. Она действовала на нее настолько сильно, что это натолкнуло меня на новые наблюдения и размышления. Я открыл, между прочим, что с наступлением темноты маленькие люди собирались в больших зданиях и спали все вместе. Войти к ним ночью значило произвести среди них смятение и панику. Я ни разу не видел, чтобы после

наступления темноты кто-нибудь вышел на воздух или спал один под открытым небом. Но я был таким глупцом и игнорировал этот страх, несмотря на переживания Уины, я настаивал на том, чтобы спать подальше от всех.

Поначалу это сильно ее беспокоило, но в конце концов ее необъяснимая привязанность ко мне восторжествовала, и за время нашего знакомства пять ночей, в том числе и последнюю ночь, она спала со мной, положив голову на мое плечо. Но, вспомнив о ней, я отклонился от своей истории. В ночь накануне ее спасения я проснулся на рассвете. Спал я беспокойно, мне приснилось, что я утонул и что актинии своими мягкими щупальцами касались моего лица. Вздвогнув, я проснулся, и мне почудилось, что какое-то сероватое животное выскользнуло из комнаты. Я попытался снова заснуть, но мучительная тревога уже овладела мною. Был тот ранний час, когда предметы только начинают выступать из темноты, когда все вокруг кажется бесцветным и каким-то нереальным, несмотря на отчетливость очертаний. Я встал и, пройдя по каменным плитам большого зала, вышел на воздух. Желая извлечь хоть какую-нибудь пользу из этого случая, я решил посмотреть восход солнца.

Луна садилась, затухающий лунный свет и первые проблески рассвета смешивались в жуткий

полумрак. Кусты казались совсем черными, земля — темно-серой, а небо — бесцветным и туманным. На верху холма мне почудились привидения. Поднимаясь по его склону, я три раза видел смутные белые фигуры. Дважды мне показалось, что я вижу какое-то одинокое белое обезьяноподобное существо, быстро бегущее к вершине холма, а один раз около руин я увидел их целую толпу: они тащили какой-то темный предмет. Двигались они быстро, и я не заметил, куда они исчезли. Казалось, они скрылись в кустах. Все вокруг было еще смутным, поймите это. Меня охватило то неопределенное предрассветное ощущение озноба, которое вам всем, вероятно, знакомо. Я не верил своим глазам.

Когда небо на востоке стало светлее и свет дня возвратил миру его прежнюю яркую окраску, я еще раз все тщательно осмотрел. Но не нашел никаких следов белых фигур. Быть может, существа были просто игрой света.

— Возможно, это были призраки, — пробормотал я, — интересно, из какого времени они взялись.

В голову пришло высказывание Гранта Аллена по поводу призраков, я улыбнулся. Он утверждал, что если б каждое умирающее поколение оставляло после себя привидения, то в конце концов весь мир переполнился бы ими. По

этой теории, их должно было накопиться бесчисленное множество за восемьсот тысяч прошедших лет, и потому не было ничего удивительного, что я увидел сразу четырех. Эта шутливая мысль, однако, не успокоила меня, и я все утро думал о белых фигурках, пока наконец появление Уины не вытеснило их из моей головы. Не знаю почему, я связал их с белым животным, которое испугнул при первых поисках своей Машины. Общество Уины на время отвлекло меня, но, несмотря на это, белые фигуры скоро снова овладели моими мыслями.

Кажется, я уже упоминал, что климат Золотого века намного жарче, чем наш. Хотя не знаю, что именно произошло. Может быть, солнце стало горячее, а может быть, земля приблизилась к нему. Принято считать, что солнце постепенно охлаждается. Однако люди, незнакомые с такими теориями, как теория Дарвина-младшего, забывают, что планеты должны одна за другой приближаться к центральному светилу и в конце концов упасть на него. После каждой из таких катастроф солнце будет светить с обновленной энергией; и весьма возможно, что эта участь постигла тогда одну из планет. Но какова бы ни была причина, факт остается фактом: солнце грело значительно сильнее, чем в наше время.

И вот в одно очень жаркое утро... думаю,

четвертое утро моего пребывания... я искал убежище от жары и слепящего света в гигантских развалинах, недалеко от большого дома, где спал и ел, и со мной случилось странное происшествие. Карабкаясь между каменными грудями, я обнаружил узкую галерею, конец и окна которой были завалены обрушившимися глыбами. После ослепительного дневного света галерея показалась мне непроглядно темной. Я вошел в нее ощупью, потому что от яркого солнечного света перед глазами у меня плыли цветные пятна и ничего нельзя было разобрать. И вдруг я остановился как вкопанный. На меня из темноты, отражая проникавший в галерею дневной свет, смотрела пара блестящих глаз.

Меня охватил древний инстинктивный страх перед дикими зверями. Я стиснул кулаки и пристально посмотрел в горящие глаза. Я боялся повернуться. В голову пришла мысль о той абсолютной безопасности, в которой, как я считал, живет тут человечество. И вдруг я вспомнил странный ужас этих людей перед темнотой. Пересилив свой страх, я шагнул вперед и заговорил. Мой голос, вероятно, звучал хрипло и дрожал. Я протянул руку и коснулся чего-то мягкого. В то же мгновение блестящие глаза метнулись в сторону и что-то белое промелькнуло мимо меня. Испугавшись, я повернулся и увидел маленькое

обезьяноподобное существо со странно опущенной вниз головой, бежавшее по освещенному пространству галереи. Оно налетело на гранитную глыбу, отшатнулось в сторону и в одно мгновение скрылось в черной тени под другой грудой каменных обломков.

Мое впечатление о нем, конечно, было далеко не полным; но я помню, что оно было грязно-белое с неестественно большими, серовато-красными глазами, его голова и спина были покрыты светлым мехом. Но, как я уже сказал, оно бежало слишком быстро, и мне не удалось его отчетливо рассмотреть. Не могу даже сказать, бежало ли оно на четвереньках или же руки его были так длинные, что почти касались земли. После минутного замешательства я бросился за ним ко второй груде обломков. Сначала я не мог ничего найти, но скоро в кромешной темноте наткнулся на один из тех круглых безводных колодцев, о которых я уже говорил. Он был частично прикрыт упавшей колонной. В голове у меня блеснула внезапная мысль. Не могло ли это существо спуститься в колодец? Я зажег спичку и, взглянув вниз, увидел маленькое белое создание с большими блестящими глазами, которое удалялось, упорно глядя на меня. Я содрогнулся. Это было что-то вроде человекообразного паука. Оно спускалось вниз по стене колодца, и я впервые заметил множество

металлических скобок для рук и ног, образовавших нечто вроде лестницы. Но тут догоревшая спичка обожгла мне пальцы и, выпав, потухла; когда я зажег другую, маленький монстр исчез.

Не знаю, сколько времени я просидел, вглядываясь вниз. Какое-то время мне понадобилось, чтобы убедить себя, что существо, которое я видел, тоже было человеком. Но постепенно на меня снизошла истина: человек не остался в своем прежнем облике, а разделился на два вида. Эти изящные дети Верхнего Мира были не единственными нашими потомками — и это белое безобразное ночное существо, которое промелькнуло передо мной, также было наследником прошлых веков.

Я подумал о дрожащем мареве и о своей теории подземной вентиляции. Я начал подозревать их истинное предназначение. Но какую роль, хотелось мне знать, мог играть этот лемур в моей схеме окончательной организации человечества? Каково было его отношение к безмятежности и беззаботности прекрасных жителей Верхнего Мира? Что скрывалось там, в глубине этого колодца? Я присел на его край, убеждая себя, что мне, во всяком случае, нечего опасаться и что необходимо спуститься туда для разрешения моих недоумений. Но вместе с тем я чувствовал какой-то страх! Пока я колебался, двое прекрасных

наземных жителей, увлеченные любовной игрой, пробежали мимо меня через освещенное пространство в тень. Мужчина бежал за женщиной, бросая в нее цветы.

Они выглядели расстроенными, застав меня опирающимся на опрокинутую колонну и заглядывающим в колодец. Видимо, замечать эти отверстия считалось дурным тоном — когда я указал на него и попытался задать вопрос, досада их стала более заметной, они и вовсе отвернулись от меня. Но их заинтересовали мои спички, и я зажег несколько, чтобы развлечь их. Снова попробовал спросить о колодцах, и снова безрезультатно. Тогда, оставив их в покое, я решил вернуться к Уине и попробовать узнать что-нибудь у нее. Все мои представления о новом мире теперь перевернулись. У меня был ключ, чтобы понять значение этих колодцев, а также вентиляционных башен и таинственных привидений, не говоря уже о бронзовых дверях и о судьбе, постигшей Машину Времени! Вместе с этим ко мне в душу закралось смутное предчувствие возможности разрешить ту экономическую проблему, которая до сих пор приводила меня в недоумение.

Здесь я вынужден поведать о новом своем выводе: этот второй вид людей обитает под землей. Три различных обстоятельства приводили меня к такому заключению. Они редко появлялись на

поверхности земли, по-видимому, вследствие давней привычки к подземному существованию. На это указывала их блеклая окраска, присущая большинству животных, обитающих в темноте, — например, белые рыбы в пещерах Кентукки. Глаза, отражающие свет, — это также характерная черта ночных животных, к которым относятся кошки и совы. И, наконец, это явное замешательство при дневном свете, это поспешное неуклюжее бегство в темноту, эта особая манера опускать на свету лицо вниз — все это подкрепляло мою догадку о крайней чувствительности сетчатки их глаз.

Значит, земля у меня под ногами должна быть изрыта множеством тоннелей, которые и являются местом обитания новой расы. Наличие вентиляционных шахт и колодцев по склонам холмов — всюду, кроме долины реки, — показывают масштабность этой сети. Разве не напрашивался вывод, что именно в этом искусственном мире велась работа, необходимая для комфорта дневной расы? Мысль эта была так правдоподобна, что я тотчас же принял ее и пошел дальше, отыскивая причину раздвоения человеческого рода. Боюсь, вы с недоверием отнесетесь к моей теории, но что касается меня самого, то в скором времени я убедился, насколько она оказалась близка к истине.

Казалось ясным, что постепенное углубление

теперешнего временного социального различия между Капиталистом и Рабочим было ключом к новому положению вещей. Без сомнения, это покажется вам смешным и невероятным, но ведь уже теперь есть обстоятельства, которые указывают на такую возможность. Существует тенденция использовать подземные пространства для нужд цивилизации, не требующих особой красоты: существует, например, подземная железная дорога в Лондоне, строятся новые электрические подземные дороги и тоннели, существуют подземные мастерские и рестораны, все они растут и множатся. Очевидно, думал я, это стремление перенести работу под землю существует с незапамятных времен. Все глубже и глубже под землю уходили мастерские, где рабочим приходилось проводить все больше времени, пока, наконец... Да разве и теперь искусственные условия жизни какого-нибудь вест-эндского рабочего не отрезают его, по сути дела, от поверхности земли?

К тому же растущая пропасть, возникающая из-за продолжительности и дороговизны высшего образования и растущие соблазны богачей, их страсть к утонченным привычкам — все это приведет к тому, что отношения между классами, заключение смешанных браков, которые в настоящее время задерживают распад нашего вида

относительно социальных слоев, сойдут на нет. Так что, в итоге, на земле останутся только Имущие, наслаждающиеся удовольствиями, комфортом и красотами, а под землей окажутся Неимущие — рабочие, вынужденные постоянно адаптироваться к условиям их труда. Оказавшись там, они, несомненно, должны будут платить арендную плату, и немало, для вентиляции их пещер; в случае отказа платить по счетам они умрут от голода или удушья. Те из них, кто не сможет приспособиться или покориться, тоже умрут. В конце концов, установившееся равновесие даст возможность выжившим хорошо приспособиться к условиям подземной жизни и даже быть по-своему счастливыми. Если я в своих предположениях оказался прав, то последовавшая изысканная красота одних и почти смертельная бледность других будут просто естественными.

Великий Триумф человечества, о котором я мечтал, принял в моем сознании совершенно иную форму. Это не была та победа нравственного воспитания и коллективного сотрудничества, какую я себе представлял столь ясно. Вместо него я увидел настоящую аристократию, вооруженную новейшими знаниями и деятельно потрудившуюся для логического завершения современной нам индустриальной системы. Ее победа была не только победой над природой, но также и победой над

своими братьями-людьми. Такова была моя теория. У меня не было проводника, как в утопических книгах. Может быть, мое объяснение совершенно неправильно. Но все же я думаю и до сих пор, что оно самое правдоподобное. Однако даже и эта по-своему законченная цивилизация давно прошла свой зенит и клонилась к упадку. Полная и всесторонняя обеспеченность жителей Верхнего Мира привела их к постепенной дегенерации, к общему вырождению, уменьшению роста, сил и умственных способностей. Это я видел достаточно ясно. Что произошло с Подземными Жителями, я еще не знал, но все виденное мной до сих пор показывало, что «морлоки», как их называли обитатели Верхнего Мира, ушли еще дальше от нынешнего человеческого типа, чем «элои» — прекрасная наземная раса, с которой я уже познакомился.

В моей душе поселились тревожные сомнения. Зачем морлоки взяли мою Машину Времени? Я просто был уверен, что именно они взяли ее. И почему элои, если они господствующая раса, не могут вернуть ее мне? Почему они так боятся темноты? Я попытался было расспросить о Подземном Мире Уину, но меня снова ожидало разочарование. Сначала она не понимала моих вопросов, а затем отказалась на них отвечать. Она так дрожала, как будто не могла вынести этого

разговора. Когда я начал настаивать, быть может, слишком резко, она горько расплакалась. Это были единственные слезы, которые я видел в Золотом веке, кроме тех, что пролил я сам. Я тотчас же перестал мучить ее расспросами о морлоках и постарался, чтобы с ее лица исчезли эти следы человеческих чувств. Через минуту она уже улыбалась и хлопала в ладоши, когда я торжественно зажег перед ней спичку.

IX

Может показаться странным, но прошло целых два дня, прежде чем я решился продолжать свои поиски в новом и, очевидно, верном направлении. Я ощущал какой-то непонятный страх перед этими белыми фигурами. Они походили на почти обесцвеченных червей или препараты, хранящиеся в спирту в зоологических музеях. А прикоснувшись к ним, я почувствовал, как они были отвратительно холодны! Этот страх отчасти объяснялся моей симпатией к элоям, чье отвращение к морлокам стало мало-помалу передаваться и мне.

Следующей ночью я спал очень плохо. Вероятно, мое здоровье немного расстроилось. Растерянность и сомнения угнетали меня. Порой на меня нападало чувство ужаса, причину которого я

не мог понять. Помню, как я тихонько пробрался в большую залу, где, освещенные луной, спали маленькие люди. В эту ночь с ними спала и Уина. Их присутствие успокоило меня. Мне еще тогда пришло в голову, что через несколько дней луна будет в последней четверти и последуют темные ночи, когда появления этих белых лемурув, этих новых червей, пришедших на смену старым, станут много чаще. В последние два дня меня не оставляло тревожное чувство, какое обыкновенно испытывает человек, уклоняясь от исполнения неизбежного долга. Я был уверен, что смогу вернуть Машину Времени, только проникнув без страха в тайну Подземного Мира. Но я все еще не решался встретиться с этой тайной. Будь у меня товарищ, возможно, все сложилось бы иначе. Но я был так чудовищно одинок, что даже самая мысль спуститься в мрачную глубину колодца была невыносима для меня. Не знаю, поймете ли вы мое чувство, но мне непрестанно казалось, что за спиной мне угрожает страшная опасность.

Возможно, именно беспокойство и неуверенность гнали меня все дальше и дальше в моей исследовательской миссии. Идя на юго-запад к возвышенности, которая в наше время называется Ком-Вуд, я заметил далеко впереди, там, где в девятнадцатом веке находится городок Бэнсгид, огромное зеленое здание, совершенно не похожее

по стилю на все дома, виденные мной до сих пор. Размерами оно превосходило самые большие дворцы. Его фасад был отделан в восточном духе: выкрашенный блестящей бледно-зеленой краской с голубоватым оттенком, он походил на дворец из китайского фарфора. Такое отличие во внешнем виде невольно наводило на мысль о его особом назначении, и я намеревался получше осмотреть дворец. Но впервые я увидел его после долгих и утомительных скитаний, когда день уже клонился к вечеру; поэтому, решив отложить осмотр до следующего дня, я вернулся домой к ласкам приветливой маленькой Уины. На следующее утро я ясно понял, что мое любопытство к Зеленому Фарфоровому Дворцу было вроде самообмана, изобретенного мною для того, чтобы еще на день отложить страшившее меня исследование Подземного Мира. Без дальнейших проволочек я решил пересилить себя и в то же утро спуститься в один из колодцев; я направился прямо к ближайшему из них, расположенному возле кучи гранитных и алюминиевых обломков.

Маленькая Уина бежала за мной. Она танцевала рядом, и все было хорошо, пока не увидела, что я перегнулся через край и смотрю вниз, она казалась странно обескураженной.

— Прощай, маленькая Уина, — сказал я, целуя ее.

Затем, отпустив ее, я перегнулся через парапет и принялся ощупывать лестничные скобы. Признаюсь, что делал я это довольно поспешно, опасаясь, что решимость меня покинет. Уина сначала смотрела на меня с изумлением. Потом, испустив жалобный крик, бросилась ко мне и принялась оттаскивать меня прочь своими маленькими ручками. Мне кажется, ее сопротивление и побудило меня действовать решительно. Я оттолкнул ее руки, может быть, немного резко и мгновенно спустился в шахту колодца. Взглянув вверх, я увидел полное отчаяния лицо Уины и улыбнулся, чтобы ее успокоить. Но тотчас же вслед за тем я должен был обратить все свое внимание на скобы, едва выдерживавшие мою тяжесть.

Мне нужно было спуститься вниз примерно на двести ярдов. Спускался я по металлическим скобам, выступающим из стены колодца и приспособленным для спуска существ гораздо меньших по размерам и более легких, чем я, поэтому я быстро устал и от тесноты, и самого спуска. Нет, не только усталость, но и подлинный ужас! Одна скоба неожиданно прогнулась под моей тяжестью, и я едва не полетел вниз, в непроглядную темноту. С минуту я висел на одной руке и после этого случая не решался более останавливаться. Хотя я скоро ощутил жгучую боль в руках и спине,

но все же продолжал спускаться быстро, как только мог. Посмотрев наверх, я увидел в отверстии колодца маленький голубой кружок неба, на котором виднелась одна звезда, а головка Уины казалась на фоне неба черным круглым пятнышком. Внизу все громче раздавался грохот машин. Все, кроме небольшого кружка вверху, было темным. Когда я снова поднял голову, Уина уже исчезла.

Беспокойство стало овладевать мной. Меня посещали сомнения, я думал, что, быть может, разумно попытаться подняться наверх, и оставить Подземный Мир в покое. Но даже думая об этом, я продолжал спускаться. Не знаю через сколько времени я с невероятным облегчением увидел или скорее почувствовал справа от себя небольшое отверстие в стене колодца. Проникнув в него, я убедился, что это был вход в узкий горизонтальный тоннель, где я мог прилечь и отдохнуть. Это было необходимо. Руки мои ныли, спину ломило, и я весь дрожал от страха перед падением. К тому же непроницаемая темнота сильно угнетала меня. Воздух был наполнен стуком и гулом машин, закачивающих воздух вниз в шахту.

Не знаю, как долго я так лежал. Меня разбудило мягкое прикосновение чьей-то руки к моему лицу. Вскочив в темноте, я торопливо зажег спичку и разглядел при ее свете три сутуловатые белые фигуры, подобные той, какую я видел в

развалинах наверху. Они быстро отступили при виде огня. Морлоки, как я уже говорил, проводили всю жизнь в темноте, и потому глаза их были необычайно велики. Они не могли вытерпеть света моей спички и отражали его, совсем как зрачки глубоководных океанских рыб. Я нимало не сомневался, что они видели меня в этой густой темноте и их пугал только свет. Едва я зажег новую спичку, чтобы разглядеть их, как они обратились в бегство и исчезли в темных тоннелях, откуда сверкали только их блестящие глаза.

Я пытался заговорить с ними, но их язык, по-видимому, очень отличался от языка людей Верхнего Мира; рассчитывать, как оказалось, приходилось только на собственные усилия, и снова мысль все бросить, как и перед разведкой, пришла мне в голову. Но я сказал себе: «ты уже здесь» и, на ощупь пробираясь вдоль туннеля, обнаружил, что шум машин становится все громче и громче. Внезапно стены раздвинулись, я вышел на открытое место и, чиркнув спичкой, увидел, что нахожусь в просторной сводчатой пещере. Я не успел рассмотреть ее всю, потому что спичка скоро погасла.

Конечно, мои воспоминания расплывчаты. В темноте проступали контуры огромных машин, отбрасывавших при свете спички причудливые черные тени, в которых укрывались похожие на

привидения морлоки. Было очень душно, и в воздухе чувствовался слабый запах свежeproлитой крови. Чуть подалее, примерно в середине пещеры, стоял небольшой стол из белого металла, на котором лежали куски свежего мяса. Оказалось, что морлоки не были вегетарианцами! Помню, как уже тогда я с изумлением подумал — что это за домашнее животное сохранилось от наших времен, мясо которого лежало теперь передо мной? Все вокруг было видно смутно; тяжелый запах, громадные контуры машин, отвратительные фигуры, притаившиеся в тени и ожидающие только темноты, чтобы снова приблизиться ко мне! Спичка догорела, обожгла мне пальцы и упала, тлея красной точкой в непроглядной темноте.

Я подумал, что не полностью подготовлен к таким исследованиям. Когда я стартовал на Машине Времени, я до абсурда был уверен, что люди Будущего, несомненно, окажутся бесконечно впереди дня Нынешнего. Я пришел к ним без оружия, без лекарств, без табака, а временами мне так ужасно хотелось курить! Даже спичек у меня было мало. Ах, если б я только сообразил захватить фотографический аппарат! Можно было бы запечатлеть этот Подземный Мир и потом спокойно рассмотреть его. Теперь же я стоял там, вооруженный лишь тем, чем снабдила меня Природа: руками, ногами и зубами — все это да

четыре спички, которые еще оставались у меня.

Я боялся пройти дальше между машинами в темноту, и только при последней вспышке света от спички обнаружил, что коробок спичек почти опустел. До этого мига мне и в голову не приходило, что существует необходимость их экономить, я впустую потратил почти половину коробки, удивляя жителей Верхнего Мира, для которых огонь оказался в диковинку. Теперь, когда у меня оставалось только четыре спички, а сам я очутился в темноте, я снова почувствовал, как чьи-то тонкие пальцы принялись ощупывать мое лицо, и меня поразил какой-то особенно неприятный запах. Мне казалось, что я слышу дыхание целой толпы этих ужасных существ. Я почувствовал, как чьи-то руки осторожно пытаются отнять у меня спичечную коробку, а другие тянут меня сзади за одежду. Мне было нестерпимо ощущать присутствие невидимых созданий. Там, в темноте, я впервые ясно осознал, что не могу понять их побуждений и поступков. Я крикнул на них изо всех сил. Они отскочили, но тотчас же я снова почувствовал их приближение. На этот раз они уже смелее хватали меня и обменивались какими-то странными звуками. Я задрожал, крикнул опять, еще громче прежнего. Но в этот раз они уже не так испугались и тотчас приблизились снова, издавая странные звуки, похожие на тихий

смех. Признаюсь, меня охватил страх. Я решил зажечь еще спичку и бежать под защитой света. Сделав это, я вынул из кармана кусок бумаги, зажег его и отступил назад в узкий тоннель. Но едва я вошел туда, мой факел задул ветер и стало слышно, как морлоки зашуршали в тоннеле, словно осенние листья. Их шаги звучали негромко и часто, как капли дождя...

В одно мгновение несколько рук схватили меня — стало ясно, что они пытаются втолкнуть меня обратно. Я зажег еще одну спичку и помахал ею прямо перед их лицами. Вы даже не можете представить, как мерзко выглядели эти бесчеловечные бледные лица без подбородка, с большими без век красно-серыми глазами! Как они дико смотрели на меня в своем слепом отупении! Впрочем, могу вас уверить, что я недолго разглядывал их. Я снова отступил и, едва догорела вторая спичка, зажег третью. Она тоже почти догорела, когда мне наконец удалось добраться до шахты колодца. Я прилег, потому что у меня кружилась голова от стука огромного насоса внизу. Затем сбоку я нащупал скобы, но тут меня схватили за ноги и потащили обратно. Я зажег последнюю спичку... она тотчас же погасла. Но теперь, ухватившись за скобы и рассыпая ногами щедрые пинки, я высвободился из цепких объятий морлоков и принялся быстро взбираться по стене колодца.

Все они стояли внизу и, моргая, смотрели на меня, кроме одной маленькой твари, которая некоторое время следовала за мной и чуть не сорвала с меня башмак в качестве трофея.

Этот подъем показался мне бесконечным, я почувствовал ужасную тошноту. Невероятным усилием я овладел собой. Последние несколько ярдов были ужасны. Сил больше не было. Несколько раз у меня начинала кружиться голова, и тогда падение казалось неминуемым. Сам не знаю, как я добрался до отверстия колодца и, шатаясь, выбрался из руин на ослепительный солнечный свет. Я упал ничком. Даже земля показалось мне здесь чистой и благоуханной. Помню, как Уина осыпала поцелуями мои руки и лицо и как вокруг меня раздавались голоса других элоев. А потом я впал в беспамятство.

Х

Теперь мое положение казалось мне гораздо худшим, чем раньше. Если не считать минут отчаяния в ту ночь, когда я лишился Машины Времени, меня все время ободряла надежда на возможность бегства, но она развеялась после моих новых открытий. Я считал препятствием лишь детскую непосредственность миленького народа и какие-то неведомые мне силы, узнать которые,

казалось мне, было равносильно тому, чтобы их преодолеть. Теперь же появилось совершенно новое обстоятельство: отвратительные морлоки, что-то нечеловеческое и враждебное. Я инстинктивно ненавидел их. Прежде я чувствовал себя в положении человека, попавшего в яму: думал только о яме и о том, как бы из нее выбраться. Теперь же я чувствовал себя в положении зверя, попавшего в западню и чующего, что враг близко.

Этот для меня страшный противник может вас удивить: то был мрак перед новолунием. Уина внушила мне этот страх несколькими сначала непонятными словами о Темных Ночах. Теперь нетрудно было догадаться, что означало это приближение Темных Ночей. Луна убывала, каждую ночь темнота становилась все непроницаемей. Теперь я хоть отчасти понял наконец причину ужаса жителей Верхнего Мира перед темнотой. Я спрашивал себя, что за мерзости проделывали морлоки в безлунные ночи. Я был уже окончательно убежден, что моя гипотеза о господстве элов над морлоками совершенно неверна. Конечно, раньше жители Верхнего Мира были привилегированным классом, а морлоки — их рабочими-слугами, но это давным-давно ушло в прошлое. Обе разновидности людей, возникшие вследствие эволюции общества, переходили или уже перешли к совершенно новым отношениям.

Подобно династии Каролингов, элои переродились в прекрасные ничтожества. Они все еще из милости владели поверхностью земли, тогда как морлоки, жившие в продолжение бесчисленных поколений под землей, в конце концов стали совершенно неспособными выносить дневной свет. Морлоки по-прежнему делали для них одежду и заботились об их повседневных нуждах, может быть, вследствие старой привычки работать на них. Они делали это так же бессознательно, как конь бьет о землю копытом или охотник радуется убитой им дичи: старые, давно исчезнувшие отношения все еще накладывали свою печать на человеческий организм. Но ясно, что изначальные отношения этих двух рас стали теперь прямо противоположны. Неумолимая Немезида неслышно приближалась к изнеженным счастливым. Много веков назад, за тысячи и тысячи поколений, человек лишил своего ближнего счастья и солнечного света. А теперь этот ближний стал совершенно неузнаваем! Элои снова получили начальный урок жизни. Они заново познакомились с чувством страха. Я неожиданно вспомнил о мясе, которое я видел в Подземном Мире. Не знаю, почему мне это пришло в голову: то было не следствие моих мыслей, а как бы вопрос извне. Я попытался припомнить, как оно выглядело, мясо. Было смутное ощущение чего-то знакомого, но в тот момент я не мог отчетливо это объяснить.

Маленькие люди были беспомощными перед своими таинственными страхами, однако я был устроен по-другому. Я был сыном своего века, века расцвета человеческой расы, когда страх перестал сковывать человека и таинственность потеряла свои чары. Во всяком случае, я мог защищаться. Без промедления я решил приготовить себе оружие и найти безопасное место для сна. Имея такое убежище, я мог бы сохранить по отношению к этому неведомому миру некоторую долю той уверенности, которой я лишился, узнав, какие существа угрожали мне по ночам. Я знал, что не засну до тех пор, пока сон мой не будет надежно защищен. Я содрогнулся при мысли, что эти твари уже не раз рассматривали меня.

Весь день я бродил по долине Темзы, но не нашел места, которое, на мой взгляд, могло бы похвалиться недоступностью для морлоков. Все здания и деревья казались легко доступными для таких ловких и цепких существ, какими были морлоки, судя по их колодцам. И тут я снова вспомнил о высоких башенках и гладких блестящих стенах Зеленого Фарфорового Дворца. В тот же вечер, посадив Уину, как ребенка, на плечо, я отправился по холмам на юго-запад. Я полагал, что до Зеленого Дворца семь или восемь миль, но, вероятно, до него были все восемнадцать. В первый раз я увидел это место в довольно пасмурный день,

когда расстояния кажутся меньше. А теперь, когда я двинулся в путь, у меня, кроме всего остального, еще оторвался каблук и в ногу впивался гвоздь — это были старые башмаки, которые я носил только дома. Я захромал. Солнце давно уже село, когда показался дворец, вырисовывавшийся черным силуэтом на бледно-желтом фоне неба.

Уина была была в восторге, когда я понес ее на плече, но через некоторое время она попросила меня опустить ее и бежала рядом со мной, перебегая то на одну, то на другую сторону за цветами и засовывая их мне в карманы. Карманы всегда удивляли Уину, и в конце концов она решила, что это своеобразные вазы для цветов. Во всяком случае, она их использовала для этой цели... Да! Кстати... Переодеваясь, я нашел...

...Путешественник во Времени умолк, опустил руку в карман и молча положил на маленький столик два увядших цветка, очень похожие на крупные белые мальвы. Затем продолжил свое повествование...

— По земле уже поползла вечерняя тишина, а мы все еще продолжали идти через холм в сторону Уимблдона. Уина устала и хотела вернуться в здание из серого камня. Но я указал на видневшиеся вдалеке башенки Зеленого Дворца и постарался объяснить ей, что там мы найдем убежище. Знакома ли вам та мертвая тишина,

которая наступает перед сумерками? Даже листья на деревьях не шелохнутся. На меня эта вечерняя тишина всегда навевает какое-то неясное чувство ожидания. Небо было чистое, высокое и ясное; лишь на западе виднелось несколько легких облачков. Но к этому гнету вечернего ожидания примешивался теперь страх. В тишине мои чувства, казалось, сверхъестественно обострились. Мне чудилось, что я мог даже ощущать пещеры в земле у себя под ногами, мог чуть ли не видеть морлоков, кишачих в своем подземном муравейнике в ожидании темноты. Мне казалось, что они примут мое вторжение как объявление войны. И зачем взяли они мою Машину Времени?

Мы продолжали идти в тишине, а сумерки все сгущались. Ясная голубая даль померкла, одна за другой вспыхнули звезды. Дали постепенно тускнели, а деревья становились все более черными. Страх и усталость овладели Уиной. Я взял ее на руки, успокаивая и лаская. По мере наступления темноты она все крепче и крепче прижималась лицом к моему плечу. По длинному склону холма мы спустились в долину, и тут я чуть было не свалился в маленькую речку. Перейдя ее вброд, я взобрался на противоположный склон долины, прошел мимо множества домов, мимо статуи, изображавшей, как мне показалось, некое подобие фавна, но только без головы. Здесь росли

акации. Морлоков не было видно, но ведь ночь только начиналась и самые темные часы, перед восходом ущербленной луны, были еще впереди.

С вершины очередного холма я увидел перед собой густой лес, протянувшийся широкой черной полосой. Я заколебался. Этому лесу не было видно конца ни справа, ни слева. Чувствуя себя усталым — у меня нестерпимо болели ноги, — я осторожно снял с плеча Уину и опустился на землю. Я уже не видел Зеленого Дворца и не знал, куда идти. Взглянув на лесную чащу, я невольно подумал о том, что могла скрывать она в своей глубине. Под этими густо переплетенными ветвями деревьев, должно быть, не видно даже звезд. Если б в лесу меня даже и не подстерегала опасность — та опасность, самую мысль о которой я гнал от себя, — там все же было достаточно корней, чтобы споткнуться, и стволов, чтобы расшибить себе лоб.

К тому же я был измучен волнениями этого дня и решил не идти в лес, а провести ночь на открытом месте.

Я был рад, что Уина крепко спит. Заботливо завернув ее в свою куртку, я сел рядом с ней и стал ожидать восхода луны. На склоне холма было тихо и пустынно, но из темноты леса доносился по временам какой-то шорох. Надо мной сияли звезды, ночь была очень ясная. Их мерцание успокаивало меня. На небе уже не было знакомых созвездий:

они приняли новые очертания благодаря тем медленным перемещениям звезд, которые становятся ощутимы лишь по истечении сотен человеческих жизней. Один только Млечный Путь, казалось, остался тем же потоком звездной пыли, что и в наше время. На юге сияла какая-то очень яркая, неизвестная мне красная звезда, она была ярче даже нашего Сириуса. И среди всех этих мерцающих точек мягко и ровно сияла большая планета, как будто спокойно улыбающееся лицо старого друга.

Я смотрел на звезды, и вдруг все проблемы и тяготы земной жизни отступили на второй план. Я думал, в какой же беспредельной дали находятся эти ныне неведомые мне звезды, как медленно и неотвратно движутся с неведомого прошлого в неведомое будущее, о кругах, которые описывает в пространстве земная ось. Всего сорок раз описала она этот круг за восемьсот тысяч лет, которые я преодолел. И за эти несколько кругов вся деятельность человека, все традиции, комплекс организаций, наций, языков, литератур, стремления, даже сама память о человеке, каким знал его я, давно прекратило свое существование. Вместо него появились эти тщедушные существа, забывшие о своем высоком происхождении, и белые существа, навевающие безмерный ужас. Я думал и о том Великом Страхе, который разделил две

разновидности человеческого рода, и впервые с содроганием понял, что за мясо видел я в Подземном Мире. Нет, это было бы слишком ужасно! Я взглянул на маленькую Уину, спавшую рядом со мной, на ее личико, беленькое и ясное, как звездочка, и тотчас же отогнал страшную мысль.

Эту долгую ночь я провел, стараясь не думать о морлоках. Насколько мог, я убивал время, пытаюсь сообразить, где найти признаки старых созвездий в новой звездной путанице. Небо было совершенно чистым, лишь несколько легких облачков промелькнули в его синей бездне. По временам я дремал. Когда такое бдение совсем истомило меня, в восточной части неба показался слабый свет, подобный зареву какого-то бесцветного пожара, и вслед за тем появился белый тонкий серп убывающей луны. А следом, как бы настигая и затопляя его своим сиянием, блеснули первые лучи утренней зари, сначала бледные, но потом с каждой минутой все ярче разгоравшиеся теплыми алыми красками. Ни один морлок не приблизился к нам, более того, в эту ночь я даже не видел никого из них. С первым светом наступающего дня все мои ночные страхи стали казаться почти смешными. Я встал и почувствовал, что моя нога в башмаке без каблука распухла у лодыжки, пятка болела. Я сел на землю, снял башмаки и отшвырнул их прочь.

Я разбудил Уину, и мы спустились в лес, теперь зеленый и приветливый, а не тот страшный черно-неприступный ночью. Мы позавтракали плодами, а потом встретили несколько прекрасных маленьких существ, которые смеялись и танцевали на солнышке, как будто в мире никогда и не существовало ночей. Но тут я снова вспомнил о том мясе, которое видел у морлоков. Теперь мне стало окончательно ясно, что это было за мясо, и я от всей души пожалел о том слабом ручейке, который остался на земле от некогда могучего потока Человечества. Ясно, что когда-то давно, века назад, пища у морлоков иссякла. Возможно, что некоторое время они питались крысами и всякой другой мерзостью. Даже и в наше время человек гораздо менее разборчив в пище, чем когда-то, и уж точно значительно менее разборчив, чем любая обезьяна. Его предубеждение против человеческого мяса — это неукоренившийся инстинкт. Вот как поступали эти бесчеловечные потомки людей! Во всяком случае, морлоки были менее человекоподобны и более далеки от нас, чем наши предки-каннибалы, жившие три или четыре тысячи лет назад. А тот высокоразвитый ум, который сделал бы для нас людоедство истинной пыткой, окончательно исчез. «О чем мне беспокоиться? — подумал я. — Эти элои просто-напросто откормленный скот, который разводят и отбирают себе в пищу муравьеподобные

морлоки, — вероятно, они даже следят за тем, чтобы эloi были хорошо откормлены...» А маленькая Уина тем временем танцевала вокруг меня...

Я попытался оградить себя от нахлынувшего ужаса, рассматривая сложившееся положение вещей исключительно как наказание за человеческий эгоизм. Человек хотел быть доволен жизнью, хотел жить в легкости и радости за счет трудов своего собрата, а теперь, когда настало время, та же необходимость повернулась к ним своей обратной стороной. Я даже пытался возбудить в себе презрение к этой жалкой, упадочной аристократии. Но мне это не удалось. Как ни велико было их духовное падение, все же эloi сохранили в своей внешности слишком много человеческого, и я невольно сочувствовал им, разделяя с ними унижение и страх.

На тот момент я с трудом представлял себе, что должен делать. Первым делом необходимо было найти безопасное убежище, и постараться сделать для себя какое-нибудь металлическое или каменное оружие. Это оказалось насущной необходимостью. Затем я надеялся найти средства для добывания огня, чтобы иметь факел, так как знал, что это оружие было самым действенным против морлоков. А еще я хотел сделать какое-нибудь приспособление для того, чтобы

выломать бронзовые двери в пьедестале Белого Сфинкса. Я намеревался сделать таран. Я был уверен, что если войду в эти двери, неся с собой факел, то найду там Машину Времени и смогу вырваться из этого ужасного мира. Я не думал, чтобы у морлоков хватило сил утащить мою Машину куда-нибудь очень далеко. Уину я решил взять с собой в наше время. Обдумывая все эти планы, я продолжал идти к тому зданию, которое выбрал как наше жилище.

XI

Когда около полудня мы достигли Зеленого Дворца, то нашли его полуразрушенным и пустынным. Только осколки битого стекла остались в его окнах, а большие зеленые листы облицовки отвалились от проржавевшего металлического каркаса. Дворец стоял на высоком травянистом склоне, и, взглянув на северо-восток, я изумился, увидев большой эстуарий, или, скорее, бухту, там, где, по моим соображениям, были наши Уондсворт и Баттерси. Я тогда подумал — что же произошло или происходит теперь с существами, населяющими морскую глубину, но долго раздумывать об этом не стал.

Оказалось, дворец действительно сделан из фарфора, а вдоль его фасада тянется надпись на

каком-то незнакомом языке. Я подумал, скорее по глупости, что Уина может помочь мне прочесть это, но как выяснилось, она понятия не имеет, что такое письмо. Она всегда казалась мне более человеком, чем была на самом деле, возможно, потому, что ее чувства были такими человеческими.

За большими открытыми створками поломанных дверей мы обнаружили вместо обычного зала длинную галерею, освещенную множеством боковых окон. С первого же взгляда я понял, что это музей. Паркетный пол был покрыт густым слоем пыли, и такой же серый покров лежал на удивительных и разнообразных предметах, в беспорядке сваленных повсюду. Среди прочего я увидел что-то странное и высохшее посреди зала — несомненно, это была нижняя часть огромного скелета. По форме его ног я определил, что это вымершее животное типа мегатерия. Рядом в густой пыли лежали его череп и кости верхних конечностей, а в одном месте, где крыша протекала, часть костей почти совершенно рассыпалась. Далее в галерее стоял огромный скелет бронтозавра. Мое предположение, что это музей, подтвердилось. По бокам галереи я нашел то, что принял сначала за покосившиеся полки, но, стерев с них густой слой пыли, убедился, что это стеклянные витрины. Вероятно, они были герметически закупорены, судя по некоторым прекрасно сохранившимся

экспонатам.

Очевидно, мы стояли среди развалин музея, подобного Южно-Кенсингтонскому, но относившегося к более позднему времени. Здесь, по-видимому, был палеонтологический отдел, обладавший чудеснейшей коллекцией ископаемых, однако неизбежное разрушение, искусственно остановленное на некоторое время и утратившее благодаря уничтожению бактерий и грибков девяносто девять сотых своей силы, все же верно и медленно продолжало свою работу. То тут, то там находил я следы посещения музея маленьким народом: кое-где попадались редкие ископаемые, разломанные ими на куски или нанизанные гирляндами на тростник. В некоторых местах витрины были сорваны. И я решил, что это сделали морлоки. Дверец был совершенно пуст. Густой слой пыли заглушал звук наших шагов. Пока я с изумлением осматривался, ко мне подошла Уина, которая до тех пор забавлялась тем, что катала морского ежа по наклонному стеклу витрины. Она тихонько взяла меня за руку и встала рядом со мной.

Поначалу я был настолько удивлен этим древним памятником интеллектуального века, что совсем не подумал о представившейся мне возможности. Даже мысли о Машине Времени немного отошли на второй план.

Судя по размерам, Зеленый Дворец должен был заключать в себе не только палеонтологическую галерею: вероятно, тут были и исторические отделы, а может быть, даже библиотека! По крайней мере, для меня, в моих нынешних обстоятельствах, они были бы намного интереснее, чем это геологическое зрелище времен упадка. При дальнейшем ознакомлении я нашел еще одну короткую галерею, пересекавшую первую. Она оказалась посвящена минералам, и вид куска серы навел меня на мысль о порохе. Но я не смог найти селитры, или селитры или каких-нибудь азотнокислых солей. Без сомнения, они разложились много столетий назад. Но сера не выходила у меня из головы и натолкнула меня на целый ряд мыслей. Что касается остального содержания этой галереи, хоть в целом оно и сохранилось лучше всего остального, что я видел, но не представляло для меня интереса. Я не специалист в минералогии, поэтому отправился дальше по чрезвычайно разрушенному проходу, который шел параллельно первому залу. Видимо, этот раздел был посвящен естественной истории, но все давно превратилось в труху. Несколько съездившихся и почерневших остатков того, что прежде было чучелом зверей, высохшие коконы в банках, когда-то наполненных спиртом, темная пыль, оставшаяся от засушенных растений, — вот и

все, что я здесь нашел. Я пожалел об этом; мне было бы интересно проследить те медленные терпеливые усилия, благодаря которым была достигнута полная победа над животным и растительным миром. Оттуда мы попали в огромную плохо освещенную галерею. Пол постепенно понижался, хотя и под небольшим углом, от того конца, где мы стояли. С потолка через одинаковые промежутки свешивались белые шары; некоторые из них были треснуты или разбиты вдребезги, и у меня невольно явилась мысль, что это помещение когда-то освещалось искусственным светом. Тут я больше чувствовал себя в своей среде: по обе стороны от меня поднимались остовы огромных машин, все сильно попорченные и многие даже сломаны; некоторые, однако, еще были сравнительно целы. Вы знаете, у меня слабость к машинам; мне захотелось подольше остаться здесь, тем более что большая часть их поразила меня новизной и непонятностью — я мог строить лишь самые неопределенные догадки относительно целей, которым они служили. Мне казалось, что если я разрешу эти загадки, то найду могущественное оружие для борьбы с морлоками.

Вдруг подошла Уина и прижалась ко мне. Это было так неожиданно, что я вздрогнул. Если бы не она, я, по всей вероятности, не обратил бы

внимания на покатость пола. Тот конец галереи, откуда я вошел, поднимался довольно высоко над землей и был освещен через немногие узкие окна. Но по мере того как мы шли дальше, склон холма подступал к самым окнам, постепенно заслоняя их, так что наконец осталось только углубление, как в Лондоне перед полуподвалом, а в неширокую щель просачивалась лишь едва заметная полоска света. Я медленно шел вперед, с любопытством рассматривая машины. Это занятие совершенно поглотило меня, и поэтому я не заметил постепенного ослабления света, пока наконец возрастающий страх Уины не привлек моего внимания. Тогда я увидел, что галерея уходит вниз в непроглядную тьму.

Я замялся, потом, осмотревшись вокруг, увидел, что слой пыли здесь был меньше и местами неровным. Чуть дальше в сторону, в темноте, он был нарушен рядом небольших узких следов. При виде их я вспомнил о близости морлоков. Я почувствовал, что даром теряю время на осмотр машин, и спохватился, что уже перевалило далеко за полдень, а я все еще не имею оружия, убежища и средств для добывания огня. Вдруг далеко в глубине темной галереи я услышал тот же своеобразный шорох, те же странные звуки, что и тогда в глубине колодца.

Я взял Уину за руку. Внезапно меня осенила

мысль, я оставил ее и вернулся к машине, из которой торчал рычаг, вроде тех, какие употребляются на железнодорожных стрелках. Взобравшись на подставку и ухватившись руками за этот рычаг, я навалился на него всем своим весом. Уина начала хныкать. Я довольно верно рассчитал прочность рычага: достаточно оказалось минутного усилия, и я вернулся к ней с палицей в руке, более чем достаточной, чтобы проломить череп любому морлоку, с которым я мог бы столкнуться. Мне очень сильно хотелось убить хотя бы одного морлока. Вам может показаться очень бесчеловечным желание убивать собственных потомков! Но к этим отвратительным существам невозможно было относиться по-человечески. Только мое нежелание оставить Уину и уверенность, что может пострадать Машина Времени, если я примусь за избиение морлоков, удержали меня от попытки тотчас же спуститься по галерее вниз и начать истребление копошившихся там тварей.

Держа палицу в одной руке, а другой придерживая Уину, я вышел из этой галереи и направился в другую, еще большую, которая на первый взгляд напоминала мне военную часовню из-за висевших изодранных флагов. В коричневых и обугленных лохмотьях, которые висели по обе стороны, я узнал истлевшие остатки книг. Они уже

давно рассыпались на куски, и какое-либо подобие напечатанного текста покинуло их. Кое-где лежали покоробившиеся обложки и треснувшие металлические застёжки, говорившие о собственном назначении. Если бы я был писателем, то, наверное, пустился бы в рассуждения о тщетности любых устремлений. Острее всего меня поразила та колоссальная потеря труда, о которой свидетельствовала увиденная мною мрачная пустыня гниющей бумаги. В тот момент, признаюсь, я подумал, главным образом, о философских трудах и своих собственных семнадцати работах по физической оптике.

Поднявшись по широкой лестнице, мы вошли в новое помещение, которое было когда-то отделом прикладной химии. У меня была надежда найти здесь что-нибудь полезное. За исключением одного угла, где обвалилась крыша, эта галерея прекрасно сохранилась. Я торопливо подходил к каждой уцелевшей витрине и наконец в одной из них, закупоренной поистине герметически, нашёл коробку спичек. Горя от нетерпения, я испробовал одну из них. Спички оказались вполне пригодными: они несколько не отсырели. Я повернулся к Уине.

— Танцуй, — воскликнул я на ее языке.

Теперь я действительно имел оружие против ужасных существ, которых мы боялись. И вот в этом заброшенном музее, на толстом мягком ковре

из пыли, к огромному восторгу Уины, я принялся торжественно исполнять замысловатый танец, весело насвистывая песенку «Земля верных». Это был частью скромный канкан, частью полонез, частью вальс (заставлявший развеяться фалды моего сюртука) и частью мое собственное оригинальное изобретение. Вы же знаете, что я в самом деле изобретателен.

До сих пор я думаю, что этот коробок спичек, который за столько лет не поддался разрушительному действию времени, был самой необычной, но для меня самой удачной находкой. Но, как ни странно, я нашел еще одно, весьма неожиданное вещество: камфору. Запечатанная банка, где она хранилась, оказалась герметически закрытой по чистой случайности. Мне показалось сначала, что это был парафин, и разбил стекло. Но запах камфоры не вызывал сомнений. Среди общего распада это летучее вещество сохранилось совершенно случайно, возможно на протяжении многих тысяч веков. Она напомнила мне однажды виденную картину, сделанную сепией — краской из ископаемого белемнита, погибшего и ставшего окаменелостью, должно быть, миллионы лет назад. Я собрался было выбросить ее, но вспомнил, что она легко воспламеняется и горит прекрасным ярким пламенем, а значит, из нее можно сделать отличные свечи — и я положил ее в карман.

Однако я не нашел никаких взрывчатых веществ или чего-то подобного, чтобы пробить бронзовые двери. Железный рычаг был пока самой полезной находкой, пусть я и наткнулся на него совершенно случайно. Тем не менее, я ушел из галереи в очень хорошем настроении.

Не могу рассказать вам всего, что произошло со мной за этот долгий день. Для этого потребуется сильно напрячь память, чтобы вспомнить по порядку все мои исследования. Помню длинную галерею с заржавевшим оружием и свои размышления: не выбрать ли мне топор или саблю вместо моего железного рычага? Но я не мог унести то и другое, а железный лом был более пригоден для атаки на бронзовые двери. Я видел множество ружей, пистолетов и винтовок. Почти все они были совершенно изъедены ржавчиной, хотя некоторые, сделанные из какого-то неизвестного металла, прекрасно сохранились. Но патроны и порох давно уже рассыпались в пыль. Один угол галереи обгорел и был совершенно разрушен; вероятно, это произошло вследствие взрыва патронов. В другом месте оказалась большая коллекция идолов: полинезийских, мексиканских, греческих, финикийских, — собранных со всех концов земли. И тут, уступая непреодолимому желанию, я написал свое имя на носу каменного уroda из Южной Америки, особенно меня поразившего.

С наступлением вечера мой интерес угас. Одну за другой проходил я галереи, пыльные, безмолвные, часто разрушенные, все содержимое которых представляло собой по временам груды ржавчины и обуглившихся обломков. В одном месте я неожиданно наткнулся на модель рудника, а затем, также совершенно случайно, нашел в плотно закупоренной витрине два динамитных патрона! Я радостно воскликнул «Эврика!» и разбил витрину. Но вдруг сомнения одолели меня. Я колебался. Затем, выбрав маленькую боковую галерею, я провел опыт. Никогда прежде я не чувствовал такого разочарования, как в те пять, десять, пятнадцать минут, что я простоял в ожидании взрыва, которого так и не произошло. Без сомнения, это были модели, я мог бы догадаться об этом уже по их виду. Уверен, что иначе я тотчас же кинулся бы к Белому Сфинксу и отправил бы его одним взрывом в небытие вместе с его бронзовыми дверями и (как оказалось впоследствии) уже никогда не получил бы обратно Машину Времени.

После этого мы вышли в небольшой открытый дворик внутри главного здания. На зеленом газоне росли три фруктовых дерева. Так что мы отдохнули и подкрепились. Приближался закат, и я стал обдумывать наше положение. Ночь уже надвигалась, а безопасное убежище все еще не было найдено. Однако теперь это меня мало

тревожило. В моих руках была лучшая защита от морлоков: спички! А на случай, если бы понадобился яркий свет, у меня в кармане была камфора. Самое лучшее, казалось мне, — провести ночь на открытом месте под защитой костра. А наутро я хотел приняться за розыски Машины Времени. Единственным средством для этого был железный лом. Но теперь, лучше зная, что к чему, я совершенно иначе относился к бронзовым дверям. Ведь до сих пор я не хотел их ломать, не зная, что находилось по другую их сторону. Однако они никогда не казались мне очень прочными, и теперь я надеялся, что легко взломаю их своим рычагом.

XII

Мы вышли из Зеленого Дворца, когда солнце еще не скрылось за горизонтом. Я был полон решимости на следующий день рано утром добраться до Белого Сфинкса, а нынче в сумерках моим намерением было пробраться через лес, который задержал нас в начале путешествия. Я подумал, что мы сможем этим вечером пройти как можно больше, а потом развести костер и лечь спать под защитой огня. Дорогой я собирал сучья и сухую траву и скоро набрал целую охапку. С этим грузом мы подвигались вперед медленнее, чем я предполагал, и к тому же Уина очень устала. Мне

тоже ужасно хотелось спать. Когда мы дошли до леса, наступила полная темнота. Из страха перед ней Уина хотела остаться на склоне холма перед опушкой, но чувство опасности толкало меня вперед, вместо того чтобы образумить и остановить. Я не спал всю ночь и два дня находился в лихорадочном, раздраженном состоянии. Я чувствовал, как ко мне подкрадывается сон, а вместе с ним и морлоки.

Пока мы пребывали в нерешительности, я разглядел на фоне черных кустов позади нас три крадущиеся фигуры. Нас окружали высокая трава и мелкий кустарник, так что они могли коварно подкрасться вплотную. Чтобы пересечь лес, надо было, по моим расчетам, пройти около мили. Мне казалось, что если бы нам удалось выйти на открытый склон, то мы нашли бы там безопасное место для отдыха. Спичками и камфорой я рассчитывал освещать дорогу. Но, чтобы зажигать спички, я, очевидно, должен был бросить сучья, набранные для костра. Волей-неволей мне пришлось это сделать. И тут у меня возникла мысль, что я могу позабавить наших друзей, если подожгу кучу хвороста. Впоследствии я понял, какое это было безумие, но тогда такой маневр показался мне отличным прикрытием нашего отступления.

Не знаю, задумывались ли вы когда-либо над

тем, какая редкая вещь пламя в умеренном климате, где нет человека. Солнечный жар, даже когда он сосредоточен на капельках росы, как порой бывает в тропических районах, редко бывает достаточно сильным, чтобы зажечь какое-нибудь дерево. Молния разит и испепеляет, но это редко приводит к широкомасштабным пожарам. Перегнивающая растительность иногда тлеет от тепла в процессе брожения, но воспламеняется ничуть не чаще. В этот же период упадка знаний само искусство добывания огня было забыто. Красные языки, которые принялись лизать мою кучу хвороста, были совершенно новым и незнакомым явлением для Уины.

Она хотела подбежать и поиграть с ним. Я верю, что она даже ступила бы в огонь, не удержи я ее. Я схватил ее и, несмотря на сопротивление, смело увлек за собой в лес. Еще некоторое время свет от костра освещал нам путь. Потом, оглянувшись назад, я увидел сквозь частые стволы деревьев, как занялись ближние кустарники и пламя, змеясь, поползло вверх на холм. Я засмеялся и снова повернулся к темным деревьям. Там царил полнейший мрак; Уина судорожно прижималась ко мне, но мои глаза быстро освоились с темнотой, и я достаточно хорошо видел, чтобы не наткнуться на стволы. Над головой было черным-черно, и только кое-где сиял клочок неба. Я не зажигал спичек,

потому что руки мои были заняты. На левой руке сидела малышка Уина, а в правой я держал свой лом.

Некоторое время я ничего не слышал, кроме потрескивания веток под ногами, слабого шелеста ветра в вышине, своего дыхания и стука крови в ушах. Вдруг мне показалось, что я слышу позади топот. Я отогнал наваждение. Затем я услышал позади топот, но упорно продолжал идти вперед. Топот становился все громче, и вместе с ним долетали странные звуки и голоса, которые я уже слышал в Подземном Мире. Очевидно, за нами гнались морлоки; они настигали нас. Действительно, в следующее же мгновение я почувствовал, как кто-то дернул меня за одежду, а потом за руку. Уина задрожала и притихла.

Время пришло зажечь спичку. Но чтобы достать их, я должен был положить Уину на землю. Я так и сделал, но пока я возился с карманом, у моих ног началась возня. Уина молчала, и только морлоки что-то бормотали. Чьи-то маленькие мягкие руки скользнули по моей спине и даже прикоснулись к шее. Спичка чиркнула и зашипела. Я подождал, пока она не разгорелась, и тогда увидел белые спины убежавших в чащу морлоков. Поспешно вынув из кармана кусок камфоры, я приготовился его зажечь, как только начнет гаснуть спичка. Я взглянул на Уину. Она лежала ничком,

обхватив мои колени, совершенно неподвижная. Со страхом я наклонился над ней. Казалось, она едва дышала. Я зажег кусок камфоры и бросил его на землю; расколовшись, он ярко запылал, отгоняя от нас морлоков и ночные тени. Я встал на колени и поднял Уину. В лесу, позади нас, слышался шум и бормотание огромной стаи.

Уина, казалось, потеряла сознание. Я аккуратно положил ее на плечо и поднялся, чтобы идти дальше, но следом пришло ужасное осознание. Пока я возился со спичками и Уиной, я несколько раз повернулся, и теперь я не имел ни малейшего представления, в каком направлении нам нужно идти. Может быть, я снова обращен в сторону Зеленого Дворца из зеленого фарфора. Меня бросило в холодный пот. Пришлось быстро соображать, что же делать дальше. Я решил развести костер и остаться там, где стоим. Положив все еще неподвижную Уину на мшистый пенек, я принялся торопливо собирать сучья и листья, пока догорал кусок камфоры. Вокруг меня то тут, то там, подобно рубинам, светились в темноте глаза морлоков.

Камфора вспыхнула и погасла. Я зажег спичку и увидел, как два белых силуэта, приближавшиеся к Уине, поспешно бросились прочь. Один был настолько ослеплен светом, что натолкнулся на меня, и я почувствовал, как хрустнули его кости

под ударом моего кулака. Он издал отчаянный возглас, немного покачнулся и упал. Я зажег другой кусок камфоры и продолжал собирать ветки для костра. Вскоре я заметил, что листья были совершенно сухими, ведь за неделю, с момента моего прибытия на Машине Времени, не сорвалось и капли дождя. Так, вместо опавших листьев и веток, я, подпрыгивая, начал обламывать нижние ветви деревьев и стаскивать их в кучу. Скоро разгорелся удушливо-дымный костер из свежего дерева и сухих сучьев, и я сберег остаток камфоры. Я вернулся туда, где рядом с моим ломом лежала Уина. Я всеми силами старался привести ее в чувство, но она лежала как мертвая. Я не мог даже понять, дышала она или нет.

Тут дым от костра пахнул мне в лицо, и неожиданно тело стало ватным. Кроме того, пары камфоры витали в воздухе. Костер будет еще гореть в течение часа или около того. Я чувствовал себя смертельно усталым и сел. Лес был полон непонятными мне шорохами и звуками. Мне показалось, что я немного вздремнул, и тут же открыл глаза. Но вокруг была темнота, и руки морлоков шарили по моему телу. Стряхнув с себя их цепкие пальцы, я торопливо принялся искать в кармане спички, но... их там не оказалось. Морлоки снова схватили меня, окружив со всех сторон. В одну секунду я сообразил, что случилось. Я заснул,

костер погас. Меня охватил смертельный ужас. Весь лес, казалось, был наполнен запахом гари. Меня схватили за шею, за волосы, за руки и старались повалить. Ужасны были в темноте прикосновения этих мягкотелых созданий, облепивших меня. Мне казалось, что я попал в какую-то чудовищную паутину. Они пересилили меня, и я упал. Чьи-то острые зубы впились мне в шею. Я перевернулся, и в то же мгновение рука моя нащупала железный рычаг. Это придало мне силы. Страхнув с себя всю кучу человекообразных крыс, я вскочил и, размахнувшись рычагом, принялся бить им наугад, стараясь попасть по их головам. Я слышал, как под моими ударами обмякали их тела, как хрустели кости. На минуту я освободился.

Меня охватило странное возбуждение, которое сопровождает жесткий бой. Я знал, что наши с Уиной дни сочтены, но решил заставить морлоков дорого заплатить за их чудовищный пир. Я стоял, опираясь спиной о дерево и размахивая перед собой железной палицей. Лес оглашали громкие крики морлоков. Прошла минута. Голоса их, казалось, уже не могли быть пронзительней, движения становились все быстрее и быстрее. Но ни один не подходил ко мне близко. Я все время стоял на месте, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте. В душу мою закралась надежда: может быть, морлоки испугались? И тут произошло нечто

необычайное. Казалось, окружающий меня мрак стал проясняться. Я смутно начал различать фигуры морлоков, трое корчились у моих ног, а остальные непрерывным потоком бежали мимо меня вглубь леса. Спины их казались уж не белыми, а красноватыми. Застыв в недоумении, я увидел красную полосу, скользившую между деревьев, освещенных светом звезд. Я сразу понял, откуда взялся запах гари и однообразный шорох, перешедший теперь в страшный рев, и красное зарево, обратившее в бегство морлоков.

Выйдя из-за дерева и оглянувшись назад, я разглядел между угольно-черными стволами ближних деревьев пламя лесного пожара: то нас нагнал мой первый костер. Я искал Уину, но она пропала. Шипение и треск позади меня, взрывной глухой звук от каждого нового охваченного пламенем дерева, совершенно не оставляли времени для размышлений. Все еще держа в руке свой железный лом, я бросился вслед за морлоками. То оказалась неравная гонка. Пока я бежал, огонь обогнал меня с правой стороны, так что я с правого фланга бросился на левый. Наконец я вышел на небольшое открытое пространство, и в этот момент, какой-то морлок наткнулся на меня и бросился мимо прямо в огонь!

И теперь я наблюдал, думаю, самое впечатляющее и пугающее зрелище из всех,

которые лицезрел в Будущем. От зарева стало светло, как днем. Посреди огненного моря был холмик или курган, на вершине которого рос полузасохший боярышник. А дальше, в лесу, бушевали желтые языки пламени, и холм был со всех сторон окружен огненным забором. На склоне холма толпилось около тридцати или сорока морлоков: ослепленные, они метались и натывались в замешательстве друг на друга. Я забыл об их слепоте и, как только они приближались, в безумном страхе принимался яростно наносить им удары. Я убил одного и искалечил многих. Но, увидев, как один из них ощупью пробирался в багровом свете среди боярышника, и услышав стоны, я убедился в полной беспомощности и отчаянии морлоков и не трогал уже больше никого.

И сейчас, если кто-то подходил прямо ко мне, дрожа от ужаса, я быстро отходил в сторону. В то время как огонь немного утих, я испугался, что эти существа смогут обнаружить меня. Я даже думал снова начать бой, убив некоторых из них, прежде чем это случится, но огонь снова ярко вспыхнул, и я опустил руку. Я обошел холм между морлоками, избегая столкновений, в поисках каких-либо следов Уины. Но она исчезла.

Наконец я присел на вершине холма и смотрел на это невероятно странное слепое собрание перемещающихся взад и вперед существ,

бродивших ощупью и перекликавшихся нечеловеческими голосами при вспышках пламени. Огромные клубы дыма плыли по небу, и сквозь красное зарево изредка проглядывали звезды, такие далекие, как будто они принадлежали какой-то иной вселенной. Два или три морлока сослепу наткнулись на меня, и я, задрожав, отогнал их ударами кулаков.

Большую часть ночи длился этот кошмар. Я щипал себя и кричал в страстном желании проснуться. Бил руками землю, встал и снова садился, бродил вперед и назад, снова садился. Я упал на колени, тер свои глаза и молил Бога дать мне уснуть. Трижды я видел, как морлоки, опустив головы, в каком-то иступлении бросались в огонь. Но, наконец, над затихающим заревом огня, над тучей черного дыма над головешками пней, и жалкими остатками этих мерзких существ, на землю пришел рассвет.

Я снова искал следы Уины, но ничего не нашел. По-видимому, ее маленькое тельце осталось в лесу. Все же она избежала той ужасной участи, которая, казалось, была ей уготована. При этой мысли я чуть снова не принялся за избивание беспомощных отвратительных созданий, но сдержался. Холмик, как я сказал, был чем-то вроде острова в лесу. С его вершины сквозь пелену дыма я теперь мог разглядеть Зеленый Дворец и

определить путь к Белому Сфинксу. Когда окончательно рассвело, я покинул кучку проклятых морлоков, все еще стонавших и бродивших ощупью по холму, обмотал ноги травой и по дымящемуся пеплу, меж черных стволов, среди которых еще трепетал огонь, поплелся туда, где была спрятана Машина Времени. Шел я медленно, так как почти выбился из сил и, кроме того, хромал: я чувствовал себя глубоко несчастным, вспоминая об ужасной смерти бедной Уины. Это было тяжело. Теперь, когда я сижу здесь у себя, в привычной обстановке, потеря Уины кажется мне скорее тяжелым сном, чем настоящей утратой. Но в то утро я снова стал совершенно одинок, ужасно одинок. Я вспомнил о своем доме, о вас, друзья мои, и меня охватила мучительная тоска.

Но когда я шел по дымящемуся пеплу под ярким утренним небом, я сделал одно открытие. В кармане брюк я нашел несколько спичек. Скорее всего, они выпали из коробка прежде, чем он был похищен.

XIII

Около восьми или девяти часов утра я пришел к той же самой скамейке из желтого металла, с которой рассматривал окружающий мир в первый вечер моего появления. Я не мог удержаться и

горько посмеялся над своей самоуверенностью, вспомнив, к каким необдуманнным выводам пришел я в тот вечер. Сейчас передо мной была та же прекрасная картина, та же густая зеленая растительность, те же роскошные дворцы и великолепные руины, та же серебряная река, бегущая меж плодородных берегов. Кое-где среди деревьев мелькали одеяния прохаживающихся туда-сюда красивых людей. Некоторые из них купались на том самом месте, где я спас Уину, и у меня больно сжалось сердце. И над всем этим чудесным зрелищем, подобно черным пятнам, подымались купола, прикрывавшие колодцы, которые вели в подземный мир. Я понял теперь, что таилось под красотой жителей Верхнего Мира. Как радостно они проводили день! Так же радостно, как скот, пасущийся в поле. Подобно скоту, они не знали врагов и ни о чем не заботились. И таков же был их конец.

Я с огорчением думаю, каким кратким был миг жизни человеческого разума. Он сам покончил с собой. Люди поставили перед собой цель достигнуть комфорта и легкости, к тому общественному строю, девизом которого была безопасность и постоянство, и они достигли своей цели ... пришли к этой цели в Прошлом. Однажды жизнь и собственность каждого достигли почти абсолютной безопасности. Богатые были уверены в

своим богатстве и комфорте, труженики в том, что им обеспечены жизнь и работа. Нет сомнений, что в идеальном мире не было бы проблемы безработицы, не было бы и нерешенных социальных вопросов. А за всем этим последовал великий покой.

Мы не замечаем закона природы, утверждающего, что гибкость ума является наградой за опасности, тревоги и превратности жизни. Животное, находящееся в гармонии со своим окружением — это совершенный механизм. Природа никогда не обращается к разуму, пока срабатывают привычка и инстинкт. Там, где нет перемен и необходимости оных, нет и интеллекта. Только те животные обладают интеллектом, который встречают на своем пути всевозможные опасности, которые вынуждены каждый день в трудах удовлетворять свои нужды.

Как мне кажется, человек Верхнего Мира пришел к своей беспомощной красоте, а человек Подземного Мира — к простой механической работе. Но для идеального общества не хватало одной вещи, даже с его механическим совершенством, — абсолютного постоянства. Видимо, как только запасы Подземного Мира истощились, баланс был нарушен. И вот Мать-Нужда, сдерживаемая в продолжение нескольких тысячелетий, появилась снова и начала

внизу свою работу. Жители Подземного Мира, имея дело со сложными машинами, что, кроме, навыков, требовало все же некоторой работы мысли, невольно удерживали в своей озверелой душе больше человеческой энергии, чем жители земной поверхности. И когда обычная пища пришла к концу, они обратились к тому, чего до сих пор не допускали старые привычки. Вот как все это представилось мне, когда я в последний раз смотрел на мир восемьсот две тысячи семьсот первого года. Мое объяснение, быть может, ошибочно, поскольку любому смертному свойственно ошибаться. Это мое мнение, и я делюсь им с вами.

После утомительных волнений и страхов последних дней и несмотря на горе, это место, умиротворяющий вид и теплый солнечный свет были очень приятны. Я смертельно устал, меня клонило ко сну, и, размышляя, я вскоре начал дремать. Поймав себя на этом, я не стал противиться и, растянувшись на дерне, погрузился в долгий освежающий сон.

Я проснулся незадолго до заката. Я чувствовал себя в безопасности и не боялся быть застигнутым врасплох морлоками. Потянувшись, я спустился с холма и пошел в сторону белого Сфинкса. В одной руке я держал лом, а другой рукой играл со спичками в кармане.

А потом стали происходить самые неожиданные вещи. Когда я приблизился к постаменту Сфинкса, то увидел, что бронзовые двери открыты. Они задвинуты в пазы.

Я остановился, не решаясь войти.

Внутри было небольшое помещение, а в нем в углу на возвышении стояла Машина Времени. Рычаги от нее были у меня в кармане. Вот так, после всех приготовлений к осаде Белого Сфинкса меня ожидала покорная сдача. Я отбросил свой лом, почти недовольный тем, что не пришлось им воспользоваться.

Когда я уже наклонился в сторону входа, ко мне в голову пришла внезапная мысль. По крайней мере, на этот раз я разгадал замысел морлоков. Подавляя сильное желание рассмеяться, я шагнул через бронзовый порог к Машине Времени. С удивлением я обнаружил, что она была тщательно смазана и вычищена. Я даже подозревал, что морлоки разбирали ее на части, пытаясь своим слабым умом понять ее предназначение.

Я стоял и рассматривал Машину, испытывая удовольствие при одном прикосновении к ней, случилось то, чего я и ожидал. Бронзовые панели вдруг скользнули вверх, и с лязгом захлопнулись. Я оказался в темноте... в ловушке. Так думали морлоки. На что я злорадно усмехнулся.

Я уже слышал их хихиканье, пока они

подходили ко мне. Сохраняя спокойствие, я попытался зажечь спичку. Мне оставалось только закрепить рычаги и исчезнуть как призрак. Но я упустил из виду одну мелочь. Это были отвратительного вида спички, которые зажигаются только о коробки.

Можете себе представить, куда подевалось мое спокойствие. Маленькие отвратительные хищники уже были рядом. Один коснулся меня. Я стал отбиваться от них рычагами в темноте, карабкаясь в седло машины. Меня схватила одна рука, потом другая. Тогда мне пришлось просто вырывать свои рычаги из их цепких пальцев, и в то же время на ощупь искать штифты, на которых они крепились. Один рычаг морлоки выбили из руки. Когда он выскользнул из пальцев, мне пришлось отбиваться от них головой, пока я в темноте искал рычаг. Я слышал хруст черепов морлоков. Думаю, эта последняя схватка была отчаяннее, чем битва в лесу.

Наконец последний рычаг был установлен на свое место. Облепившие меня руки соскользнули. Мрак вокруг меня исчез. Я оказался в том же туманном свете и шуме, который уже описывал в начале своего рассказа.

XIV

Я уже рассказывал о тех неприятных, даже болезненных ощущениях, что сопровождают путешествие во Времени. А на этот раз я к тому же неправильно уселся в седле, неудобно свесившись набок. Какое-то время я не обращал внимания на то, как раскачивается и вибрирует моя Машина Времени. Когда же я был в состоянии взглянуть на циферблаты, чтобы посмотреть, куда отправился, то снова был поражен. Циферблат отсчитывал дни, тысячи дней, миллионы и миллиарды дней. Оказывается, вместо заднего хода я установил рычаги таким образом, что машина помчалась вперед. Когда я взглянул на показатели, увидел, что стрелка, отмечающая тысячи дней, вертелась с быстротой секундной стрелки — я уносился в Будущее.

По мере моего движения вперед, все вокруг начало принимать какой-то необыкновенный вид... дрожащая серость становилась все темнее; потом — хотя я все еще летел с умопомрачительной скоростью — началась мерцающая смена ночи и дня, обычно указывавшая на не очень быстрое движение Машины. Это чередование становилось все медленнее и отчетливее. Сначала я очень удивился. День и ночь уже не так быстро сменяли друг друга. Солнце тоже постепенно замедляло свое

движение по небу, пока наконец мне не стало казаться, что сутки тянутся целое столетие. В конце концов над землей повисли сумерки, которые лишь по временам прорывались ярким светом мчавшейся по темному небу кометы. Красная полоса над горизонтом исчезла; солнце больше не закатывалось, оно просто поднималось и опускалось на западе, становясь все более огромным и кровавым. Луна бесследно исчезла. Звезды, медленно описывавшие свои круговые орбиты, превратились из сплошных полосок света в отдельные, ползущие по небу точки. Наконец, незадолго до того, как я остановился, солнце, кровавое и огромное, неподвижно застыло над горизонтом; оно походило на огромный купол, горевший тусклым светом и на мгновения совершенно потухавший. Один раз оно запыхало прежним своим ярким огнем, но быстро вновь приобрело угрюмо-красный цвет. Из того, что солнце перестало всходить и закатываться, я заключил, что периодическое торможение наконец завершилось. Земля перестала вращаться, она была обращена к Солнцу одной стороной, точно так же, как в наше время обращена к Земле Луна. Помня свое предыдущее стремительное падение, я с большой осторожностью принялся замедлять движение Машины. Стрелки стали крутиться все медленней и медленней, пока наконец та, что

указывала тысячи дней, не замерла неподвижно, а та, что указывала дни, перестала казаться сплошным кругом. Я еще замедлил движение, и передо мной стали смутно вырисовываться очертания пустынного берега.

Я очень мягко остановился и, оставаясь в Машине Времени, огляделся. Небо больше не было голубым. На северо-востоке оно стало чернильно-черным, и из черноты ярко и уверенно сияли бледно-белые звезды. Над головой небо выглядело темно-красным и беззвездным, а к юго-востоку становилось все ярче до пурпурно алого, где, разделенный линией горизонта, застыл огромный красный диск солнца. Меня окружали темно-коричневые скалы, и поначалу из следов живой природы я разглядел только буйную зеленую растительность, которая покрывала каждый выступ их юго-восточных склонов. Она была такой же густой и зеленой, как лесной мох или лишайник, который можно увидеть в пещерах: растения, которые любят жизнь в вечных сумерках.

Машина стояла на отлогом берегу. Море простиралось далеко на юго-запад, прямо до резкой линии горизонта посреди яркого неба. Не было ни прибоя, ни волн, ни малейшего дуновения ветерка. Только маслянистая зыбь, как нежное дыхание, слегка поднималась и опускалась, показывая, что в вечном море по-прежнему течет и продолжается

жизнь. Вдоль линии, где вода отступала, был толстый налет соли — красноватого цвета, как и небо. Я почувствовал, что голова словно налита свинцом, и я заметил, что дыхание мое участилось. Это напомнило мне мою единственную попытку восхождения в горы, и я понял, что воздух стал более разреженным, чем прежде.

Вдалеке, на пустынном склоне, я услышал пронзительный крик и увидел, как огромная белая бабочка, неровно кружась, поднялась высоко в небо и, сделав несколько кругов, исчезла за низкими холмами. Ее крик был так мрачен, что я поежился и нашел в себе силы более уверенно сесть в седло. Оглядевшись снова, я вдруг увидел, как то, что я принимал за красноватую скалу, стало медленно приближаться ко мне. Это было чудовищное существо, похожее на краба. Можете ли вы представить себе краба, величиной вот с этот стол, с множеством ног, шевелящихся медленно и неуверенно, его большие покачивающиеся клешни, с длинными, как хлысты, щупальцами и выпуклыми глазами, сверкающими по обе стороны отливающего металлом лба! Spина его была вся в отвратительных буграх и выступах, местами покрытая зеленоватым налетом. Я видел, как шевелились и дрожали многочисленные щупальца у его рта.

Пока я смотрел на это подползающее ко мне

чудовище, я ощутил щекочущее прикосновение к своей щеке, будто муха ползала там. Я попытался согнать ее, но в то же мгновение ощущение вернулось, и почти сразу я почувствовал подобное прикосновение к своему уху. Я отмахнулся и поймал что-то похожее на нить. Она быстро выдернулась у меня из рук. С чувством подкатившей тошноты я повернулся и увидел, что это было щупальце другого монстра-краба, который стоял прямо позади меня. Его свирепые глаза вращались, рот был разинут в предвкушении добычи, огромные, неуклюжие клешни, покрытые слизью водорослей, нацелились прямо на меня! В одно мгновение я схватился за рычаг, и между мной и чудовищами сразу же легло расстояние целого месяца. Но я по-прежнему находился на том же берегу и, как только остановился, снова увидел тех же самых чудовищ. Они десятками ползали взад и вперед под мрачным небом, среди скользкой зелени мхов и лишайников.

Не могу вам передать то ощущение страшного запустения, которое царило в мире. На востоке небо багровое, на севере — чернота, мертвое соленое море, каменистый берег кишит медленно ползающими монстрами, из растительности видны только ядовито-зеленые лишайники, разреженный воздух, который вредит легким: все вместе производило удручающее впечатление. Я

переместился еще на сто лет вперед. Там было все то же красное солнце — чуть больше и тусклее, то же умирающее море, тот же прохладный воздух и та же толпа наземных ракообразных, ползающих среди зеленых мхов и красных скал. А на западе, в небе, я увидел бледный серп, словно зарождалась огромная луна.

Так я продолжал перемещаться во Времени скачками, должно быть, в тысячу лет, заинтересованный тайной судьбы Земли, со странным увлечением наблюдая, как все увеличивается в размерах и тускнеет солнце на западе, как угасает жизнь на Земле. Наконец, больше чем через тридцать миллионов лет, огромный раскаленный купол солнца заслонил собой почти десятую часть мрачного неба. Когда я остановился еще раз, ползающие крабы исчезли, теперь красный берег казался безжизненным, кое-где покрытый мертвенно-бледными мхами и лишайниками, с редкими вкраплениями чего-то белого. Ужасный холод окружал меня. Редкие белые хлопья медленно падали на землю. На северо-востоке под звездами, усеивавшими траурное небо, блестел снег и высились волнистые вершины красновато-белых гор. Прибрежная полоса моря была скована льдом, и огромные ледяные глыбы уносились на простор; однако большая часть соленого океана, кровавая от лучей

негаснущего заката, еще не замерзла.

Я огляделся, пытаюсь увидеть каких-нибудь животных. Смутное опасение все еще удерживало меня в седле Машины. Но ни в небе, ни на море, ни на земле не было признаков жизни. Лишь зеленые водоросли на скалах свидетельствовали, что жизнь еще не совсем угасла. Море далеко отступило от прежних берегов, обнажив песчаное дно. Мне показалось, что на отмели что-то движется, но когда я вгляделся пристальнее, то не увидел никакого движения; я решил, что зрение обмануло меня и это был просто черный камень. На небе горели необычайно яркие звезды, и мне казалось, что они почти перестали мерцать.

Вдруг я заметил, что диск солнца на западе изменился: на нем появилась какая-то вогнутость, впадина. Я стал наблюдать за ее ростом. С минуту я в ужасе смотрел, как эта темнота наползает на солнце, а потом понял, что это начиналось затмение. Может быть, Луна или Меркурий проходили перед его диском. Естественно, прежде всего я подумал о Луне, но через некоторое время склонился к выводу, и я это действительно видел, что одна из планет солнечной системы прошла очень близко к Земле.

Тьма стремительно нарастала, с востока порывами задул холодный ветер, в воздухе гуще закружились снежные хлопья. С моря до меня

донеслись всплески волн. Но кроме этих мертвенных звуков в мире царила тишина. Тишина? Нет, невозможно описать это жуткое безмолвие. Все звуки жизни, блеяние овец, голоса птиц, жужжание насекомых, все то движение и суета, которые нас окружают, — все это отошло в прошлое. По мере того как мрак сгущался, снег падал все чаще, белые хлопья плясали у меня перед глазами, мороз усиливался. Одна за другой погружались в темноту белые вершины далеких гор. Ветер перешел в настоящий ураган. Черная тень ползла на меня. Через мгновение на небе остались одни только бледные звезды. Кругом была непроглядная тьма. Небо стало совершенно черным.

Ужас этой всепоглощающей тьмы охватил меня. Холод, пронизывающий до мозга костей, и боль, которую я ощущал при дыхании, стали невыносимыми. Меня трясло, я чувствовал ужасную тошноту. Затем, словно раскаленная дуга, в небе появился краешек солнца. Потом, подобно раскаленной дуге, на небе снова появилось солнце. Я слез с Машины, чтобы немного прийти в себя. Голова у меня кружилась, и не было сил даже подумать об обратном путешествии. Измученный и растерянный, я вдруг снова увидел на отмели, на фоне красноватой морской воды, какое-то движение. Теперь сомневаться уже не приходилось.

Это было нечто круглое, величиною с футбольный мяч, а может быть, и больше, и с него свисали длинные щупальца; мяч этот казался черным на колыхавшейся кроваво-красной воде, и передвигался он резкими скачками. Я почувствовал, что начинаю терять сознание. Но ужас при мысли, что я могу беспомощно упасть на землю в этой далекой и страшной полутьме, заставил меня снова взобраться на седло.

XV

И вот я отправился назад. Долгое время лежал без сознания на своей Машине. Возобновилась мерцающая череда дней и ночей, солнце снова стало золотым, небо голубым. Я мог дышать легко и свободно. Быстро менялись контуры земной поверхности, стрелки на циферблатах закрутились в обратную сторону. Наконец я опять увидел нечеткие тени домов, свидетельство гнивающего человечества. Они тоже изменялись и проходили, на смену им приходили другие. Когда стрелка, отсчитывающая миллионы дней, вернулась к нулю, я замедлил ход. Я стал узнавать до боли знакомую архитектуру наших домов. Стрелка, отсчитывающая тысячи дней, побежала обратно к отправной точке, ночь и день сменялись все медленнее. Затем вокруг меня появились прежние

стены лаборатории. Очень аккуратно я замедлил движение вниз.

Мне пришлось наблюдать странное явление. Я уже говорил вам, что, когда я отправился в путь и еще не развил большой скорости, через комнату промчалась миссис Уотчет, двигаясь, как мне показалось, с быстротой ракеты. Когда же я возвратился, то снова миновал ту минуту, в которую она проходила по лаборатории. Но теперь каждое ее движение казалось мне обратным. Сначала открылась вторая дверь в дальнем конце комнаты, потом, пятясь, появилась миссис Уотчет и исчезла за той дверью, в которую прежде вошла. Незадолго перед этим мне показалось, что я вижу Хилльера, но он мелькнул мгновенно, как вспышка.

Я остановил машину и снова увидел свою старую знакомую лабораторию, свои инструменты, свои приборы такими же, как я их оставил. Крайне неуверенно я слез с машины, и опустился на скамейку. Несколько минут меня била дрожь. Затем я успокоился. Вокруг была моя старая мастерская, такая же, как до моего путешествия. Быть может, я спал и все это мне приснилось?

И все же нет! В свое путешествие я отправился с юго-восточного угла лаборатории. А вернулся в северо-западный, напротив той стены, где вы видели машину. Точно такое же расстояние было от маленькой лужайки до пьедестала белого

Сфинкса, в котором морлоки спрятали мою Машину.

Наконец я встал и прошел сюда через коридор, хромя, потому что пятка моя еще болела. Я был весь перепачкан грязью. На столе у двери я увидел номер «Пэл-мэлл гзетт». Она была сегодняшняя. Взглянув на часы, я увидел, что было около восьми. До меня донеслись ваши голоса и звон тарелок. Я не сразу решился войти: настолько я был слаб и утомлен! Но почувствовав приятный запах еды, я нашел в себе силы открыть дверь. Остальное вы знаете. Я умылся, пообедал и вот теперь рассказываю вам свою историю.

XVI

— Я знаю, — сказал он, помолчав, — что для вас все это выглядит совершенно невероятным. Для меня же невероятным кажется только одно, что я здесь сегодня, в этой старой, давно знакомой комнате, глядя в ваши дружеские лица, рассказываю вам о своих приключениях.

Он посмотрел на Доктора.

— Нет, я даже не надеюсь, что вы поверите мне. Примите мой рассказ за ложь или... за пророчество. Считайте, что я видел это во сне, у себя в лаборатории. Представьте себе, что я раздумывал о грядущих судьбах человечества и

придумал эту сказку. Отнеситесь к моим уверениям в ее достоверности как к простой уловке, к желанию придать ей побольше интереса. Но, относясь ко всему этому как к выдумке, что вы скажете?

Он вынул трубку и стал, по старой привычке, нервно ею выстукивать по прутьям решетки. Воцарилась тишина. Потом заскрипели стулья, а обувь зашаркала по ковру. Я отвел глаза от лица Путешественника во Времени и взглянул на его слушателей. Все они сидели в тени, и блики от огня в камине скользили по их лицам. Доктор пристально взгляделся в лицо рассказчика. Редактор, закурив шестую сигару, уставился на ее кончик. Журналист вертел в руках часы. Остальные, насколько помню, сидели неподвижно.

Редактор со вздохом встал.

— Как жаль, что вы не писатель! — сказал он, положив свою руку на плечо Путешественника во Времени.

— Вы не верите этому?

— Ну, знаете...

— Я так и думал.

Путешественник во Времени повернулся к нам.

— Где спички? — спросил он.

Он зажег одну и, пыхтя своей трубкой, бросил:

— Сказать по правде ... я и сам с трудом в это верю.... И все же..

Взгляд его с немым запросом остановился на увядших белых цветах, лежавших на маленьком столике. Потом он повернул руку, в которой была трубка, и я увидел, что он смотрит на какие-то еще не зарубцевавшиеся шрамы на костяшках пальцев.

Доктор встал, подошел к лампе и принялся рассматривать цветы.

— Какие странные у них пестики, — сказал он.

Психолог наклонился вперед и протянул руку за одним из цветков.

— Ручаюсь головой, что уже четверть первого, — сказал Журналист. — Как же мы доберемся до дому?

— На вокзале много кэбов, — сказал Психолог.

— Любопытная вещь, — сказал Доктор. — Я не могу определить вид этих цветов. Не позволите ли мне взять их с собою?

На лице Путешественника во Времени мелькнула нерешительность.

— Конечно, нет, — сказал он.

— Серьезно, откуда вы их взяли? — спросил Доктор.

Путешественник во Времени приложил руку ко лбу. Он имел вид человека, который старается

собрать разбегающиеся мысли.

— Их положила мне в карман Уина, когда я путешествовал во Времени.

Он обвел взглядом комнату.

— Будь я проклят, если я этого не совершал. Эта комната, вы, привычная обстановка — слишком много для моей памяти. Создавал ли я когда-нибудь Машину Времени или модель Машины Времени? Быть может, это только сон? Одни говорят, что жизнь — это сон, хороший или плохой, — но я не смогу увидеть другой. Это безумие. И откуда этот сон взялся? ... Я должен взглянуть на свою Машину. Существует ли она на самом деле!

Он схватил лампу и выскочил в коридор. Пламя колебалось и по временам вспыхивало красным огнем. Мы последовали за ним. Освещенная трепетавшим пламенем лампы, низкая, изуродованная, погнутая, перед нами, несомненно, была та же самая Машина, сделанная из бронзы, черного дерева, слоновой кости и прозрачного блестящего кварца. Я потрогал ее. Она была тут, осязаемая и реальная. Темные полосы и пятна покрывали слоновую кость, а на нижних частях висели клочья травы и мха, одна из металлических полос была изогнута.

Путешественник во Времени, поставив лампу на скамью, провел рукой вдоль поврежденной

полосы.

— Теперь все в порядке, — сказал он. — История, которую я вам рассказал, правда. Извините, что привел вас сюда в этот холод.

Он взял лампу, и, в абсолютной тишине, мы вернулись в курительную.

Он прошел с нами в прихожую и помог Редактору надеть пальто. Доктор посмотрел ему в лицо и, после некоторых раздумий, сказал, что он выглядит переутомленным. Путешественник во Времени громко рассмеялся. Помню его, стоящего в открытых дверях, прокричавшего: «Спокойной ночи!»

Я поехал в кэбе с Редактором. Он считал, что весь рассказ Путешественника не более чем «безвкусная ложь». Что касается меня, я не мог принять однозначного решения. Его рассказ был так невероятен и даже фантастичен, а тон рассказчика так искренен и правдив. Почти всю ночь я не спал и думал об этом. На другое утро я решил снова повидать Путешественника во Времени. Мне сказали, что он в лаборатории. Я запросто бывал у него в доме и поэтому пошел прямо туда. Но лаборатория была пуста. На минуту я остановился перед Машиной Времени, протянул руку и дотронулся до рычага. В то же мгновение она, такая тяжелая и устойчивая, заколыхалась, как листок от порыва ветра. Это поразило меня, и в

голове моей мелькнуло забавное воспоминание о том, как в детстве мне запрещали трогать разные вещи. Я вернулся обратно. Пройдя по коридору, я столкнулся в курительной с Путешественником во Времени, который собирался уходить. В одной руке у него был небольшой фотографический аппарат, в другой — сумка. При виде меня он рассмеялся и протянул мне для пожатия локоть.

— Я очень занят, хочу побывать там, — сказал он.

— Значит, это не мистификация? — спросил я. — Вы действительно путешествуете во Времени?

— Правда и только правда, путешествую.

И он откровенно посмотрел мне в глаза. Затем замялся. Его глаза блуждали по комнате.

— Мне нужно всего полчаса, — сказал он. — Я знаю, зачем вы пришли, и это очень мило с вашей стороны. Вот журналы. Если вы останетесь на обед, я докажу вам, на этот раз доставив из путешествия образцы и прочее. Вы простите мой уход?

Я согласился, с трудом понимая смысл его слов, он кивнул и прошел дальше по коридору. Я услышал, как хлопнула дверь лаборатории, уселся в кресло и взял газету. Что он собирался делать до обеда? Внезапно попавшаяся на глаза реклама напомнила мне, что я обещал встретиться с издателем Ричардсоном в два часа. Посмотрев на часы, увидел, что едва успеваю. Я встал и прошел

по коридору, чтобы сказать об этом Путешественнику во Времени.

Я уже взялся за ручку двери, когда услышал его приглушенный возглас, щелчок и удар. Открыв дверь, я оказался в водовороте воздуха, а из комнаты донеслись звуки разбитого стекла, падающего на пол. Путешественника во Времени не было. Мне показалось, что на миг передо мной промелькнула неясная, похожая на призрак фигура человека, сидевшего верхом на кружившейся массе из черного дерева и бронзы, настолько призрачная, что скамья позади нее, на которой лежали чертежи, была видна совершенно отчетливо. Но едва я успел протереть глаза, как это видение исчезло. Исчезла и Машина Времени. Дальний угол лаборатории был пуст, и там виднелось легкое облако оседавшей пыли. Одно из верхних стекол окна было, очевидно, только что разбито.

Я стоял в полном недоумении. Я знал, что произошло что-то странное, но на данный момент не мог определить, что именно. Пока я вглядывался, дверь в сад отворилась и появился слуга.

Мы посмотрели друг на друга. Затем ко мне стали приходить мысли.

— Скажите, мистер... прошел вот сюда? — спросил я.

— Нет, сэръ. Никто здесь не проходил. Я и сам

думал найти его здесь.

Я все понял. Рискуя разочаровать Ричардсона, я задержался, ожидая Путешественника во Времени, в предвкушении второго, пожалуй, все-таки невероятного рассказа, образцов и фотографий, которые он принесет с собой. Но я начинаю опасаться, что его не дождусь. Путешественник во Времени исчез три года назад. И, как все знают, до сих пор не вернулся.

Эпилог

Мы можем теперь лишь строить догадки. Вернется ли он когда-нибудь? Может быть, он унесся в прошлое и попал к кровожадным дикарям палеолита, или в пучину мелового моря, или же к чудовищным ящерам и огромным земноводным юрской эпохи? Может быть, и сейчас он бродит в одиночестве по какому-нибудь рифу, кишашему плезиозаврами, или по пустынным берегам соленых морей триасового периода? Или, может быть, он отправился в Будущее, в эпоху расцвета человеческой расы, в один из тех менее отдаленных веков, когда люди оставались еще людьми, но уже разрешили все сложнейшие вопросы и все общественные проблемы, доставшиеся им в наследство от нашего времени? Я лично не могу поверить, чтобы наш век только что начавшихся

исследований, бессвязных теорий и всеобщего разногласия по основным вопросам науки и жизни был кульминационным пунктом развития человечества! Так, по крайней мере, думаю я. Что же до него, то он держался другого мнения. Мы не раз спорили с ним об этом задолго до того, как была сделана Машина Времени, и он всегда мрачно относился к Прогрессу Человечества. Развивающаяся цивилизация представлялась ему в виде беспорядочного нагромождения материала, который в конце концов должен обрушиться и задавить строителей. Но если это и так, все же нам ничего не остается, как продолжать жить. Для меня будущее неведомо, полно загадок и только кое-где освещено его удивительным рассказом. И я храню в утешение два странных белых цветка, засохших и блеклых, с хрупкими лепестками, как свидетельство того, что даже в то время, когда исчезают сила и ум человека, благодарность и нежность продолжают жить в сердцах.

Война миров

Но кто живет в этих мирах, если они обитаемы?.. Мы или они Владыки Мира? Разве все предназначено для человека?

Кеплер (Приведено у Бертона в «Анатомии меланхолии»)

Часть I. Появление марсиан

I. Канун войны

Никто не поверил бы, тем более нынче, в последние годы XIX столетия, что за человеческой жизнью на Земле зорко и тщательно наблюдают разумные существа, такие же смертные, как человек, но стоящие на более высокой ступени развития. Что в то время, когда люди занимаются своими повседневными делами, за ними следят и изучают их так же подробно, как человек изучает в микроскопе кратковременную жизнь существ, живущих и размножающихся в капле воды. С безграничным самодовольством сновали люди взад и вперед по земному шару, занимаясь своими маленькими делами, в счастливой уверенности в своем господстве над материей. Возможно, что и инфузории, видимые в микроскоп, ведут такое же

суетливое и самоуверенное существование.

Никому не приходило в голову, что человечеству может грозить опасность со стороны иных, быть может, куда более старых миров. Даже самое предположение о возможности жизни на них отвергалось, как нечто неправдоподобное. Теперь небезынтересно будет припомнить некоторое из ходивших мнений уже минувших дней.

Обитатели Земли допускали, что на Марсе могут жить живые существа, низшие по своему развитию, которые с радостью приветствовали бы попытку землян исследовать их планету. Между тем, по ту сторону зияющего мирового пространства за нами наблюдали умы, превосходящие нас так же, как ум человека превосходит ум животного — завистливыми и враждебными глазами смотрели они на нашу Землю. Обдуманно и с точным расчетом творили они планы против нас, и вот в начале XX века для человечества настал момент великого разочарования.

Едва ли нужно напоминать читателю, что планета Марс вращается вокруг Солнца на расстоянии приблизительно 140 миллионов миль и получает от него лишь половину того количества тепла и света, какое получает Земля. Если гипотеза туманного образования имеет хоть какое-нибудь основание, то Марс должен быть старше нашей

Земли, и задолго до того, как застыла земная кора, на поверхности Марса уже развивалась жизнь. Тот факт, что планета едва достигает объема планеты Земля, должен был ускорить его охлаждение до температуры, при которой могла возникнуть жизнь. Не нужно также забывать, что на Марсе есть и вода, и воздух, и все необходимое для поддержания животного организма.

Но тщеславие человека так велико, и он им так ослеплен, что до конца XIX столетия ни один из писателей даже близко не подошел к мысли о возможности развития разумной жизни на Марсе, а тем более к мысли, что она могла обогнать развитие мыслящих существ на Земле. Из фактов, что Марс старше нашей Земли, что площадь поверхности его равняется только четвертой части площади ее поверхности и он более удален от Солнца, не было сделано вполне естественного заключения, что он не только больше отдален от начала жизни, но и находится ближе к ее концу.

Многовековой процесс охлаждения, предстоящий когда-нибудь и нашей планете, на Марсе зашел уже довольно далеко. И хотя его физические свойства в целом еще составляют тайну, нам известно теперь, что даже в его экваториальных областях средняя температура едва достигает температуры нашей самой суровой зимы. Воздух на Марсе более разрежен, чем у нас, а

уровень воды в его морях настолько понизился, что они покрывают теперь чуть более трети его поверхности. Во время длительной смены времени года на его полюсах образуются огромные снеговые шапки, которые при таянии периодически затопляют его умеренные пояса.

Эта последняя стадия умирания, еще невероятно отдаленная стадия нашего будущего, стала для обитателей Марса злободневным вопросом. Гнет близкой опасности изощрил их умы, увеличил их силы и ожесточил их сердца. И настал час, когда они, обозревая мировое пространство, вооруженные умом и такими инструментами, о которых мы еще и не мечтали, на ближайшем от них расстоянии, всего в тридцати пяти миллионах миль по направлению к Солнцу, обрели зарю надежды — нашу более теплую планету, покрытую растительностью, с синеющими водами, окруженную облачной атмосферой, что все вместе давало уверенность в плодородии ее почвы. Сквозь просветы между бегущими облаками они увидели широкие пространства населенных стран и узкие полосы усеянных судами морей.

Мы же, люди, населяющие эту планету, не казались ли им такими же чуждыми и низшими существами, какими нам кажутся обезьяны и лемуры? Ум человеческий допускает, что жизнь есть непрерывная борьба за существование.

По-видимому, это мнение разделяли и обитатели Марса. Охлаждение их планеты все продолжалось и продолжалось. На Земле же еще кипела жизнь, а населена она была «существами низшего порядка». Стало ясно, что для марсиан единственным способом избавиться от гибели — которая из поколения в поколение становилась все ближе и ближе, — было переселение ближе к Солнцу, то есть завоевание Земли.

Прежде чем судить их слишком строго за это, мы должны припомнить, как безжалостно и жестоко наша собственная раса уничтожала не только животных, как, например, исчезнувших бизонов и птиц додо, но и низшие человеческие расы.

Тасманийцы, несмотря на свой человеческий облик, были стерты с лица планеты европейскими переселенцами в течение каких-то пятидесяти лет. Так отчего же мы решили, что можем иметь право роптать на то, что марсиане задумали вести такую же войну и против нас?

Свое нападение на нашу планету марсиане рассчитали с поразительной точностью — их математические познания, по-видимому, далеко превосходили наши! — и без малейших душевных колебаний довели свои приготовления до конца. Обладая мы более совершенными инструментами, мы бы заметили надвигающуюся на нас опасность

уже в начале XIX столетия. Такие ученые, как Скиапарелли, наблюдали красную планету — как это ни странно, Марс испокон веков считался звездой войны, — но были не в состоянии объяснить происхождение дрожащих световых точек, которые с поразительной педантичностью наносили на карты. В течение всего этого времени марсиане готовились к войне.

Во время Великого противостояния 1894 года был замечен яркий свет на освещенной стороне диска Марса — его увидели сначала в Ликской обсерватории, потом отметил Перретин в Ницце, позднее его зарегистрировали и другие наблюдатели. Англичане впервые прочли об этом в номере журнала «Природа» 2 августа. С моей точки зрения, появление этого яркого света объясняется взрывом пушки, помещенной в одной из глубоких скважин их планеты, откуда они потом и стреляли в нас. Странные, до сих пор не получившие объяснений пятна были замечены вблизи этого места во время двух следующих противостояний.

Гроза разразилась шесть лет назад. Когда Марс стал приближаться к противостоянию, Лавелль на Яве привел в движение все телеграфные линии астрономических станций, чтобы сообщить о невероятном взрыве раскаленных газов на Марсе. Это произошло 12 августа, около полуночи. Спектроскоп, к которому он тотчас же обратился,

показал массу горящего газа, преимущественно водорода, который с невероятной быстротой несся от Марса в сторону Земли. Около четверти первого этот огненный поток стал невидим. Лавелль сравнил этот чудовищный огненный столб, внезапно вырвавшийся из недр планеты, с горящим газом, вырывающимся из пушки при выстреле.

Позже это сравнение оказалось удивительно точным. На следующий день в газетах не было никаких сообщений об этом удивительном явлении, исключение составляла маленькая заметка в «Дейли Телеграф». Мир все еще пребывал в неведении о величайшей из опасностей, когда-либо угрожавших человечеству. Может быть, я бы тоже ничего не знал об извержении, если бы не встретился с известным астрономом Огилви в Оттершоу. Он был невероятно взволнован явлениями на Марсе и предложил вместе с ним ночью заняться наблюдениями Красной планеты.

Несмотря на все с тех пор пережитое мной, я ясно помню мельчайшие подробности этого ночного бдения: темное, безмолвное здание обсерватории, затененный фонарь, отбрасывающий слабый свет на пол в углу, непрерывное тиканье часового механизма в телескопе и узкую щель в потолке в виде продолговатой расселины, через которую было видно небо с рассыпанными по нему звездами. Огилви ходил взад и вперед по комнате,

невидимый мне, но вполне отчетливо слышимый. Когда я посмотрел в телескоп, то увидел темно-синий кружок неба и маленькую круглую планету на нем. Она казалась такой крошечной, такой спокойной, на ней слабо обозначались поперечные полосы. Чуть сплюснутая с двух сторон, она отступала от идеально круглой формы. Это была едва заметная крапинка света! Она как будто слегка дрожала, но на самом деле это вибрировал телескоп от работы часового механизма, удерживавшего планету в поле зрения.

Когда я смотрел на планету, мне казалось, что она то увеличивается, то уменьшается, то приближается, то удаляется, хотя это объяснялось просто усталостью моих глаз. Сорок миллионов миль отделяло нас от нее, сорок миллионов миль пустоты. Мало кто может отчетливо представить себе безграничность пространства, в котором носятся пылинки материального мира.

Недалеко от Марса, в поле зрения, виднелись, помнится, три маленькие светлые точки — три звезды, бесконечно далекие, а вокруг них была непроницаемая тьма пустого мирового пространства. Всем известно, какой глубокой представляется эта темнота в морозную звездную ночь. В телескоп она кажется еще глубже. Невидимое мной, невероятно далекое и малое, неслось нечто, посланное нам марсианами,

неутомимо и быстро преодолевая трудно представляемое огромное расстояние, приближалось с каждой минутой, оставив позади многие тысячи миль. Это невероятно далекое и малое несло на Землю борьбу, бедствия и смерть. Тогда я не думал об этом; да и никто на Земле не думал об этом приближающемся к ней и безошибочно направленном метательном снаряде.

В ту ночь на Марсе произошел второй взрыв газа. Я сам наблюдал его: красноватая вспышка на краю диска с едва заметными очертаниями. Это произошло как раз в тот момент, когда хронометр отметил полночь. Я рассказал о ней Огилви, и он занял мое место у телескопа. Ночь была очень жаркая, и мне захотелось пить. Осторожно переставляя ноги, я в темноте на ощупь направился к маленькому столику, на котором стоял сифон. Огилви же, я слышал это, пришел в страшное волнение, увидав волны горящего газа, которые несутся к Земле.

В эту ночь второй невидимый снаряд полетел с Марса на Землю, ровно на двадцать четыре часа, без одной или двух секунд, позже первого. Помню, я сидел у стола, красные и зеленые круги мелькали у меня перед глазами. У меня не было спичек, чтобы закурить папиросу, и это чрезвычайно раздражало. Я совершенно не думал тогда о значении слабой вспышки, которую только что

увидел, как не мог даже представить всего, что она принесет с собой. Огилви продолжал наблюдения до часу ночи, а потом мы зажгли фонарь и направились к нему домой. Внизу, под нами, лежали Оттершоу и Чертси с сотнями мирно спавших людей.

Всю ночь Огилви строил предположения о свойствах Марса и смеялся над мыслью, что на нем могут обитать живые существа, посылающие нам сигналы. По его мнению, на Марсе могло произойти мощное извержение вулкана, или то были метеориты, падающие на планету. Он обратил мое внимание на неправдоподобность предположения, что на двух соседних планетах эволюция органического мира могла пойти одним и тем же путем.

— Миллион шансов против одного, что на Марсе нет человекоподобных существ, — повторял он.

Сотни наблюдателей около полуночи видели огонь на Марсе и в эту ночь, и в следующую ночь, и так десять ночей кряду. Почему после десятой ночи выстрелы прекратились, никто на Земле объяснить не пытался. Возможно, газы, образовавшиеся при выстрелах, были причиной их прекращения. Густые облака дыма или тумана, казавшиеся даже в самый сильный телескоп маленькими серыми движущимися пятнышками, заволочили ясную

атмосферу Марса и скрыли от нас его очертания.

Даже газеты обратили наконец внимание на эти явления. Повсюду появились популярные статьи о вулканах на Марсе. Я помню, что юмористический журнал «Панч» сделал удачное применение этой темы в политических карикатурах. А неведомые для всех снаряды, посланные марсианами, неслись тем временем к Земле через бездну пустого пространства, приближаясь с каждым днем и часом. Теперь мне кажется почти невероятным, как люди могли заниматься своими маленькими делами под занесенным над ними мечом. Помню, как ликовал Маркгэм из-за того, что ему удалось достать новую фотографию Марса для иллюстрированной газеты, которую он собирался издавать. Люди нынешнего поколения не могут даже представить себе того ажиотажа и духа предприимчивости, который царил в газетном мире в XIX столетии. О себе скажу, что в то время я был слишком занят: я делил свое время между ездой на велосипеде и печатанием статей в различных журналах. В этих публикациях я рассматривал вероятные формы развития моральных идей в период прогресса цивилизации.

Однажды вечером (первый снаряд марсиан был всего в десяти миллионах миль от нас), я вышел с женой погулять. Небо было звездное, и я показывал ей знаки зодиака. Я показал также и

Марс, маленькую светящуюся точку, которая подвигалась к зениту и на которую было направлено столько телескопов.

Стояла теплая ночь. Нас обгоняли группы гуляющих из Чертси и Излеворта, с музыкой и пением. В окнах верхних этажей домов горел свет — их обитатели ложились спать. Издали, со станции железной дороги, доносился грохот маневрирующих поездов. Смягченный расстоянием, он казался почти мелодичным. Жена обратила мое внимание на блеск красных, зеленых и желтых сигнальных огней, выделявшихся на темном фоне неба. Все кругом дышало таким покоем, такой безопасностью!..

II. Падающая звезда

Но вот наступила ночь первой падающей звезды. Ее видели рано утром, когда она, описав огненную линию, пронеслась высоко над Винчестером на восток. Сотни людей приняли это за обыкновенную падающую звезду. Альбин, описывая это явление, говорил, что она оставила после себя зеленоватый след, светившийся в течение нескольких секунд. Деннинг, один из величайших авторитетов по метеорологии, определил высоту ее полета в девяносто или сто миль. Он предполагал, что она упала на Землю

приблизительно милях в ста от того места, где он находился в момент наблюдения.

В это время я был дома и работал, запершись в кабинете. Хотя окна его выходили на Оттершоу и шторы были подняты (тогда я любил наблюдать ночное небо), но все же я ничего не заметил. А между тем этот странный предмет — самый странный из всего, что когда-либо попадало из воздушных сфер на Землю, — должен был упасть именно тогда, когда я работал. Наверняка я бы его увидел, если бы поднял глаза, когда он пролетал. Те, кто это видел, утверждали, что полет сопровождался отчетливым свистящим звуком. В Беркшире, Суррее и Миддлсексе многие видели его падение, но подумали, наверно, что это опять упал метеорит. В эту ночь никто не потрудился пойти посмотреть на упавший предмет.

На следующий день Огилви, который видел падающую звезду, поднялся на заре. Он был уверен, что это был метеорит, и надеялся найти его лежащим где-нибудь в полях между Хорселлем, Оттершоу и Уокингем. Так оно и оказалось: он нашел его недалеко от песчаных ям. Кругом были разбросаны, нет, разворочены песок и мелкий гравий, которые образовали большие кучи с крутыми склонами, видимые за полторы мили. К востоку от них горел вереск, и дым тоненькой голубой струйкой поднимался к утреннему небу.

Сам же таинственный предмет лежал глубоко в песке, среди разбросанных обломков и осколков сосны, которую раздробил при падении. Та его часть, которая выступала наружу, имела вид гигантского цилиндра, сплошь покрытого толстой чешуевидной темно-коричневой коркой, совершенно скрывавшей очертания. Величина предмета в диаметре была приблизительно тридцать ярдов. Подойдя ближе, Огилви был крайне поражен величиной предмета и еще больше его формой, ведь метеориты обыкновенно имеют более или менее закругленную форму.

Подойти к метеориту близко было невозможно — он еще не остыл после полета через атмосферу и был очень горяч. Жужжащий звук внутри цилиндра Огилви приписал неравномерному охлаждению поверхности, тогда еще ему не приходило в голову, что цилиндр может быть полым внутри.

Остановившись на краю ямы, вырытой упавшим телом, он в недоумении смотрел на этот странный предмет, не зная, чем объяснить его необыкновенную форму и цвет. Мысль о преднамеренности появления этого метеорита на Земле уже тогда промелькнула в его сознании. Утро стояло удивительно тихое, и солнце, показавшееся над соснами Вейбриджа, грело вполне ощутимо. Тишина была полной: никакого пения птиц, даже

ветерок не шелестел листьями. Единственным звуком, нарушавшим тишину, был слабый шорох внутри горячего цилиндра. На поле не было ни души.

Вдруг Огилви заметил с испугом, что кусок серого шлака странной корки, покрывавшей метеорит, отделился от его закругленной верхушки. Он отпал хлопьями и валился на песок. Но внезапно отвалился огромный кусок и упал на землю с таким резким стуком, что у Огилви замерло сердце.

С минуту он стоял неподвижно, не понимая, что это значит. И, хотя жар, исходивший от метеорита, был еще очень силен, он все же спустился в яму, чтобы рассмотреть предмет поближе. Но даже и тогда он продолжал думать, что странное явление объясняется неравномерным охлаждением цилиндра. Такому объяснению, однако, противоречил тот факт, что корка отпадала только с верхушки цилиндра.

Потом он заметил, что рекомая верхушка цилиндра начала тихонько поворачиваться. Движение это было настолько медленное, что ученый заметил это только потому, что черная черта, которая пять минут тому назад была перед ним, переместилась на другую сторону крышки. Но даже тогда он не окончательно понял, что это означало, пока не услышал глухой, скребущий звук

и не увидел, что черная черта передвинулась еще на дюйм дальше. Тогда его словно осенило что-то. Цилиндр искусственный, полый внутри, с крышкой, которая отвинчивается! Кто-то, сидящий в цилиндре, отвинчивал эту крышку!

— Там человек! — вскричал Огилви. — Их там много! Они наполовину испеклись и стараются вылезть оттуда!

И одним усилием мысли он связал появление метеорита с огненной вспышкой на Марсе.

Ужасно было думать о заключенных там живых существах. Настолько ужасно, так невыносимо, что Огилви, забывая жар, который продолжал исходить от цилиндра, подскочил к нему, чтобы отвинтить крышку, но, к счастью, вовремя спохватился и потому не успел обжечь руки о раскаленный металл. Он остановился в нерешимости на одно мгновение, но затем повернулся, выкарабкался из ямы и со всех ног пустился бежать в Уокинг. Было около шести часов. Встретив на своем пути извозчика, пытался рассказать о том, что видел только что. Однако его рассказ, как и весь вид — он потерял свою шляпу в яме, — показались вознице такими дикими, что он стегнул лошадь и поехал дальше. Такая же неудача посетила Огилви с хозяином квартиры у Хорселлского моста. Тот принял его за сбежавшего сумасшедшего и пытался даже запереть в комнате.

Это немного отрезвило ученого, и, когда на дальнейшем своем пути он увидел журналиста Гендерсона, работавшего в саду, он окликнул его и постарался спокойно описать ему все виденное.

— Гендерсон! — крикнул он. — Вы, должно быть, видели вчера падающую звезду?

— Ну? — откликнулся Гендерсон.

— Она лежит теперь на Хорселлском поле.

— Черт возьми! — крикнул Гендерсон. — Упавший метеорит! Это недурно!

— Но он представляет из себя нечто почище простого метеорита. Это цилиндр! Искусственный цилиндр, дружище! И в нем находятся живые существа.

Гендерсон, с лопатой в руке, немного нагнулся к нему.

— Что-что? — Он был глух на одно ухо.

Огилви описал ему все, что видел. Гендерсон на минуту задумался над этим рассказом, а затем, бросив лопату, схватил свою куртку и вышел на дорогу. Оба вместе бросились бежать на поле и увидели цилиндр все в том же положении. Шум, доносящийся изнутри, однако прекратился, и между крышкой и корпусом цилиндра показалась узкая полоса блестящего металла. Отсюда со слабым тонким шипением входил или выходил воздух.

Минуту они прислушивались, затем

постучали палкой по цилиндру и, не получая ответа, пришли к заключению, что человек или люди, сидящие внутри, потеряли сознание или умерли.

Разумеется, что они оба были не в состоянии что-либо предпринять. Они крикнули несколько слов ободрения и утешения сидящим в цилиндре и отправились в город за помощью.

Можно себе представить, как они выглядели, когда, покрытые пылью и взволнованные, бежали при ярком солнечном свете по улице маленького городка. Бежали именно тогда, когда открываются лавки и проснувшиеся жители смотрят из окон. Гендерсон тотчас же отправился на станцию железной дороги, чтобы сообщить по телеграфу в Лондон сенсационную новость. Газеты уже подготовляли умы к восприятию этого известия.

К восьми часам толпа мальчуганов и прочего праздного люда собралась на поле, чтобы посмотреть на «мертвых людей с Марса». В таком виде распространилось это известие. Я впервые услышал это от своего газетчика, когда вышел на улицу, чтобы купить «Дейли Хроникл». Конечно, я был очень удивлен и, не теряя ни минуты, отправился через Оттершоуский мост к песчаным ямам.

III. На Хорселлском поле

Человек двадцать стояло вокруг ямы, в которой лежал цилиндр. Вид гигантского, зарывшегося в землю тела раньше уже был описан. Кучи земли и песка казались выброшенными взрывом. Без сомнения, тут произошел взрыв, вызванный падением тела. Гендерсона и Огилви не было. Подозреваю, что они оба не знали, что предпринять в данную минуту, и поэтому отправились завтракать к Гендерсону.

Четверо или пятеро мальчишек уже уселись на край ямы и, свесив ноги, забавлялись тем, что бросали камни в гигантский цилиндр, пока я не запретил им этого. Тогда они принялись играть в пятнашки, бегая вокруг собравшихся взрослых.

Тут были два велосипедиста, садовник, иногда работающий у меня, девушка с ребенком на руках, мясник Грегг с маленьким сыном и двое или трое празднующихся бродяг. Разговоров почти не было слышно. Лишь у очень немногих из англичан низшего класса были в то время кое-какие понятия об астрономии. Большинство же из присутствующих молча созерцали большую плоскую крышку цилиндра, который оставался все в том же положении, в каком его оставили Гендерсон и Огилви. Думаю, что многие ожидали увидеть здесь груды обугленных тел, но были

разочарованы видом все того же бездушного колосса. Некоторые ушли, пока я был там, их заменили другие. Я спустился в яму, и мне казалось, что я чувствую под ногами слабое движение.

Только подойдя вплотную к метеориту, я убедился в своеобразности его вида. На первый взгляд в нем не было ничего особенного — не больше, чем в опрокинутом экипаже или свалившемся дереве, перегородившем дорогу. Больше всего он был, пожалуй, похож на ржавую газовую трубу. Требовалась известная степень научной подготовки, чтобы заметить, что покрывавшая его серая корка не являлась обыкновенной окисью, а желтовато-белый металл, блестевший между крышкой и цилиндром, имел какой-то особенный оттенок. Определение «внеземной» было бы для большинства присутствующих пустым звуком.

Уже тогда я был твердо уверен, что этот предмет явился к нам с планеты Марс. Но мне казалось невероятным, что в нем могут находиться живые существа. Движение крышки могло быть автоматическим. Вопреки мнению Огилви, я был уверен, что на Марсе есть живые существа. Полный фантастических предположений, я был всерьез озабочен мыслью, что в метеорите могли быть заключены рукописи, и представлял себе

затруднения, которые должны были возникнуть при их переводе. В нем также могли находиться и образчики монет, медалей и т. д. Но для таких целей метеорит был все же слишком велик. Меня разбирало нетерпение увидеть его содержимое. В одиннадцать часов нового еще ничего не произошло, и я решил вернуться домой в Мейбюри. Но в этот день мне стоило больших усилий углубиться в работу, относящуюся к абстрактным исследованиям.

После полудня вид Хорселлского поля сильно изменился. Вышедшие накануне вечерние газеты напечатали крупными буквами в заголовке: «Послание с Марса. Удивительные вести из Уокинга».

Конечно, это не должно было всполошить весь Лондон, но, кроме того, телеграфное сообщение Огилви на астрономическую станцию подняло на ноги все обсерватории трех королевств.

На дороге около песчаных ям, уже стояло с полдюжины кабриолетов из Уокинга, легкий шарабан из Чобхема, довольно роскошный собственный экипаж и целая армия велосипедов. Несмотря на жару, много народу пришло пешком из Уокинга в Чертси. В общем, собралась порядочная толпа и среди нее я увидел даже несколько нарядных дам.

Солнце нестерпимо жгло, на небе не было ни

облачка, ни дуновения ветерка, только под одиноко стоящими соснами можно было найти немного тени. Горящий вереск наконец потушили, вся равнина до самого Оттершоу почернела, и от нее все еще тянулись вверх струйки дыма. Какой-то предприимчивый купец из Чобхема прислал своего сына с тележкой, нагруженной мочеными яблоками и имбирным пивом.

Когда я подошел к краю ямы, я увидел там человек шесть, в том числе Гендерсона, Огилви и какого-то высокого блондина. Как я потом узнал, это был астроном Стент, член Королевского астрономического общества. Он пришел с несколькими рабочими, вооруженными заступами и кирками. Стент отдавал приказания ясным, громким голосом. Он стоял на цилиндре, теперь уже значительно остывшем. Лицо его покраснелось, пот катил градом. По-видимому, он был чем-то раздражен.

Большая часть цилиндра была уже обнажена, но своим нижним концом он лежал еще глубоко в земле. Как только Огилви увидел меня в толпе зевак, стоявших на краю ямы, он крикнул, чтобы я спускался к ним, и попросил пойти к владельцу соседнего поместья, лорду Хилтону.

— Толпа все время увеличивается, — с досадой заметил он. — Согласитесь, она представляет серьезную помеху земляным работам,

особенно мешают мальчишки. Необходимо обнести яму решеткой, чтобы оттеснить толпу.

Он рассказал, что внутри цилиндра временами раздается слабый шорох, но рабочим не удастся отвинтить крышку, так как она гладкая и не за что ухватиться. Стенки цилиндра, по-видимому, очень толстые, и поэтому весьма возможно, что слабые звуки, доносящиеся до нас, являются отзвуком происходящей внутри кутерьмы.

Я с радостью взялся исполнить поручение. Таким образом, я попал в число привилегированных зрителей внутри предполагаемой ограды. К сожалению, я не застал лорда Хилтона дома, но мне сказали, что его ждут из Лондона с шестичасовым поездом. Было уже четверть шестого, и поэтому я зашел домой выпить чаю, а затем отправился на станцию, чтобы перехватить лорда на пути.

IV. Цилиндр открывается

Когда я вернулся на поле, солнце уже садилось. Группы любопытных спешили из Уокинга, другие возвращались туда. Толпа вокруг ямы увеличилась и выделялась темным пятном на золотистом фоне вечернего неба. Всего тут было человек двести. Слышался гул спорящих голосов и у ямы происходило, по-видимому, что-то вроде

борьбы. Самые необыкновенные догадки мелькали у меня в голове. Когда я подошел ближе, я услышал голос Стента:

— Назад! Назад!

Навстречу мне бежал какой-то мальчишка.

— Он двигается! — закричал он, пробегая мимо. — Он все отвинчивается и отвинчивается. Мне это не нравится. Я лучше пойду домой.

Я подошел к толпе. Собралось, по моим прикидкам, от двухсот до трехсот человек. Все они ужасно толкались, стараясь протиснуться вперед, особенно энергично действовали дамы.

— Он упал в яму! — закричал кто-то.

— Назад! — кричали другие.

Толпа раздалась немного, и я, воспользовавшись этим, пробрался вперед, правда не без помощи локтей. Все были страшно возбуждены. Из ямы доносились какие-то странные жужжащие звуки.

— Прошу вас, — кричал Огилви, — помогите мне оттеснить этих идиотов! Мы еще не знаем, что находится в этой проклятой машине!

Я увидел, как какой-то молодой человек, должно быть, приказчик из Уокинга, стоя на цилиндре, старался выкарабкаться из ямы, куда его, очевидно, столкнули во время давки.

Крышка цилиндра отвинчивалась изнутри. Уже стали видны около двух футов блестящих

витков резьбы. Кто-то нечаянно толкнул меня сзади, и я чуть было не полетел вниз, прямо на цилиндр. Я обернулся, и как раз в этот момент крышка цилиндра отвинтилась и со звоном упала на песок. Я оттолкнул локтем напиравших на меня сзади и обернулся лицом к лежащему колоссу. Блеск заходящего солнца ослепил глаза, а круглое отверстие цилиндра показалось мне на минуту совершенно черным.

Думаю, что каждый из присутствующих ожидал появления человека, пусть и отличающегося от земных людей, но все же человека. Я, по крайней мере, был в этом уверен. Но когда я вгляделся пристальнее, то заметил, что в темноте волнообразными движениями перемещается что-то серое, одно над другим, а потом я увидел два блестящих круга, очевидно глаза. От этой копошащейся кучи отделилось нечто вроде маленькой серой змеи, размером с тросточку. Оно устремилось в мою сторону, за ней следовала такая же другая.

У меня мороз пробежал по коже. Сзади громко вскрикнула какая-то женщина. Полуобернувшись к толпе, но не отводя глаз от цилиндра, из которого высовывались все новые щупальца, я стал протискиваться назад. Я видел, как на лицах людей удивление сменилось ужасом. Кругом раздавались испуганные крики и возгласы.

Разгоралась паника. Я видел, что приказчик из Уокинга еще старался вылезть из ямы. Люди, стоявшие на краях ямы, бросились бежать, и среди них был виден мистер Стент. Я остался один.

Взглянув на цилиндр, я окаменел от ужаса. Ноги словно приросли к земле. Я не мог пошевелиться, но не мог не смотреть.

Огромное, серое, круглое тело, величиной с медведя, медленно и тяжело поднималось из цилиндра. Когда оно вылезло настолько, что на него упал свет, то стало видно, что все это тело блестит, как мокрая кожа. Большие темные глаза пристально смотрели на меня. У него было нечто вроде лица: под глазами я разглядел безгубый рот, края которого непрерывно дрожали и из него текла слюна. Все тело поднималось и опускалось от усиленного вдыхания. Одно щупальце уцепилось за цилиндр, другое болталось в воздухе.

Тот, кто никогда не видал живого марсианина, не может себе представить ужасного безобразия этих существ. Своеобразная форма рта в виде римской цифры V, с заостренным верхним концом, полное отсутствие надбровных дуг, отсутствие подбородка под клинообразным нижним краем рта, непрерывное дрожание рта, змеевидные щупальца, громкое дыхание легких в чуждой атмосфере, бросающаяся в глаза тяжеловесная затрудненность движений — результат большей силы тяжести на

Земле — и главное — упорный взгляд огромных глаз, — все это вызвало во мне чувство, близкое к обмороку. Было что-то грибообразное в этой маслянистой коричневой коже, а в неуклюжей обдуманности медленных движений марсиан лежало что-то невыразимо страшное. Уже с первой встречи, с первого взгляда на них отвращение и ужас наполнили мою душу.

Чудовище вдруг скрылось. Оно перевалилось через край цилиндра и упало в яму с таким стуком, словно большой кожаный мешок ударился о землю. Я услышал странный, глухой крик, и в тот же момент в темном отверстии цилиндра показалось второе такое же существо.

Тут мой столбняк сразу прошел. Я повернулся и бросился бежать, как сумасшедший, к ближайшей группе деревьев, стоявших в ста ярдах. Я бежал зигзагами и спотыкался на каждом шагу, так как все время оглядывался на чудовище.

Там, под молодыми соснами за кустами дрока, я остановился, задыхаясь, и стал выжидать дальнейшего развития событий. Поле вокруг песчаных холмов было усеяно людьми, которые, так же как и я, словно очарованные, в ужасе стояли и смотрели на невиданные существа или, вернее, на кучи камней у края ямы, в которой они копошились. Вдруг я увидел круглый черный предмет, который то поднимался над краем ямы, то

снова исчезал. То была голова злополучного приказчика, который упал в яму, голова, казавшаяся издали маленьким, черным пятном на фоне заката. Но вот показались его плечи и колени, а затем он опять, должно быть, соскользнул. Вскоре исчезла и она, и я услышал как будто слабый крик. Я чуть не поддался импульсу бежать ему на помощь, но страх одержал верх...

Теперь уже ничего не было видно: куча песка, образовавшаяся при падении цилиндра, скрывала от глаз происходившее в яме. Всякий, кому пришлось бы проходить в это время по дороге из Чобхема или Уокинга, был бы поражен необыкновенным зрелищем. Рассеянная толпа народа, человек в сто, стояла неправильным кольцом, прячась в канавах, за кустами и изгородью. Люди между собой не переговаривались, только иногда слышались короткие, возбужденные возгласы. Брошенная владельцем тележка с имбирным пивом вырисовывалась темным силуэтом на алеющем вечернем небе. У песчаных ям стоял ряд опустевших экипажей, лошади которых нетерпеливо взрывали землю копытом.

V. Тепловой луч

С той минуты, когда я увидел марсиан, выползающих из цилиндра, в котором они

прилетели со своей планеты к нам на Землю, какие-то чары сковали мою волю. Я продолжал стоять, как замороженный, по колено в вереске и, не отрываясь, смотрел на песчаные кучи, скрывавшие этих чудовищ. Страх и любопытство боролись в моей душе.

Я не решался вернуться к яме, но в то же время меня терзало страстное желание заглянуть в нее. Поэтому я начал искать какой-нибудь удобный пункт для наблюдений, не спуская, однако, глаз с песчаных куч, за которыми прятались странные пришельцы. Вдруг я увидел, как кверху взметнулся, а затем снова скрылся, тонкий, словно лапа полипа, черный пучок. Затем, точно сустав за суставом, вытянулся тонкий столб, на конце которого непрерывно вращался круглый диск. Что это такое? Что там происходит?

Оставшиеся зеваки разделились на две группы. Одна, поменьше, стояла со стороны Уокинга, другая, побольше, — со стороны Чобхема. Очевидно, все люди переживали такую же душевную борьбу, как и я.

Несколько человек стояло неподалеку от меня. В одном из них я узнал соседа, хотя имя его было мне неизвестно. Я подошел и заговорил с ним. Но момент был совсем неподходящий для разумной беседы.

— Что за ужасные гады! — сказал он. И

повторил эти слова несколько раз подряд.

— Видели вы человека в яме? — спросил я его.

Но он ничего не ответил. Мы долго молча стояли друг около друга и испытывали, казалось, некоторое облегчение оттого, что не одиноки. Затем я перешел на другое место — оно было на несколько футов выше и удобнее для наблюдений, а когда оглянулся, увидел, что мой сосед пошел в сторону Уокинга.

Закат сменился постепенно сгущающимися сумерками, не принеся с собой изменений. Вдали, налево от Уокинга, толпа как будто прибывала, и оттуда доносился неясный гул голосов. Кучка же людей со стороны Чобхема совершенно рассеялась. Вблизи ямы, где лежал цилиндр, не было заметно никаких признаков жизни.

Это ободряюще подействовало на толпу — возможно также, что новые зрители, подходившие из Уокинга, способствовали подъему настроения. Во всяком случае, с наступлением темноты возобновилось медленное непрерывное движение ближе к песчаным ямам, которое все разрасталось. К тому же около ямы, где лежал цилиндр, продолжала царить тишина, и это придавало людям храбрости. Группы в два-три человека отваживались идти вперед, останавливались, пристально всматривались и продвигались еще

ближе. Редким неправильным полукругом растянулись люди около ямы. Я тоже начал медленно подходить к ней.

Несколько кучеров и других каких-то людей отважились даже спуститься в песчаные ямы. Я услышал стук колес и конских копыт. Мальчишка тащил обратно свою тележку с яблоками. А ярдах в тридцати от ямы, со стороны Хорселла, показалась темная кучка людей, несущих белый флаг.

Это была депутация. Как оказалось потом, в Хорселле состоялось очень оживленное совещание. Так как марсиане, несмотря на свою отталкивающую наружность, оказались, по-видимому, существами разумными, то решено было отправить к ним депутацию и как-нибудь, при помощи сигналов, дать им понять, что мы такие же разумные существа, как и они.

Белый флаг развевался во все стороны. Я стоял слишком далеко, чтобы различить лица идущих, но потом я узнал, что в числе участников этой попытки завязать сношения с марсианами были также Огилви, Стент и Гендерсон. Эта маленькая группа людей вступила внутрь теперь уже почти сомкнувшегося круга. За нею, на почтительном расстоянии, следовало несколько темных фигур.

Вдруг вспыхнул яркий свет, и туча светящегося зеленоватого дыма потянулась вверх

из ямы тремя ясно видимыми клубами. Столбы дыма, один за другим, поднимались вверх в тихом, безветренном воздухе, прямые, как свечи.

Этот дым — назвать его пламенем было бы, пожалуй вернее, — светился так ярко, что темно-синее небо и все пространство коричневого поля до нас и до самого Чертси с разбросанными на нем черными соснами, погрузилось во мрак. Когда же дым рассеялся, то стало еще темнее. Одновременно стал слышен слабый свистящий звук.

По другую сторону ямы остановилась депутация с белым флагом, пораженная этим явлением; крошечная, я бы сказал, ничтожная кучка черных фигур на черной земле! Их лица, освещаемые вспышками зеленого дыма, казались зеленовато-бледными, как у мертвецов.

Шипящий звук постепенно перешел в жужжание и, наконец, в громкое, протяжное гуденье. Из ямы медленно поднялась бесформенная фигура, и казалось, что из нее брызнул маленький световой луч.

Вдруг по разбросанной человеческой толпе пробежали искры настоящего пламени, перескакивая от одного к другому. Казалось, что в них ударили невидимой струей света, который сейчас же превратился в белое пламя. Будто каждый, в кого попадала такая струя, мгновенно

загорался.

И при свете этого пламени, приносившего им гибель, я видел, как они метались и падали, и как те, кто следовал за ними, обращались в бегство.

Я стоял ошеломленный всем виденным, не понимая еще, что в той далекой группе людей носится смерть, выхватывая одного за другим. Я чувствовал только, что там происходит что-то особенное. Одна, почти неслышная, ослепительная вспышка света — и человек падал безжизненной грудой на землю, а над его головой невидимая огненная струя проносилась дальше — зажигая сосны, кусты дрока и превращая все на своем пути в огненный костер. Я видел, как вдали, под Нэп-Хиллом, загорелись вдруг ярким пламенем деревянные постройки, изгороди и деревья.

Быстро и неуклонно носилась кругом огненная смерть, все поражая своим невидимым, неумолимым мечом. По пылающим кустам я догадался, что она подходит ко мне; но я был так ошеломлен и удивлен, что не мог двинуться. Я слышал треск огня в песчаных ямах и внезапное ржание лошади, которое тотчас же затихло. Казалось, что между мной и марсианами чья-то невидимая, раскаленная рука провела по полю огненную линию; повсюду вокруг песчаных ям темная земля задымилась и затрещала. Вдали, почти под Уокингом, где дорога со станции

выходит в поле, что-то рухнуло со страшным треском. Тотчас же прекратилось гудение, и черный, куполообразный предмет медленно опустился в яму и скрылся из глаз.

Все это произошло так быстро, что я стоял оглушенный и ослепленный, не будучи в состоянии двинуться с места. Если бы огненная смерть описала полный круг, то я бы погиб безвозвратно. Но она прошла мимо и пощадила меня, оставив во власти темной, жуткой ночи.

Холмистое поле казалось теперь почти черным, и только местами, под темно-синим небом, чуть-чуть серели полосы дорог. Было темно и совершенно безлюдно. Вверху над моей головой постепенно загорались звезды, а на западной стороне неба все еще виднелась мерцающая, бледно-зеленая полоса, на которой резкими, темными контурами выделялись верхушки сосен и крыши домов Хорселла. Марсиане и их приспособления оставались совершенно невидимыми, только высокий шест, на верхушке которого вертелся неутомимый диск, продолжал стоять. Отдельные кусты и одиноко стоящие деревья все еще горели и дымились, да в стороне Уокинга, у станции, от домов поднимались огненные столбы дыма, расплываясь в тихом ночном воздухе.

Ничто не изменилось. Если бы только не это

чувство ужасного, подавляющего изумления! Маленькая горсточка черных фигурок с белым флагом была вычеркнута из жизни, а мирная тишина вечера как будто и не нарушалась.

Я вспомнил, что остался один в этом мрачном поле, беззащитный, беспомощный. И внезапно, словно что-то пришедшее ко мне извне, на меня напал страх. С усилием я повернулся и, спотыкаясь о вереск, побежал прочь.

Страх, обуявший меня, был не сознательным страхом, а паническим ужасом не только перед марсианами, но и перед окружавшими меня мраком и тишиной. Подавленный этим ужасом, я бежал и тихо плакал, как дитя. Теперь, когда я отвернулся, я уже не решался оглянуться назад.

Помню, что я испытывал тогда странную уверенность, что со мной кто-то играет и что, как только я буду в пределах безопасности, эта таинственная смерть — быстрая, как свет — выскочит из ямы, где лежит цилиндр, настигнет меня и убьет...

VI. Тепловой луч на Чобхемской дороге

Все еще остается загадкой, каким образом могли марсиане так быстро и бесшумно убивать людей. Многие придерживаются того мнения, что они доводят до очень высокого градуса

температуру в запертой камере, абсолютно не проводящей тепла. Этот накопленный запас теплоты они направляют посредством параллельных лучей на любой намеченный ими предмет, с помощью отполированного параболического зеркала, подобно тому световому лучу, который распространяется параболическим зеркалом на маяках. Но никто еще не мог доказать верность всех этих предположений. Как бы то ни было, одно было несомненно — что суть дела была в тепловом луче. Тепловая энергия, и притом невидимая, вместо видимой световой. Все воспламеняющееся горит при одном прикосновении этого луча. Свинец превращается в жидкость, железо становится мягким, стекло ломается и плавится; а когда такой луч попадает в воду, он превращает ее в пар.

В ту ночь вокруг ямы лежало примерно сорок трупов, обугленных и обезображенных до неузнаваемости. Всю ночь на поле между Хорселлом и Мейбургом бушевал огонь, и туда не показывалась ни одна живая душа. Постепенно огонь затих.

Весть о разыгравшейся трагедии облетела почти одновременно Чобхем, Уокинг и Оттершоу. В Уокинге, когда произошло несчастье, магазины были уже закрыты и толпы празднующихся, лавочников и прочих, взволнованные рассказами о

событиях, торопились через Хорселлский мост, вдоль дороги, ведущей в поле. Можно себе представить, с каким удовольствием молодежь собиралась после работы для совместных прогулок, пользуясь новостью дня, как и всяким иным предлогом в любой иной день.

Правда, очень немногие знали в Уокинге об открытии цилиндра, хотя бедняга Гендерсон послал на почту велосипедиста со срочной телеграммой для вечернего выпуска газеты. Когда вся эта масса гуляющих, группами в два-три человека, добралась до поля, они увидели там маленькие кучки людей, возбужденно разговаривающих и глазеющих на вертящееся зеркало над песчаной ямой. Само собою разумеется, что это волнение вскоре передалось и новоприбывшим. В половине девятого, когда погибла депутация, на улице собралось около трехсот человек, а может быть и больше, исключая тех, которые отделились, чтобы подойти ближе к марсианам. В одной из групп я увидел также троих полисменов, а один из них был верхом.

Следуя предписаниям Стента, они добросовестно старались оттеснить толпу и не допустить ее близко к цилиндру. По их адресу раздавались насмешливые выкрики и даже свистки, исходившие от тех излишне впечатлительных и сумасбродных людей, всегда готовых поскандалить. Когда марсиане вылезли из

цилиндра, Стент и Огилви, предвидя возможность столкновения, тотчас же отправили из Хорселла телеграмму в казармы, с просьбой прислать отряд солдат, дабы оградить чужеземцев от насилия. После этого они вернулись, чтобы участвовать в злополучной депутации. Картина их гибели в описании других очевидцев вполне совпала с тем, чему я сам был свидетелем: три столба зеленоватого дыма, громкое гудение и вспыхивающие искры огня.

Но вся эта толпа избежала опасности гораздо более серьезной, чем я. Их спасло только то обстоятельство, что нижняя часть теплового луча наткнулась на преграду в виде песчаного бугра. Если бы шест с параболическим зеркалом был только на несколько ярдов выше, из толпы не спаслось бы ни единого человека. Они видели вспышки огня, наблюдали, как падали люди, как невидимая рука зажигала кустарники и деревья. Потом, со свистящим звуком, заглушившим гуденье в яме, страшный луч скользнул над их головами, зажег вершины буковых деревьев, которые окаймляли улицу, раздробил кирпичи, разбил окна, зажег оконные рамы и разрушил часть крыши в угловом доме.

При этой неожиданной вспышке и ослепительном зареве горящих деревьев толпа замешкалась в нерешимости.

Искры, горящие сучья и листья падали на улицу. На людях стали загораться платья и шляпы. С поля доносились испуганные крики. Крики и вопли сливались в оглушительный гул. Конный полисмен, схватившись руками за голову, проскакал среди взбудораженной толпы, громко крича.

— Они идут! — завопила какая-то женщина, и мгновенно вся толпа повернула назад. Передние расталкивали задних, чтобы очистить дорогу к Уокингу. Толпа неслась по дороге, словно испуганное стадо овец. Там, где дорога сужается между высокими холмами, толпа остановилась, и началась давка. Не все могли спастись: две женщины и один маленький мальчик были задавлены, и их бросили умирать во мраке страшной ночи.

VII. Как я добрался домой

Отдельные подробности моего бегства с поля стерлись в моей памяти. Помню только, как я натыкался на деревья и путался ногами в вереске. Все вокруг меня, казалось мне, было полно невидимой опасности, исходившей от марсиан. Мне чудилось, что над моей головой все еще носится тот безжалостный огненный меч и что вот-вот он опустится надо мной и убьет меня. Я достиг улицы,

ведущей к Хорселлу, и побежал по ней к перекрестку.

Вдруг я почувствовал, что дальше идти не могу — так я был измучен пережитыми волнениями и бегством. Я зашатался и упал. Это случилось недалеко от моста, в том месте, где у газового завода он пересекает канал. Здесь я упал и остался лежать. Должно быть, я пролежал тут какое-то время.

Наконец я очнулся и сел, недоумевая, как же попал сюда. Мой страх пропал. Я потерял шляпу, а мой воротничок соскочил с запонки. Всего несколько минут назад для меня существовали только три реальные вещи: беспредельность ночи, пространства и природы, мое собственное ничтожество и страх и близость смерти. Теперь же как будто все изменилось и во мне, и вокруг меня. Я бы не мог определить, произошел у меня переход от одного душевного состояния к другому. Я сразу стал самим собой, обыкновенным, скромным гражданином. Безмолвное поле, мое бегство, ужасные вспышки огня — все это казалось мне сном, и я спрашивал, действительно ли все это было? Сам я не мог поверить этому.

Я встал и неверными шагами стал подниматься по крутому мосту. В моей душе царило лишь недоумение. Мои мускулы и нервы, казалось, потеряли всю эластичность, я шатался, как пьяный.

Над высокой дугой моста показалась сначала голова, а потом фигура рабочего, несшего корзину. Рядом с ним бежал маленький мальчик. Проходя мимо меня, он пожелал мне «доброй ночи». Я хотел заговорить с ним — и не мог. На его приветствие я ответил каким-то бессмысленным бормотанием и пошел дальше.

По Мейбургскому виадуксу пронесся поезд, сверкнув на мгновение длинной вереницей освещенных окон и оставив за собой волнующиеся полосы белого огненного дыма. Треск, грохот и звон — и поезд исчез в ночной мгле. Небольшая кучка людей болтала в воротах одного из хорошеньких домов, ряды которых образуют так называемую «Восточную террасу». Все это было знакомой, милой действительностью. А то, другое, что лежало у меня за спиной там, на поле, было безумным бредом и фантазией!

Таких вещей, говорил я себе, не может быть!

Возможно, что я человек исключительных настроений. Не знаю, все ли испытывают то же, что я. Бывают дни, когда я чувствую странную оторванность от всего мира и от себя самого. Мне кажется тогда, что я наблюдаю все окружающее откуда-то извне, из бесконечного далека, вне времени, вне пространства, по ту сторону горя и трагедии жизни. В описываемую страшную ночь это чувство было особенно сильно во мне. То была

другая часть моего сна.

Но в то же время меня смущало явное противоречие такой ясности духа с ужасными картинами, которые я видел там, где витала молниеносная смерть, — на расстоянии двух миль от меня. На газовом заводе кипела работа, и все электрические лампы были зажжены. Я остановился около болтающей группы людей.

— Что нового на поле? — спросил я.

Двое мужчин и одна женщина стояли у ворот.

— Что? — отозвался один из мужчин, обернувшись ко мне.

— Я спрашиваю, что нового на поле? — повторил я.

— А разве вы не оттуда? — в один голос спросили мужчины.

— Люди, кажется, совсем помешались из-за этого поля, — заметила женщина. — Что там собственно произошло?

— Разве вы ничего не слышали о марсианах? — спросил я. — Про людей с планеты Марс?

— Более чем достаточно, — сказала женщина. — Спасибо!

И все трое засмеялись.

Я чувствовал себя сконфуженным. Я попытался рассказать им то, что видел, и не мог. Они все время смеялись над моей бессвязной

речью.

— Вы еще услышите об этом, — сказал я и пошел домой.

Жена же немало испугалась, увидев мое осунувшееся лицо.

Я прошел в столовую, сел и выпил немного вина. Когда пришел в себя, я смог рассказать ей то, что видел. Обед, успевший полностью остыть, во время моего рассказа так и остался нетронутым.

— В одном я могу тебя успокоить, — сказал я, видя ее волнение, возбужденное моим рассказом: — это самые неповоротливые существа, которых я когда-либо видел. Они могут завладеть ямой и убивать всех людей, которые подойдут к ним близко, но вылезть из нее они не смогут... Но какие они ужасные!

— Не говори, милый! — сказала жена, сморщив брови, она положила свою руку на мою.

— Бедный Огилви, — проговорил я. — Подумать только, что, может быть, он лежит там мертвый...

Моя жена, по крайней мере, не нашла мой рассказ неправдоподобным. Но, заметив, как она побледнела, я взял себя в руки и прекратил описывать все увиденные мною ужасы.

— Они могут прийти и сюда, — повторила она несколько раз.

Я заставил ее выпить вина и постарался

успокоить.

— Они еле двигаются, — сказал я.

Чтобы ободрить себя и ее, я начал повторять все, что говорил мне Огилви о невозможности длительного пребывания марсиан на Земле. Особенное значение я придавал вопросу о силе притяжения. На поверхности Земли сила притяжения и три раза больше, чем на Марсе. Поэтому марсианин весит на Земле втрое больше, чем на Марсе, тогда как его мускульная сила остается такой же, как была. Таким образом, ему будет не под силу носить свое собственное тело. На самом деле это было общее мнение. И «Таймс» и «Дейли Телеграф», вышедшие на другой день, утверждали то же самое — но обе газеты, как и я, совершенно упустили из виду два фактора, менявшие дело.

Как известно, атмосфера Земли содержит гораздо больше кислорода и гораздо меньше аргона, чем атмосфера Марса. Возбуждающее действие избытка кислорода на марсиан, бесспорно, является противовесом увеличению веса их тела. А во-вторых, все мы проглядели тот факт, что с такими механическими приспособлениями, какими обладали марсиане, они могут, в случае нужды, обойтись и без применения мышечной силы.

Тогда я не принял во внимание этих соображений, и поэтому моя аргументация немного

хромала. Подкрепившись пищей и вином, окруженный привычной домашней обстановкой и поддерживаемый сознанием необходимости успокоить жену, я и сам мало-помалу стал спокойнее.

— Они сделали большую глупость, — сказал я, отпивая вино из стакана. — Они опасны только потому, что сами обезумели от страха. Может быть, они не ожидали встретить здесь живых существ. Во всяком случае всегда можно бросить бомбу в яму: она их всех убьет.

Странное возбуждение после пережитых волнений, без сомнения, сильно обострило во мне силу восприимчивости. Я до сих пор необыкновенно живо помню наш обед. Милое, встревоженное лицо жены, выглядывавшее на меня из-под шелкового розового абажура лампы, белая скатерть, уставленная серебряной и хрустальной посудой (в те дни даже писатели-философы позволяли себе такую маленькую роскошь), пурпурно-красное вино в стакане — все это запечатлелось с фотографической точностью в моем мозгу. В конце стола сидел я сам, щелкал орехи, потягивал сигару, сожалел о неосторожности Огилви и осуждал близорукую трусость марсиан.

Так, вероятно, рассуждал, сидя в своем гнезде, какой-нибудь почтенный додо на острове Маврикия, когда туда высадилась горсточка

безжалостных матросов в погоне за животной пищей.

— Завтра мы заключаем их до смерти, моя милая! — говорил я.

Я не знал тогда, что это был мой последний обед в культурной обстановке, перед началом целого ряда необычайных и даже ужасных дней.

VIII. В ночь на субботу

Из всех странных и удивительных вещей, которые произошли в эту пятницу, самой странной была для меня несовместимость повседневного хода жизни с первыми признаками начала целого ряда событий, которые должны были перевернуть вверх дном весь социальный строй этой жизни.

Если бы кто-нибудь в пятницу ночью, вооружившись циркулем, провел мысленно круг с радиусом в пять миль вокруг песчаных ям Уокинга, то уверен, что вне этого круга не нашел бы ни одного человека, за исключением лишь родственников Стента, двух или трех велосипедистов да лондонцев, лежавших мертвыми на поле, чьи привычки и чье настроение были нарушены пришельцами с Марса. Многие, конечно, слышали о цилиндре и в свободные часы, может быть, даже беседовали об этом, но несомненно, что это событие не вызвало такой сенсации, какую

вызвал бы, например, наш ультиматум Германии.

В Лондоне телеграмма бедняги Гендерсона с описанием снаряда и его постепенного отвинчивания была принята за газетную утку, и редактор вечернего листка запросил по телеграфу Гендерсона о подтверждении. Но так как ответа не получил — Гендерсон к этому времени уже погиб, — то редакция решила не выпускать дополнительного номера с этим известием. Даже в пределах упомянутого воображаемого пятимильного круга большинство людей оставались равнодушными. Отношение женщин и мужчин к моему рассказу о событиях я уже описывал. Люди обедали и ужинали, как всегда; рабочие, закончив день на фабрике, копались у себя в саду, детей укладывали спать в обычный час, молодежь и влюбленные парочки гуляли по улицам, а ученые сидели за своими книгами.

Да, возможно, на улицах было больше оживления, вероятно, в кабаках и трактирах явилась новая тема для разговоров, там и сям появлялись очевидцы последних событий и вызывали своим рассказом крики и испуганные возгласы. Но в общем жизнь продолжала идти своим обычным, повседневным ходом, люди продолжали работать, есть, пить и спать, как раньше — как будто никакой планеты Марс и не существовало. То же самое было на станциях железных дорог в Уокинге, Хорселле и

Чобхеме.

На узловом пункте в Уокинге поезда приходили, отходили и передвигались на запасной путь, пассажиры выходили и ждали на вокзале — словом, все шло своим заведенным порядком. Мальчишка-газетчик из города продавал, невзирая на монополию мистера Смитса, листки с последними известиями, и его выкрики «люди с Марса» смешивались со звоном и грохотом багажных тележек и резкими свистками паровозов. В девять часов на станцию прибежали несколько человек с невероятными рассказами о событиях на поле, но их появление так же мало нарушило общий порядок, как появление пьяных. Пассажиры, которые ехали в Лондон и выглядывали в темноту из окон вагона, видели странные, вспыхивающие, то появляющиеся, то снова исчезающие, искорки света со стороны Хорселла, видели красное пламя, с тянувшейся от него к звездам тонкой завесой дыма, и думали, что это горит вереск. Только на повороте, огибающем поле, можно было заметить, что случилось что-то неладное. На границе Уокинга горело с полдюжины дач. Во всех трех деревнях, в домах, обращенных окнами в поле, горел свет — их обитатели не ложились спать до зари.

На Чобхемском и Хорселлском мостах всю ночь толпились любопытные. Люди приходили и уходили, но толпа не убывала. Некоторые

смельчаки, как оказалось потом, решили прокрасться в темноте до самой ямы, где сидели марсиане. Эти смельчаки больше не вернулись никогда: световой луч, словно прожектор военного судна, от времени до времени пробегал по полю, а непосредственно за ним следовал и тепловой луч. За исключением этого, широкая равнина казалась пустой и безмолвной, а обуглившиеся трупы пролежали на земле всю ночь и весь следующий день. Только из ямы доносился какой-то шум, словно стук молотков, и стук этот слышали многие.

Таково было положение вещей в пятницу ночью. В центре этих событий находился цилиндр, который торчал, как отравленная стрела в теле нашей старой планеты. Но действие яда еще только начиналось. По полосе безмолвного поля, местами дымившегося, были разбросаны темные неясные фигуры в неестественных позах. Там и сям горели дерево или куст. Кое-где среди живых людей царило волнение, но за пределы этого круга оно еще не распространялось. Во всем же остальном мире жизнь текла по-прежнему. Лихорадка войны, которая должна была заморозить кровь в жилах, иссушить нервы и расстроить мозг, была еще впереди.

Всю ночь стучали марсиане, подготавливая свои машины, и к звездному небу то и дело взвивались столбы зеленовато-белого дыма.

Около одиннадцати часов через Хорселл прошла рота солдат и выстроилась на краю поля, образуя кордон. Позднее через Чобхем прошла вторая рота и оцепила поле с северной стороны. Несколько офицеров из Инкерманских казарм были на поле еще рано утром, а один из них, майор Иден, так в казармы и не вернулся. Командир около полуночи подъезжал к Чобхемскому мосту и подробно расспрашивал собравшуюся там толпу. Без сомнения, военные власти прекрасно понимали серьезность положения.

На следующее утро газеты сообщили, что из Олдершота были отправлены на место происшествия эскадрон гусар, два пулемета и до четырехсот человек Кардиганского полка.

Через несколько секунд после полуночи толпа, стоявшая на дороге из Уокинга в Чертси, видела звезду, которая упала с северо-западной стороны в сосновый лес. Полет ее сопровождался зеленоватым светом, похожим на сверкание молнии.

То был второй цилиндр.

IX. Война начинается

Суббота осталась в моей памяти временем томительного ожидания. Это был жаркий, душный день, отмеченный, как мне передавали, резкими колебаниями барометра. Я спал очень плохо и встал рано. Перед завтраком я вышел в сад и постоял там, прислушиваясь. Но со стороны поля не было заметно никакого движения, и только жаворонок кружился в воздухе.

Наш молочник явился в обыкновенное время.

Услышав стук его тележки, я подошел к калитке, чтобы расспросить его о новостях. Он рассказал, что ночью поле, где мы повстречали марсиан, окружили войсками и что теперь ожидают прибытия пушек. Тут я услышал знакомые успокоительные звуки: к Уокингу подходил поезд.

— Их не хотят убивать, — сказал молочник, — если только удастся обойтись без этого.

Я увидел соседа, работавшего в своем саду. Мы поболтали немного, а потом я пошел завтракать. Утро начиналось как всегда. Мой сосед придерживался мнения, что войскам удастся в течение дня захватить марсиан или их уничтожить.

— Очень жалко, — сказал он, — что марсиане держат себя так недоступно. Было бы интересно услышать, как они живут на других планетах... Мы

могли бы узнать это от них.

Он подошел к решетке и протянул мне горсть земляники, так как он был не только страстный садовод, но и щедрый хозяин. Одновременно он рассказал, что влево от Байфлита горит сосновый лес.

— Говорят, — продолжал он, — что упала вторая такая же штука. Но и одной было бы совершенно достаточно! Такое удовольствие будет стоить хорошенькой суммы денег нашим страховым обществам, пока все кончится. — И он засмеялся с видом невозмутимого добродушия. — Лес и теперь еще горит, — продолжал он, указывая рукой на видневшуюся вдали полосу дыма. — Почва долгое время будет горяча под ногами: ее покроет толстый слой тлеющих сосновых игл. — Затем он сделался серьезным и заговорил об Огилви.

После завтрака я отложил свою работу и решил идти на поле. Под железнодорожным мостом я встретил группу солдат — саперов, думается, — в маленьких круглых кепи и грязных расстегнутых красных куртках, выставявших синие рубахи, в черных брюках и сапогах, которые доходили только до икр. Они сказали, что через мост никого не пропускают, и, действительно, взглянув туда, я увидел, что уже выставлен часовой, солдат Кардиганского полка. Я поговорил с этим солдатом некоторое время и рассказал им о своей встрече с

марсианами прошлым вечером. Никто из них не видел марсиан, и они имели о них весьма неясное представление, поэтому засыпали меня вопросами. Оказывается, они не знали, кто распорядился послать войска, но полагали, что дело тут не обошлось без пререканий власть предержащих. Рядовой сапер гораздо развитее простого солдата — они не без знания дела обсуждали условия предстоящей борьбы. Я описал им действие теплового луча, после чего каждый из них стал высказывать свое мнение, как следует повести атаку на марсиан.

— Нужно подкрасться к ним под прикрытием и затем кинуться на них, говорю я, — сказал один.

— Брось! — вмешался другой, — при такой жаре прикрытия не защитит тебя. Разве только тебя легче будет зажарить! Нет, нам нужно подойти как можно ближе и затем вырыть траншею.

— К черту твои траншеи! Ты только и знаешь, что траншеи. Тебе бы кроликом родиться, Снippi.

— Неужели у них совсем нет шеи? — неожиданно обратился ко мне третий, маленький, черный человечек с глубокомысленным видом, с трубкой в зубах.

Я повторил мое описание.

— Осьминоги, стало быть, — проговорил он, — значит, теперь нам придется сражаться с рыбами.

— Замечательно, не будет никакого греха убивать таких гадов, — заметил первый из собеседников.

— Почему не расстрелять их и сразу не покончить со всем этим? — предложил маленький черный человек. — Ведь никто не знает, какие еще каверзы они нам готовят!

— А где же твои бомбы? — насмешливо заметил первый. — Нынче об этом думать уже поздно. Нужно произвести атаку, вот мой план, и сделать это не откладывая!

Они еще долго беседовали в том же духе. Через некоторое время я расстался с ними и отправился на вокзал, чтобы закупить как можно больше утренних газет.

Я не стану утомлять читателя описанием длинного утра и не менее длинного дня. Мне так и не удалось бросить хотя бы один взгляд на поле, так как даже церковные колокольни в Хорселле и Чобхеме были заняты войсками. Солдаты, к которым я обращался с расспросами, ничего не знали. Офицеры вид имели чрезвычайно таинственный и озабоченный. Городские жители чувствовали себя, как я видел, в большей безопасности под охраною военной силы. Тогда я впервые услышал от Маршалла, хозяина табачной лавки, что его сын был среди убитых на поле. Солдаты принудили обитателей предместий

Хорселла запереть свои дома и покинуть их.

Около двух часов дня я вернулся домой прямо к столу, хотя и чрезвычайно устал. Как я уже говорил, день был очень жаркий, и, чтобы освежиться, я принял холодную ванну. Приблизительно около половины пятого я снова отправился на вокзал, чтобы купить вечерний выпуск газеты, так как утренние газеты содержали весьма неточное описание смерти Стента, Огилви, Гендерсона и других. Кроме того, в них не было ничего такого, чего бы я уже не знал.

Марсиан не было видно. Они засели в своей яме и были, по-видимому, очень заняты: стук, схожий со стуком молотков, не прекращался, и над ямой непрерывно поднимались столбы дыма. Было ясно, что они готовятся к борьбе. «Были сделаны новые попытки достигнуть соглашения при помощи сигналов, но безуспешно», — гласили стереотипные заголовки газет. Один из саперов рассказывал мне, что на этот раз пробовали сигнализировать из канавы, высовывая длинный шест с флагом, но марсиане обратили на это столько же внимания, как мы на мычание коровы.

Я должен сознаться, что вид военных приготовлений до крайности возбудил меня. Фантазия моя разыгралась: в своем воображении я поражал врагов тысячами способов. Во мне снова проснулись мои школьные грезы о битвах, о героях.

Но на этот раз бой был неравным. Таким беспомощным казался мне неприятель в своей яме.

В три часа со стороны Чертси или Оддлстоуна через правильные промежутки мы услышали первые пушечные выстрелы. Оказалось, что это обстреливали горевший сосновый лес, куда упал второй цилиндр, в надежде уничтожить его прежде, чем он откроется. В Чобхем только к пяти часам прибыла полевая пушка, предназначенная для военных действий против первой группы марсиан.

В шесть часов вечера, когда мы с женой в беседке за чаем горячо обсуждали предстоящую битву, я вдруг услышал со стороны поля приглушенные раскаты выстрелов, а сразу за ними началась стрельба. Потом раздался такой оглушительный треск, что дрогнула земля. Выскочив на лужайку, я увидел, что верхушки деревьев около Восточного колледжа пылают ярким пламенем, а колокольня соседней маленькой церкви обрушилась. Купол церкви исчез, а крыша колледжа имела такой вид, как будто ее обстреливали из пушек снарядами в сто тонн. В нашем доме разлетелась труба как от удара бомбы, кирпичи с грохотом посыпались на крышу. На цветочной гряде перед окном моего кабинета уже высилась целая груда красных обломков.

Мы с женой остановились, как вкопанные. Затем я наконец сообразил, что теперь, когда

колледж почти разрушен, гребень Мейберри-Хилла попадал в круг действия теплового луча марсиан.

Я схватил жену под руку и, не раздумывая больше, выбежал с ней на улицу. Затем побежал за служанкой, обещая ей снести ее сундук, с которым она не хотела расставаться.

— Мы ни в каком случае не можем оставаться здесь, — сказал я. Но не успел я договорить, как пальба на поле возобновилась.

— Куда же мы отправимся? — спросила моя жена в ужасе.

Я молча начал соображать, и вдруг я вспомнил об ее родственниках в Лезерхэде.

— В Лезерхэд! — крикнул я, стараясь перекричать грохот выстрелов.

Она отвернулась и смотрела вниз вдоль улицы. Испуганные люди выбегали из домов.

— Как же мы доберемся до Лизерхеда? — спросила она.

У подножья холма я увидел группу гусаров, проскакавших под железнодорожным мостом. Трое въехали в открытые ворота Восточного колледжа, двое других — спешили и побежали по дороге, заходя в каждый дом.

Солнце светило сквозь дым, подымавшийся от верхушек горящих деревьев, и казалось кроваво-красным диском, бросая на все окружающее какой-то непривычный тусклый свет.

— Подожди меня здесь, — сказал я жене, — здесь ты в безопасности.

Сам же, не теряя времени, побежал в трактир «Пятнистая Собака», хозяин которого, как я знал, имел лошадь и шарабан. Я бежал изо всех сил, так как был уверен, что в короткое время по эту сторону холма соберется все население. Я нашел хозяина трактира, стоящего за буфетом в полном неведении, что уже происходило за его домом. Какой-то человек, который стоял спиной ко мне, разговаривал с ним.

— Вы мне должны заплатить один фунт, — сказал хозяин. — Но я не могу вам дать кучера.

— Я вам дам два фунта, — крикнул я через плечо незнакомца.

— За что?

— И к двенадцати часам ночи я вам доставлю обратно ваш шарабан, — прибавил я.

— Почему такая спешка, сэр? — возразил хозяин. — Я продаю свою часть свиньи. Вы даете два фунта и беретесь доставить мне ее обратно. Что же еще случилось?

Я наскоро объяснил ему, что мне нужен шарабан, потому что я уезжаю. В ту минуту меня совершенно не смущала необходимость отъезда для него самого. Я дождался, чтобы шарабан заложили, проехал в нем вдоль улицы и оставил его на попечение моей жены и служанки. Затем побежал

обратно в дом, собрал некоторые ценные вещи, серебро и прочее и захватил их с собой. Тем временем загорелась буковая роща, стоявшая чуть ниже нашего дома, и садовые решетки вдоль дороги. Пока я еще укладывался, появился один из гусар. Он ходил из дома в дом, предупреждая жильцов, чтобы они уезжали. Он уже убежал, когда я вышел из дверей дома, нагруженный своими сокровищами, завязанными в скатерть.

Я закричал ему вслед:

— Что нового?

Он обернулся, посмотрел на меня и проворчал мне что-то о «ползании в какой-то штуке, вроде крышки от блюда». Затем он побежал дальше через ворота дома, стоявшего на верхушке гребня. Я бросился к дому соседа и, постучавшись в дверь, удостоверился в том, в чем уже был уверен: и сам он, и его жена уехали в Лондон и заперли дом. Верный своему обещанию, я снова вернулся в дом за сундуком прислуги, вытащил его и прикрепил рядом с нею на задок повозки. Схватив вожжи, я вскочил на сиденье рядом с женой, и в следующую минуту мы уже были вне круга огня и грохота и мчались по противоположному склону холма к Старому Уокингу.

Перед нами расстилался мирный залитый солнцем пейзаж. По обе стороны дороги тянулось пшеничное поле, и можно было уже рассмотреть

висячую вывеску гостиницы в Мейберри. Перед нами ехал экипаж доктора. У подножья я оглянулся. Густые клубы черного дыма, прорезанные красными языками пламени, подымались в неподвижном воздухе, отбрасывая черную тень на зеленые верхушки деревьев на востоке. Дым расходился в двух направлениях: к востоку до самого Байфлитского леса, и к западу, до Уокинга. Дорога была усеяна людьми, бежавшими туда же, куда ехали мы. Теперь в тихом жарком воздухе едва слышно, но вполне отчетливо были слышны треск пулеметов и выстрелы винтовок. Очевидно, марсиане зажигали все, что находилось в пределах действия их теплового луча.

Я был неопытным кучером, и поэтому мне пришлось обратить все свое внимание на лошадь. Когда я обернулся, то уже не видел черного дыма, который скрылся за вторым холмом. Я стегнул лошадь, заставив ее бежать рысью, пока мы не оставили далеко за собой тот чудовищный и внезапный кошмар, от которого бежали. Доктора я обогнал между Уокингом и Сендом.

Х. В грозу

Лезерхэд стоял на расстоянии двенадцати миль от Мейберри-Хилла. Запах свежего сена носился над сочными лугами за Пирфордом, а

изгороди по бокам дороги пестрели яркими цветами диких роз. Резкий грохот орудий, который мы слышали, спускаясь с Мейберри-Хилл, прекратился так же внезапно, как начался, и ничто не нарушало мирной тишины вечера. Часам к девяти безо всяких приключений мы добрались до Лезерхэда. Надо было дать отдохнуть лошади, и я воспользовался этим, чтобы поужинать с нашими родственниками и поручить мою жену их заботам.

Всю дорогу моя жена была странно молчалива и теперь еще, видимо, продолжала находиться под гнетом злых предчувствий. Я пытался успокоить ее, доказывал, что марсиане прикованы к яме благодаря своей неповоротливости, и только в лучшем случае они смогут слегка выползти из нее. Но она давала только односложные ответы. Не будь я связан словом, которое дал хозяину трактира, она, наверно, уговорила бы меня остаться на эту ночь в Лезерхэде. Если бы я тогда сделал это! Помню, как она была бледна, прощаясь со мной.

Весь этот день я же, напротив, был сильно возбужден. В моей крови горела лихорадка войны, которая иногда овладевает цивилизованными обществами, и я не был особенно огорчен перспективой возвращаться ночью в Мейберри. Я даже опасался, что тот последний пушечный выстрел, который мы слышали, мог означать уничтожение пришельцев с Марса. Лучше всего я

опишу свое душевное состояние, если скажу, что меня непреодолимо тянуло туда, на поле битвы, чтобы присутствовать при их гибели.

Было уже почти одиннадцать часов, когда я пустился в обратный путь. Ночь была очень темная. Когда я вышел из ярко освещенного дома моих родственников, ночь показалась совершенно черной. И было так же жарко и душно, как днем. По небу носились облака, но внизу не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Слуга наших родственников зажег оба фонаря у шарабана. К счастью, дорога была мне хорошо известна. Жена стояла в освещенных дверях подъезда и смотрела на меня, пока я садился в шарабан. Тогда она вдруг повернулась и ушла, предоставив своим родственникам пожелать мне счастливого пути.

Беспокойство жены передалось и мне — вначале я был в подавленном настроении, но вскоре мои мысли опять вернулись к марсианам. Я ничего не знал об исходе вечернего боя и не знал даже, что послужило поводом к столкновению. Проезжая Окхем (так как возвращался другой дорогой, минуя Сенд и Старый Уокинг), я увидел на западе, на самом краю горизонта, кроваво-красную полосу, которая, по мере моего приближения, медленно разрасталась по небу. Быстро несущиеся облака надвигавшейся грозы сливались с клубами черного и красного дыма.

Рипли-стрит опустела, и, кроме нескольких освещенных окон, ничто не указывало на признаки жизни в деревеньке. Однако на повороте в Пирфорд я чуть не наехал на кучку людей, стоявших спиной ко мне. Никто из них не окликнул меня, и я не знал, насколько они были осведомлены о событиях, происходивших по ту сторону холма. Я уже понимал, что означает это безмолвие домов. Погружены ли были эти дома, мимо которых я проезжал, в мирный сон, или уже брошены своими обитателями, оставлены на произвол судьбы и ужасов ночи?..

От Рипли до Пирфорда дорога шла по долине Уэя, и красное зарево скрылось от меня. Когда я поднялся на маленький холм по ту сторону, за Пирфордской церковью я снова увидел его — и в ту же минуту вокруг меня зашумели деревья от первого натиска собиравшейся грозы. Часы на Пирфордской колокольне пробили полночь. Передо мной выступил силуэт Мейберри-Хилл с верхушками деревьев и крышами, резко черневшими на багровом небе.

Вдруг вся дорога передо мной озарилась бледно-зеленым светом и осветила далекий лес около Эдлстона. Я почувствовал, как вздрогнула лошадь, и крепче схватился за вожжи. В этот самый момент мчащиеся по небу тучи прорезало что-то вроде огненной стрелы, светившейся зеленоватым

светом, и упало в поле, налево от меня. То была третья падающая звезда.

Вслед за тем сверкнула первая молния налетевшей грозы, казавшаяся по контрасту ярко-лиловой, за которой последовал удар грома. Лошадь закусила удила и понесла.

К подножью Мейберри-Хилл ведет отлогая дорога, по которой мы теперь мчались. Гроза разыгралась, молнии сверкали одна за другой. Удары грома следовали почти непрерывно с каким-то странным шумом, походившим скорее на работу гигантской электрической машины, чем на раскаты грома. Блеск молнии слепил глаза, а когда я несся по спуску, в лицо хлестало мелким градом.

Некоторое время я смотрел только на дорогу, но вдруг мое внимание было привлечено странным предметом, быстро двигавшимся по противоположному склону Мейберри-Хилл. В первый момент я принял его за крышу дома, но при свете чередующихся молний увидел, что он движется, причем не прямо, а вращаясь. То было ускользящее явление, которое то появлялось при ярком блеске вспыхивающих молний, то снова пропадало в наступавшей темноте. Но вот показались красные стены приюта, на гребне холма зеленые вершины сосен, и, наконец, весь загадочный предмет передо мной выступил ясно и отчетливо.

Как описать его? Треножник чудовищного размера, выше, чем многие дома, двигался по молодому сосняку, разбрасывая деревья во все стороны. Ходящая машина из сверкающего металла, со свешивающимися по сторонам стальными коленчатыми канатами. Блеск молнии ясно осветил этот странный предмет, то исчезающий, то снова появляющийся, успевший уже приблизиться на добрую сотню ярдов.

Неожиданно передо мной раздвинулись деревья, сломанные стволы полетели в разные стороны, и появился второй гигантский треножник, катившийся, как мне казалось, прямо на меня. При виде этого второго чудовища нервы мои не выдержали, я круто повернул направо, и через минуту шарабан перевернулся и накрыл упавшую лошадь, а меня отбросило в сторону, и я тяжело шлепнулся в лужу.

Я тотчас же выполз на более сухое место, хотя ноги мои оставались в воде, и присел, скорчившись, за кустом дрока. Лошадь лежала неподвижно (она погибла мгновенно), и при свете молнии я увидел черную массу опрокинутого экипажа и колесо, которое все еще продолжало вращаться. В следующую минуту гигантская машина прошла мимо меня и стала подыматься в гору по направлению к Пирфорду.

Вблизи она казалась еще более удивительной.

Это оказалась простая бесчувственная машина. При движении она издавала звенящий металлический звук, а по бокам у нее извивались гибкие металлические щупальца (я видел, как одним из них она схватила сосну): машина сама себе прокладывала дорогу, а покрывавший ее медный колпак двигался в разные стороны и производил впечатление головы. В задней части главного корпуса машины находился какой-то чудовищный предмет из белого металла, который походил на огромную корзину. Клубы зеленого дыма вырывались из ее сочленений, когда он проходил мимо меня. Через минуту уже исчез.

Вот что я увидел при неверном блеске молний, слепивших мне глаза!..

Проходя мимо меня, гигант издал торжествующий, оглушительный вой, покрывший громовые раскаты: «Алоо! Алоо!» Секунду спустя он соединился с другим таким же гигантом. Пройдя полмили, они оба остановились среди поля, наклонившись над каким-то предметом. Я уверен теперь, что предмет этот был третий из десяти цилиндров, отправленных к нам с Марса.

Несколько минут я лежал под дождем и при вспышках молнии наблюдал за движениями металлических гигантов. Пошел град, за пеленой которого их очертания выделялись весьма смутно, когда же сверкала молния, эти чудовища

появлялись во всей красе.

Я промок насквозь, ведь ноги все еще были в воде, а сверху меня поливало дождем, смешанным с градом. Прошло некоторое время, прежде чем я вышел из оцепенения настолько, чтобы сделать попытку выбраться на сухое место и подумать об опасности, которая мне угрожает.

Осмотревшись, я увидел неподалеку среди картофельного поля маленькую деревянную хижину лесника. С усилием поднявшись на ноги, согнувшись и прячась за кустами, я бегом пустился к хижине и стал колотить в дверь, но мне никто не открыл. Очевидно, там никого не было. Тогда я, пользуясь канавой, как прикрытием, стал пробираться ползком, чтобы не быть замеченным врагом, к Мейберрскому лесу.

Под прикрытием деревьев, промокший и продрогший, я решил направиться к своему дому. Я шел наугад среди деревьев, отыскивая тропинку. В лесу было совершенно темно, молния сверкала все реже, и в просветы между деревьями лил дождь вместе с градом.

Если бы в то время я отдавал себе отчет в значении всех тех явлений, свидетелем которых стал, то, не теряя ни минуты, повернул бы назад и окольной дорогой, через Байфлит и Стрит-Чобхем, вернулся бы к своей жене в Лезерхэд. Но в ту ночь странность моих переживаний и мое жалкое

физическое состояние совершенно лишили способности здраво мыслить.

У меня было только одно сильное желание — добраться до дома. Я шел, натыкаясь на деревья, упал в лужу, расшиб колени о доску и выбрался, наконец, на дорогу к колледжу. В темноте я столкнулся с каким-то человеком, который чуть не сшиб меня с ног.

С криком испуга он отскочил в сторону и, как сумасшедший, побежал дальше, не дав мне времени окликнуть его. В этом месте напор ветра был настолько силен, что мне стоило величайших усилий одолеть подъем. Я шел, цепляясь руками за решетку ограды колледжа с левой стороны, и таким образом кое-как выбрался наверх.

Около вершины холма я споткнулся обо что-то мягкое и при блеске молнии увидел у своих ног кучу черного платья и пару сапог. Прежде чем я успел разглядеть, в каком состоянии находится лежащий незнакомец, все снова погрузилось в темноту. Я остался стоять около него, ожидая следующей молнии. Она сверкнула опять, и я увидел, что то был человек крепкого сложения, просто, но хорошо одетый. Он лежал, скорчившись и подогнув голову, около ограды, как будто его с силой отшвырнули туда.

Превозмогая чувство отвращения, присущее всякому, кто никогда не прикасался к трупу, я

нагнулся, повернул его на спину и попытался нащупать пульс. Он был мертв. По-видимому, у него была сломана шея. В третий раз сверкнула молния и осветила лицо лежащего, заставив меня подскочить от неожиданности. Передо мной лежал не незнакомец, а хозяин трактира «Пятнистая Собака», у которого я нанял повозку!..

Я осторожно перешагнул через труп и отправился дальше. Миновав колледж и полицейский участок, я подошел к своему дому. На вершине холма все было спокойно, но в полях пылало зарево, густые клубы красно-желтого дыма боролись с ливнем. Насколько я мог рассмотреть при вспышках молнии, большинство домов оставалось неповрежденными. На улице перед колледжем темнела какая-то масса.

Около Мейберрского моста раздавались голоса и шаги, но у меня не хватило духа пойти туда. Добравшись до дома, я ключом отворил дверь, вошел и сразу же задвинул засов у ворот, и, нащупав в темноте лестницу, уселся на ступеньку. Перед моим мысленным взором все так же шагали по полю страшные гиганты, а у ограды по-прежнему лежало скорченное тело трактирщика, отброшенное неведомой силой.

Сидя у подножья лестницы, я прижался спиной к стене, сжавшись от страха и дрожа, как в лихорадке.

XI. У окна

Я уже говорил, что Господь наградил меня умением быстро успокаиваться, как бы сильно я ни переживал совсем недавно. Через некоторое время я почувствовал, что озяб, и заметил, что с меня натекали целые лужи воды на покрывавший лестницу ковер. Почти машинально я встал на ноги и пошел в столовую, чтобы выпить виски. Только тогда я почувствовал, что мне просто необходимо переодеться.

Переодевшись, я поднялся к себе в кабинет, но для чего я это сделал, не знаю. Из окна моего кабинета, которое мы забыли закрыть в суеете отъезда, были видны деревья и полотно железной дороги, вплоть до Хорселлского поля.

Я остановился в дверях комнаты. Гроза стихла. Башни Восточного колледжа и окружавшие его деревья исчезли. Вдали виднелось поле вокруг песчаных ям, освещенное красным заревом. И в этом ярком освещении хлопотливо сновали взад и вперед гигантские черные тени, смешные и странные.

Казалось, в этом направлении вся местность охвачена огнем. По всему широкому склону перебегали огненные языки, извиваясь под порывами затихающей бури и озаряя красным отблеском несущиеся по небу тучи. Временами

окно застилала облака дыма и скрывали от меня тени марсиан. Я не мог видеть, что они делали, и не мог ясно различить их фигур, не мог я даже понять, что это за предмет, которым они так деятельно занимаются. Отражение пламени ближайшего пожара играло на стенах и на потолке кабинета, и в воздухе слышался резкий смолистый запах.

Я тихонько закрыл дверь и прокрался к окну. Чем ближе я подходил, тем более расширялся вид. С одной стороны я мог видеть дома около вокзала в Уокинге, а с другой — обуглившиеся деревья Байфлитского леса. Внизу, у подножья холма, на полотне железной дороги, был виден яркий свет, несколько домов на прилегающих к станции улицах и по дороге в Мейберри представляли из себя пылающие развалины. Сначала я недоумевал, что означает этот яркий свет на полотне железной дороги; хорошо различима была черная груда и яркий свет, а направо — ряд каких-то продолговатых желтых предметов. Потом я сообразил, что это поезд, потерпевший крушение, передняя часть которого разбита вдребезги и горит, а задние вагоны по-прежнему стоят на рельсах.

Между этими тремя главными центрами пожара — горящими домами, поездом и пылающей местностью — под Чобхемом тянулось темное пространство, местами прерываемое неправильными полосами догоравшего,

дымящегося вереска. Эта широкая, черная гладь с огненными точками на ней являла собой необыкновенно странную картину. Больше всего это напомнило мне фарфоровые заводы в ночное время. Людей я различить не мог, хотя всматривался очень внимательно. Но потом, при свете зарева, я разглядел у вокзала несколько черных фигурок, перебегавших одна за другой через полотно железной дороги.

И в этот огненный хаос превратился тот самый маленький мир, в котором я благополучно прожил столько лет! Что случилось за последние семь часов, я так и не узнал. Не понимал я также, хотя понемногу уже начинал догадываться, что общего между механическими ходячими гигантами-машинами и неповоротливыми существами, выползавшими из цилиндра. Со странным чувством совершенно бескорыстного интереса я сдвинул рабочий стул к окну, сел и стал смотреть на черное поле и три гигантские черные фигуры, освещенные заревом, которые двигались около песчаных ям.

Они проявляли необыкновенную деятельность. Я спрашивал себя, что, собственно, это могло быть? Были ли эти машины сознательными? Нет, этого я не мог допустить. Или в каждом таком механизме сидел марсианин и управлял им, как мозг управляет человеческим

телом? Я сравнивал эти машины с нашими и в первый раз задал себе вопрос, чем должны представляться животному наши паровозы и бронепоезда?

Буря улеглась, небо совершенно прояснилось. Высоко над пеленой дыма, застилавшего место пожара, едва заметно мерцала на западе светлая точка — планета Марс. Вдруг я услышал, как что-то зашуршало за оградой моего сада. Я разом очнулся от охватившей меня задумчивости и, заглянув в темноту, увидел человека, перелезавшего через решетку. При виде другого человеческого существа мое оцепенение прошло. Я высунулся в окно, радостно возбужденный.

— Кто там? — спросил я шепотом.

Сидя на ограде, человек замер в нерешимости. Потом соскочил в сад и... подошел к углу дома. Он шел согнувшись, тихонько, стараясь не производить шума.

— Кто вы? — спросил он тоже шепотом, остановившись под окном и глядя вверх.

— Куда вы идете? — спросил я.

— Не знаю.

— Вы хотите спрятаться?

— Да.

— Так входите, — сказал я.

Я сошел вниз, открыл дверь, впустил его и снова запер дверь. Лица его я не мог рассмотреть.

Он был без шапки, и мундир его был расстегнут.

— Как ужасно! — вырвалось у него, когда он вошел.

— Что случилось? — спросил я.

— Чего только не случилось... — Мне было видно в темноте, как он в отчаянии махнул рукой. — Они стерли нас, просто стерли в порошок!

И он повторил это несколько раз.

Почти механически незнакомец последовал за мной в столовую.

— Выпейте немного виски, — сказал я, наливая ему изрядную порцию.

Он выпил. Потом сел за стол, уронил голову на руки и вдруг отчаянно зарыдал, громко всхлипывая, как дитя. Совершенно позабыв о своем собственном недавнем ощущении полной безнадежности, я стоял над ним, недоумевая и удивляясь.

Прошло довольно много времени, прежде чем он успокоился настолько, что смог отвечать на мои вопросы. Но отвечал все же с большим трудом и весьма бессвязно. Он был ездовым в артиллерии и только в семь часов явился на поле со своей пушкой. К этому времени пальба была уже в полном разгаре. Рассказывали, что первая партия марсиан уползла под прикрытием металлического щита к своему второму цилиндру.

Позднее этот щит поднялся на треножник и превратился в ту первую боевую машину, которую я видел. Пушка, которую вез незнакомец, была снята с передка у Хорселла, так как должна была обстреливать песчаные ямы. Прибытие ее ускорило развязку. Когда он стал отъезжать, его лошадь попала ногой в кроличью нору и упала, сбросив его в канаву. В тот же момент сзади пушку разорвало, пороховой ящик взлетел на воздух, все кругом запылало — и он очутился под грудой обуглившихся трупов людей и мертвых лошадей.

— Я лежал, не двигаясь, — рассказывал артиллерист, — обезумев от страха, под трупом лошади. Мы были уничтожены! А этот ужасный запах — запах горелого мяса! Вся спина была изранена упавшей лошадью, и я должен был лежать, пока мне не стало легче. За минуту перед тем мы были словно на параде, а потом грохот, шум, треск!..

Он помолчал немного и прибавил:

— Они смели нас!

Он долго пролежал под лошадью, выглядывая украдкой, чтобы посмотреть, что делается кругом. Солдаты Кардиганского полка попытались пойти в атаку с ружьями наперевес, но они были истреблены все, до последнего человека! После этого чудовище поднялось на ноги и, ворочая во все стороны своим колпаком, совершенно так, как

крутил бы головой человек в капюшоне, принялось догонять немногих уцелевших, которые пытались убежать. Чем-то, похожим на руку, гигант держал металлический ящик сложного устройства с воронкой на одном конце. Вокруг ящика сверкали зеленые искры, а из воронки вырывался убийственный зеленый луч.

Через несколько минут на поле, насколько это мог видеть солдат, не осталось ни одного живого существа, и каждый куст, и каждое дерево, не успевшее сгореть раньше, теперь пылали. По ту сторону дороги должны были стоять гусары, но от них не осталось и следа. Он слышал некоторое время треск пулеметов, но затем все стихло. Чудовище почему-то щадило до последней минуты вокзал в Уокинге и кучку домов вокруг него. Но вот тепловой луч внезапно направился в ту сторону, и город превратился в груды пылающих развалин. Тут смертоносный луч вдруг погас. Чудовище повернулось к артиллеристу спиной и зашагало в сторону горевшего соснового леса, где лежал второй цилиндр. Не успел скрыться первый гигант, как из ямы поднялся второй — такой же.

Второе чудовище последовало за первым.

Тогда артиллерист осторожно пополз по горячей золе к Хорселлу. Ему удалось добраться живым до придорожной канавы и по канаве поползти до Уокинга. Дальше его рассказ состоял

из бессвязных восклицаний.

Дорога через Уокинг оказалась непроходимой. По-видимому, там мало кто остался в живых! Большинство сошло с ума или сгорело. Ему пришлось свернуть в сторону, чтобы обойти огонь, и он только успел спрятаться в обгорелых развалинах какой-то стены, как вернулся один из гигантов марсиан. Солдат видел, как он погнался за каким-то человеком, хватил его одним из своих металлических щупалец и разmozжил голову о ствол сосны. Только с наступлением ночи солдат решился выйти из своего убежища. Бегом перебежал через полотно железной дороги и скрылся за насыпью.

Отсюда он стал пробираться к Мейберри, надеясь избежать других опасностей, взяв направление к Лондону. Люди прятались по канавам и погребам, а многие из оставшихся в живых бежали в Уокинг и Сэнд. Он умирал от жажды, пока не наткнулся вблизи железнодорожного моста на водопроводную трубу, из которой ручьями на дорогу бежала вода.

Вот все, что мне удалось вытянуть из него, слово за словом. Во время рассказа он немного успокоился и старался яснее изобразить мне то, что видел. Еще в начале своего рассказа он мне признался, что ничего не ел с самого полудня. Я нашел немножко баранины и хлеба в кладовой и

принес в комнату. Из страха привлечь внимание мы не зажигали лампы, и наши руки часто сталкивались, когда мы брали мясо или хлеб. Во время его рассказа предметы начали мало-помалу выступать из темноты, и уже можно было различить за окном сломанные кусты роз. Словно полк солдат или стадо животных прошли через лужайку! Теперь я мог разглядеть лицо моего собеседника, почерневшее и осунувшееся, какое, вероятно, было и у меня.

Покончив с едой, мы потихоньку поднялись в кабинет, и я снова стал смотреть в окно. За одну ночь вся равнина превратилась в груды пепла. Пожар прекратился. Там, где прежде гулял огонь, теперь клубились столбы дыма. Бесчисленные развалины опустошенных огнем и развалившихся домов и черные остовы обгорелых деревьев, которые до сих пор скрывала темнота ночи, при безжалостном свете утренней зари выступали как страшные призраки. Кое-где, впрочем, виднелись предметы, счастливо избежавшие общего разрушения: тут белел семафор железной дороги, там уголок беседки, такой белый и свежий среди развалин и дыма. Никогда еще в истории войны не бывало такого полного истребления! А вдали, у песчаных ям, освещенные все усиливающимся утренним светом, стояли три металлических гиганта и ворочали своими колпаками, как будто

любуюсь произведенными ими опустошениями.

Мне показалось, что яма, в которой лежит цилиндр, стала шире. Из нее все время вырывались клубы зеленого дыма, взлетали вверх к светлеющему небу и, постепенно расплываясь, пропадали...

В стороне Чобхема были видны столбы пламени, которые с появлением первых утренних лучей казались окрашенным кроваво-красным светом.

ХII. Как были разрушены Уэйбридж и Шеппертон

Как только рассвело, мы отошли от окна, из которого наблюдали за марсианами, и тихонько сошли вниз.

Артиллерист согласился со мной, что нам опасно оставаться в доме. Он предполагал направиться к Лондону, чтобы соединиться там со своей батареей. Я же чувствовал, что должен немедленно вернуться в Лезерхэд, мой страх перед марсианами был так силен, что я твердо решил увезти свою жену в Ньюхейвен и вместе с ней совсем покинуть страну. Я уже тогда предвидел, что вся ближайшая к Лондону местность неизбежно станет полем битвы, вернее целой вереницы опустошительных сражений, прежде чем удастся

уничтожить такого врага.

Но на пути в Лезерхэд лежал третий цилиндр, охраняемый трехногими гигантами. Если бы я был один, я бы, пожалуй, рискнул идти напрямик. Но артиллерист удержал меня, заметив: «Хорошей женщине не оказывают услуги тем, что делают ее вдовой!» Я дал себя уговорить, и мы решили идти вместе через лес, к северу до Стрит-Чобхем: там мы должны были расстаться, и я должен был сделать большой крюк через Ипсом, чтобы добраться до Лезерхэда.

Я был готов идти хоть сию же секунду, но мой спутник недаром состоял на действительной военной службе — он знал, как нужно пускаться в такое путешествие. Он заставил меня перерыть весь дом, чтобы найти дорожную фляжку, которую он наполнил водкой, а все карманы мы набили пакетами с сухарями и ломтиками нарезанной говядины. Затем, крадучись, мы вышли из дому и, почти бегом, спустились по скверной дороге, по которой я поднимался накануне. Дома казались брошенными своими обитателями. На улице лежали обуглившиеся трупы трех человек — их поразил тепловой луч. Повсюду валялись предметы домашнего обихода, потерянные во время бегства: часы, туфля, серебряная ложка и т. п. На углу, у почтовой конторы, стояла маленькая повозка, нагруженная сундуками и домашним скарбом, но

без лошади и со сломанным колесом. Тут же валялась денежная шкатулка, взломанная, как видно, впопыхах и брошенная в мусор.

Кроме сторожки приюта, которая все еще горела, здесь ни один из домов не пострадал особенно сильно. Тепловой луч, разрушив дымовые трубы, направился дальше. И все же в Мейберри, кроме нас, не было видно ни одной живой души. Большинство жителей деревушки попрятались или искали спасения в бегстве к Старому Уокингу, по той самой дороге, которой мы ехали с женой в Лезерхэд.

Мы спустились по дороге, мимо трупа человека в черном, и вдоль подножья холма вошли в лес. Лесом мы прошли до железной дороги, не встретив ни одной живой души. По ту сторону железной дороги лес теперь представлял собой кучу раздробленного обуглившегося дерева: большая часть сосен повалилась, а от тех, которые стояли, остались лишь унылые серые стволы с темно-коричневыми иглами.

На нашей стороне сторело только несколько стоявших вблизи деревьев. В одном месте остались следы субботней работы дровосеков: лежали свежесрубленные подчищенные стволы, стояла паровая лесопильная машина, рядом с ней я увидел целую гору стружки и опилок. Невдалеке виднелся временный шалаш для рабочих, покинутый ими. В

это утро не было ни малейшего ветра, кругом царила мертвая тишина. Даже птицы не пели, а мы с артиллеристом, продолжая свой путь, говорили шепотом и поминутно оглядывались назад. Раза два мы останавливались и прислушивались.

Через некоторое время, уже подходя к улице, мы услышали стук копыт и увидали в просвете между деревьями трех кавалеристов Восьмого гусарского полка, которые медленно ехали в сторону Уокинга. Мы окликнули их и побежали к ним. Они остановились. То был лейтенант и несколько солдат, везущих какой-то инструмент, вроде теодолита. Артиллерист объяснил мне, что это был гелиограф.

— Вы первые люди, которых я повстречал на улице сегодня утром, — заметил лейтенант. — Что, собственно, случилось?

В его лице и голосе была тревога, а ехавшие за ним солдаты с любопытством смотрели на нас. Артиллерист перескочил через ров и взял под козырек.

— Нашу пушку разорвало вчера вечером, господин лейтенант. Я спрятался. Стараюсь соединиться со своей батареей, господин лейтенант. Я думаю, что если вы пройдете полмили по этой улице, то увидите марсиан.

— А на кого они похожи? — спросил лейтенант.

— Великаны в полном вооружении, господин лейтенант. Сто футов высоты. Ноги и тела из алюминия, с огромной головой под колпаком, господин лейтенант.

— Перестаньте! — закричал лейтенант. — Что за нелепица!

— Вы сами увидите, господин лейтенант. Они носят с собой какой-то ящик, из которого пускают огонь и убивают.

— Вы хотите сказать, пушка?

— Нет, господин лейтенант, — и артиллерист принялся с живостью рассказывать о тепловом луче. Но лейтенант прервал его и взглянул на меня. Я стоял все еще на прежнем месте.

— А вы видели это? — спросил он.

— Все это сушая правда! — подтвердил я.

— Хорошо, — сказал лейтенант. — В таком случае и я должен посмотреть на это. Послушайте, — обратился он к артиллеристу: — мы разделимся, чтобы очистить дома от людей. Вы лучше всего сделаете, если явитесь к бригадному генералу Марвину и доложите ему обо всем, что видели. Он в Уэйбридже. Дорога вам известна?

— Я знаю ее, — сказал я.

Лейтенант повернул лошадь.

— С полмили отсюда, говорите вы? — спросил он.

— Самое большее, — ответил я и указал на

лес к югу. Он поблагодарил меня и поехал дальше. Больше мы их не видели.

Немного подальше мы натолкнулись на трех женщин с двумя детьми около коттеджа рабочего. Они раздобыли тачку и складывали на нее какие-то грязные узлы и прочий домашний скарб. Все трое были так поглощены своим делом, что не заговорили с нами, когда мы проходили мимо.

У станции Байфлит лес кончился, и перед нами открылся вид на залитую солнцем деревню. Теперь мы были далеко за пределами действия теплового луча: если бы не тишина и опустевший вид некоторых домов, суета спешной укладки в других домах и кучка солдат, стоявших у моста и пристально глядящих прямо перед собой в сторону Уокинга, то этот день ничем не отличался бы от любого другого воскресного дня.

Несколько телег и фермерских фур со скрипом тащились по дороге к Эддлстону. Вдруг в открытые ворота огороженного луга мы увидели шесть двенадцатифунтовых пушек, расставленных на равном расстоянии друг от друга и обращенных жерлами на Уокинг. Наводчики стояли около пушек, готовые по данному сигналу начать пальбу. Пороховые ящики находились на приличной дистанции, как перед боем.

— Это очень хорошо, — сказал я. — Один заряд они во всяком случае получат.

Артиллерист стоял у ворот изгороди в нерешительности.

— Я пойду дальше, — сказал он.

Дальше у поста, по направлению к Уэйбриджу, стояла группа солдат в белых рабочих блузах и рыла окопы, за ними мы опять увидели пушки.

— Это все равно что лук и стрелы против молний, — заметил артиллерист. — По всему видать, они еще не попробовали огненного луча.

Офицеры, которые не были заняты, стояли и смотрели в лес на юго-запад, а солдаты каждую минуту бросали свою работу и тоже обращали свой взор туда же.

Весь Байфлит был на ногах. Жители поспешно укладывались, и группа гусар, одни пешие, другие конные, все время торопила их. Три или четыре черные казенные фуры, с крестом на белом кружке, какой-то старый омнибус и еще несколько колымаг нагружались вещами. Кругом на улицах толпился народ, и большинство из них, настроенные празднично, оделись в свои лучшие платья. Солдатам стоило большого труда заставить этих людей проникнуться серьезностью положения. Мы видели старика, который сердито спорил с капралом, уговаривавшим его оставить горшки с цветущими орхидеями.

Я остановился и схватил старика за руку.

— Знаете ли вы, что творится там? — сказал я ему, указывая рукой в сторону леса, скрывавшего марсиан.

— А что? — сказал он, оборачиваясь ко мне. — Я только что объяснял капралу, что эти цветы имеют большую цену.

— Там смерть! — крикнул я ему. — Смерть идет! Смерть!

И предоставив ему переваривать то, что я сказал, я поспешил за артиллеристом. У поворота я оглянулся. Солдат оставил старика в покое, и тот стоял около своего сундука и горшков с орхидеями и бессмысленно смотрел куда-то вдаль, поверх деревьев.

В Уэйбридже никто не мог нам сказать, где находится главный штаб. В городе стояла такая суматоха, какой мне еще никогда видеть не доводилось. На каждом шагу запрягались повозки, телеги, самый удивительный подбор экипажей и лошадей! Почетные граждане, мужчины в спортсменских костюмах, нарядные дамы — все были поглощены дорожными сборами. Около них возбужденно суетились дети, в восторге от нового развлечения, разнообразившего их воскресное времяпрепровождение. А над всем этим неумолкаемо и радостно звонил колокол, призывая в церковь, где достойный викарий служил раннюю обедню.

Мы с артиллеристом уселись на краю фонтана и недурно позавтракали захваченной с собой провизией. Военные патрули — здесь были уже не гусары, а белые гренадеры — уговаривали жителей не медлить больше и уезжать или прятаться в погреба, как только начнется стрельба. Переходя железнодорожный мост, мы увидели, что на станции скопилось множество народа и что вся платформа завалена сундуками и всевозможными свертками. Подвоз орудий и войск в Чертси вызвал приостановку в движении пассажирских поездов, и, как мне рассказали намного позже, на вокзале чуть не дрались из-за мест в пущенных после экстренных поездах.

Мы пробыли в Уэйбридже до полудня и через некоторое время подходили к Шеппертонскому шлюзу, где река Уэй сливается с Темзой. По дороге мы немного задержались, помогая двум старушкам уложить в повозку их вещи. Уэй впадает в Темзу тремя рукавами, и в этом месте можно было нанять лодку или воспользоваться паромом, чтобы перебраться через реку. На противоположном берегу раскинулся Шеппертон с гостиницей среди лужайки и с поднимающейся над деревьями высокой колокольной церкви.

Здесь мы нашли шумную, возбужденную толпу беглецов. Пока еще среди них не было паники, но все же тут было гораздо больше народа,

чем могло поместиться в имевшихся лодках. Подходили все новые пассажиры, изнемогающие под тяжестью своей поклажи. Какая-то супружеская чета тащила домашний скарб на снятой с петель двери. Один из беглецов сказал нам, что хочет попытаться сесть в поезд.

Здесь было много шума и крика, а один неведомый шутник пытался даже острить. Собравшиеся здесь люди представляли себе, по-видимому, что марсиане — это страшные человекоподобные существа, которые могут захватить и разгромить город, но все же, в конце концов, их будет ждать неминуемая гибель. Все поминутно поглядывали за Уэй, в сторону, где тянулись луга Чертси, но там пока было спокойно.

По ту сторону Темзы, кроме места, где причаливали лодки, было тихо, что составляло полный контраст с картиной на берегу Суррея. Пассажиры, переезжавшие туда, спокойно продолжали путь пешком. Паром с людьми пристал только что. Три или четыре солдата стояли перед гостиницей на лужайке и бесцеремонно разглядывали беглецов, острили по их адресу, но помощи своей не предлагали. Гостиница была заперта, так как день был воскресным.

— Что это такое? — закричал перевозчик. — Да замолчи же ты, дура! — прикрикнул человек, стоявший рядом со мною на залаявшую собаку.

Снова повторился странный звук, на этот раз со стороны Чертси: тупой, глухой звук пушечного выстрела. Бой начался. Почти сразу за первыми выстрелами последовали один за другим выстрелы из батарей, расположенных за рекой, справа от нас, но не видимые из-за деревьев. Рядом вскрикнула женщина. Все замерли, ошеломленные внезапным шумом битвы, такой близкой, и все же пока не видимой нами. Ничего не было видно, кроме плоских лугов с равнодушно пасущимися коровами и серебристых ив, тихо дремлющих под горячими лучами солнца.

— Солдаты им покажут, — несколько неуверенно заметила какая-то женщина возле меня. Легкий дымок поднялся над верхушками деревьев.

Вдруг вдаль высоко взлетел и повис в воздухе столб дыма. Вслед затем раздался, сотрясая воздух, страшный грохот взрыва, и земля дрогнула под ногами. В нескольких домах вылетели стекла. Мы стояли оглушенные, ничего не понимая.

— Вот они! — закричал человек в синем свитере. — Там! Разве вы не видите? Там!..

С быстротой молнии, один за другим показались вдаль у маленьких деревьев один, два, три, четыре марсианина и быстро направились к реке. Они неслись, как птицы, и казались издали маленькими, смешными фигурками. Затем мы увидели пятого, который приближался к ним сбоку.

Их металлические тела блестели на солнце, и с каждым шагом, по мере того, как приближались к нам, они все вырастали в размерах. Один из них, который находился дальше всех, вдруг взмахнул в воздухе большим ящиком, и страшный тепловой луч, который я уже видел в пятницу, направился в Чертси и ударил в него.

При виде этих странных, быстроногих и страшных существ стоявшая на берегу толпа застыла в ужасе. Ни возгласов, ни криков! Все было тихо. Затем невнятный гул голосов... топот ног... всплеск воды. Мой ближайший сосед, напуганный до того, что забыл бросить чемодан, который он нес на плече, круто повернулся и чуть не сшиб меня с ног, ударив углом своей ноши. Какая-то женщина толкнула меня и пробежала мимо. Увлекаемый общим порывом, я тоже было повернул, собираясь бежать, но мой страх оказался не так велик, чтобы отнять от меня рассудок. Я помнил о страшном тепловом луче. Скорее в воду! В этом было единственное спасение!

— В воду! — закричал я, но меня никто не слышал.

Я повернул назад, прямо навстречу приближающемуся марсианину, сбегал с песчаного откоса и кинулся в воду! Другие последовали моему примеру. К пристани причалила лодка с людьми, и они высаживались на берег как раз в ту

минуту, когда я пробежал мимо них. Река у берега была так мелка, что я прошел футов двадцать по пояс в воде по скользким камням. Вдруг я увидел чуть ли не над своей головой, в каких-нибудь двухстах ярдах перед собой гигантскую фигуру приближавшегося марсианина. Я бросился вперед и нырнул. Всплески воды от бросающихся в реку людей отдавались у меня в ушах, как удары грома. Люди высаживались на берег по обе стороны реки.

Но марсианин так же мало обращал внимание на спасающихся бегством людей, как мы на разбегающихся муравьев, когда нечаянно наступим на муравейник. Когда я задыхаясь высунул голову из воды, колпак марсианина был обращен к батареям, которые все еще стреляли через реку. Он шел и размахивал на ходу ящиком, в котором вырабатывались тепловые лучи. Спустя минуту он был на берегу и в один шаг перешел реку. Коленями двух передних ног он стал на противоположный берег, но в следующий момент снова выпрямился и очутился возле Шеппертона. В тот же миг раздался дружный залп из всех шести пушек, скрытых в кустах на выезде из деревушки. Неожиданная близость выстрелов, частота, с которой они следовали один за другим, заставили сильнее биться мое сердце. Чудовище уже поднимало свою камеру с тепловым лучом, как вдруг ярдах в шести над его колпаком разорвалась

граната.

У меня вырвался крик удивления. Я не видел и не думал об остальных четырех марсианах — мое внимание было занято только тем, что происходило около меня. Почти одновременно с первой гранатой разорвались две другие, у самого тела великана. Он повернул свой колпак как раз вовремя, чтобы получить четвертую гранату, но недостаточно быстро, чтобы избежать ее.

Граната попала в середину колпака марсианина. Колпак вспыхнул и разлетелся на двенадцать кусков. Во все стороны полетели осколки блестящего металла и куски окровавленного мяса.

— Попало! — вырвалось у меня.

То был крик скорее торжества, нежели испуга. Обезглавленный колосс зашатался, как пьяный, но не упал. Каким-то чудом он удержал равновесие. Не направляемый более в своих движениях, с открытой камерой, из которой выходил тепловой луч, он понесся на Шеппертон. Живая, сознательная воля сидевшего под колпаком марсианина погибла, его останки развеяло по ветру, и металлический великан представлял теперь собою только сложную машину, которая неслась навстречу гибели. Как слепой, мчался он по прямой линии: налетел на церковь, которая рассыпалась, как от удара тараном, откачнулся, потом зашатался

и со страшным грохотом упал в воду и исчез из поля зрения.

Раздался страшный взрыв: струи воды, вперемешку с илом, клубами пара и осколками металла взлетели высоко в воздух. Как только камера с тепловым лучом коснулась воды, вода превратилась в пар. Еще мгновение — и огромная волна, как при сильном прибое, горячая, как кипяток, поднялась и покатила против течения. Я видел, как бросились к берегу люди, оставшиеся в воде, — их отчаянные крики слабо доносились до меня сквозь шум воды и грохот взрыва, вызванного падением чудовища.

В ту минуту я не чувствовал, как горяча вода, и забыл о необходимости спасти свою жизнь. Я плыл через бушующую воду, оттолкнул в сторону человека, одетого в черное, пока, наконец, не увидел, что творится там, за поворотом реки. Штук шесть брошенных лодок бесцельно носились по бурлившей воде, а дальше внизу, поперек реки, лежал упавший гигант, уже наполовину затонувший.

Густые облака пара подымались из его обломков, и сквозь этот бешено крутящийся пар было видно, точно в тумане, как били по воде гигантские ноги чудовища, подымая пену и кучи ила. Металлические щупальца махали в воздухе словно руки живого существа, и, несмотря на

беспомощную бесцельность этих движений, казалось, что раненый зверь отчаянно борется с волнами за свое существование. Масса какой-то красно-бурой жидкости шумной струей вырывалась из машины.

Мое внимание, привлеченное на какое-то время этой картиной, вскоре отвлек вой, напоминавшим звук сирены. Человек, стоявший по колено в воде около бечевника, шепотом окликнул меня и указал рукой назад. Оглянувшись, я увидел остальных четырех марсиан, которые неслись гигантскими шагами к берегу со стороны Чертси. На этот раз пальба шеппертоновских пушек не помогла!

Завидев врага, я моментально нырнул, и, задержав дыхание, насколько это было возможно, испытывая мучительную боль, плыл под водой. Вода вокруг меня бурлила и с каждым мгновением становилась горячее. Когда я на секунду высунул голову, чтобы перевести дыхание, и, откинув упавшие волосы, осмотрелся, то увидел, как над водой подымается крутящийся белый пар, за которым я не мог рассмотреть марсиан. Оглушительный шум продолжался. Наконец передо мной смутно выступили очертания гигантских серых фигур, которые сквозь туман казались еще выше. Они прошли мимо меня, и двое наклонились над бьющимися в воде остатками своего товарища.

Третий и четвертый стояли около них в воде. Один был в двухстах ярдах от меня, другой — ближе к Лилхему. Они держали высоко над головой камеры с тепловым лучом, и свистящие струи лучей расходились оттуда по всем направлениям.

В воздухе стоял гул от оглушительного, поистине ошеломляющего сочетания звуков: бряцания боевых машин марсиан, грохота разрушающихся домов, треска и шипения вспыхивающих изгородей и деревьев, рева и свиста огня. Взлетающие кверху густые клубы черного дыма смешивались с паром, поднимавшимся от реки, а когда тепловой луч пронесся по Уэйбриджу, то каждое его прикосновение отмечалось вспышкой белого пламени, вслед за которым начиналась пляска желтых огненных языков. Ближайшие дома еще стояли невредимыми, ожидая своей участи, и уныло белели в клубах пара, а за ними бушевал огонь.

С минуту я стоял по грудь в почти кипящей воде, не представляя, что мне делать, и не надеясь на какое-либо спасение. Сквозь пар я видел людей, вместе со мною очутившихся в воде. Одни из них пробирались через камыши на берег, точно лягушки, пытающиеся спастись в траве при приближении человека, а другие — в диком отчаянии метались взад и вперед по бечевнику.

Вдруг я заметил, что белые вспышки

теплового луча, перескакивая с места на место, приближаются ко мне. От их прикосновения дома рассыпались, извергая пламя, а деревья с ревом превращались в огненные столбы.

Но вот белое пламя запрыгало по бечевнику, слизало бесцельно метавшихся по нем людей и подошло к воде не более как на пятьдесят ярдов расстояния от того места, где я стоял. Оно пронеслось поперек реки к Шеппертону, и вода на его пути вздувалась кипящим, пенящимся пузырем. Я повернул к берегу.

Еще мгновение — и меня накрыло громадной волной температуры, близкой к точке кипения. Я вскрикнул от боли и, полуошпаренный, ослепленный, стал через силу плыть к берегу. Стоило мне ослабеть — и мне бы пришел конец. Беспомощный, беззащитный, я упал, на самом виду у марсиан, на широкую открытую песчаную отмель, которая образует косу при впадении Уэя в Темзу. Я ожидал только смерти...

Смутно припоминаю, как ярдах в двадцати от моей головы на рыхлый песок опустилась нога марсианина и расшвыряла мелкий гравий. С трудом я припоминаю после того долгий промежуток томительного ожидания, а затем увидел, как четыре гигантские фигуры, с останками своего товарища на руках, сперва совсем ясные, а потом постепенно заволакивающиеся пеленой дыма, стали бесконечно

медленно, как мне казалось тогда, удаляться по широкому пространству речных лугов. И только постепенно у меня проснулось осознание того, что я каким-то чудом спасся!

XIII. Как я встретился с викарием

Получив неожиданный урок, показавший силу земного оружия, марсиане отступили на свою прежнюю полицию к Хорселлскому полю и, обремененные тяжелой ношей, проглядели много жертв, вроде меня, попадавших им на пути. Если бы они бросили своего убитого товарища и двинулись дальше, они бы до самого Лондона не встретили ничего, кроме батарей с двенадцатифунтовыми пушками. Они явились бы в столицу раньше, чем туда успела бы долететь весть об их приближении. Их появление было бы так же внезапно, страшно и разрушительно, как землетрясение, уничтожившее Лиссабон сто лет назад.

Но они не торопились. Цилиндр следовал за цилиндром в межпланетном пространстве, и каждые двадцать четыре часа приносили им подкрепление. А тем временем военные и морские власти, уже полной мерой оценившие могущество врага, работали с неослабевающей энергией. На позиции ежеминутно подъезжали новые пушки, и

до наступления сумерек, за каждой рощицей, за каждым рядом пригородных вилл на холмистых склонах Кингстона и Ричмонда, уже скрывалось подстерегающее черное дуло орудий. А по всему пространству выгоревшей, опустошенной местности, тянувшейся, может быть, на двадцать квадратных миль вокруг лагеря марсиан, по выжженным развалинам деревень, под черными дымящимися сводами ветвей, которые всего лишь за день до того были сосновым лесом, пробирались самоотверженные лазутчики с гелиографами, обязанностью которых было предупреждение артиллеристов о приближении марсиан. Но марсиане теперь извели силу нашей артиллерии: они понимали опасность близости людей — ни один человек, не рискуя жизнью, не мог приблизиться ближе чем на милю, ни к одному из цилиндров.

По-видимому, всю вторую половину дня марсиане были заняты переноской разных вещей из второго и третьего цилиндров — второй лежал под Эддельстоном, а третий — у Пирфорда, — на их первоначальную позицию, в песчаную яму на Хорселлском поле. Недалеко от ям, у почерневшего вереска и развалин домов, один из них стоял на часах, а все остальные, покинув гигантские боевые машины, спустились в яму. Они работали до поздней ночи и с холмов у Мерроу и даже,

говорили, из Бенстида и с Ипсомской возвышенности можно было видеть валивший оттуда густой столб зеленоватого дыма.

В то время, когда марсиане позади меня готовились к следующему выступлению, а человечество впереди меня собиралось с силами для предстоящего боя, я с невероятными усилиями и трудом пробирался из дымящегося ада Уэйбриджа в Лондон.

Я заметил вдали брошенную лодку, плывшую вниз по течению. Скинув промокшее платье, я пустился вплавь за этой лодкой, догнал ее и именно так спасся от гибели. В лодке не было весел, но я решил действовать руками, насколько мне позволяли ожоги. Я пробирался с большим трудом вниз по реке к Халлфорду и Уолтону, поминутно оглядываясь назад, как вы легко понимаете. Я выбрал путь по реке потому, что в случае возвращения марсиан на воде было больше шансов спастись.

Горячая вода, образовавшаяся при падении боевой машины марсиан, спускалась по течению вместе с моей лодкой. От нее все время поднимался пар, поэтому в начале пути, на протяжении примерно мили, мне почти не видно было берегов. Один раз я, впрочем, увидел вереницу черных фигур, бежавших по лугу со стороны Уэйбриджа. Халлфорд казался совсем опустевшим, и некоторые

из его домов, обращенные к реке, горели. Мне странно было видеть клубы черного дыма и перебегающие струйки пламени под знойным синим небом летнего дня, среди затихшей деревни, покинутой людьми. Я никогда еще не видел пожара без суевающейся толпы. Немного подальше, на берегу, горел и дымился тростник, и полоса огня жадно ползла к селу, убранному в стога.

Долгое время я плыл так, отдаваясь на волю течения, измученный пережитыми ужасами и нравственно, и физически. Потом во мне снова проснулся страх, и я принялся управлять лодкой. Солнце жгло обожженную спину. Но наконец, когда за поворотом реки показался Уолстонский мост, начинавшиеся лихорадка и физическая слабость превозмогли страх. Я причалил к Миддлсекскому берегу и в изнеможении, почти замертво, свалился в высокую траву. Было, должно быть, часа четыре или пять вечера. Я поднялся, прошел с полмили вперед и, не встретив ни души, снова лег в тени изгороди. Смутно помню, что во время этого утомительного перехода я как будто разговаривал сам с собой. Помню еще, что меня мучила жажда и я сожалел, что не напился досыта воды из реки. И любопытно еще то, что я почему-то сердился на жену. Не знаю почему, но мое бессильное желание попасть поскорее в Лезерхэд страшно раздражало меня.

Я уже не могу припомнить, когда появился викарий. Должно быть, я задремал. В памяти запечатлелась лишь его сидящая фигура, с вымазанными сажей рукавами рубашки и с приподнятым кверху гладко выбритым лицом, пристально следившим, как пляшет на небе отблеск пожара. Небо было усеяно мелкими перистыми облачками, чуть розовевшими от заката.

Услыхав шум от моего движения, он быстро взглянул на меня.

— Есть у вас вода? — спросил я, не здороваясь с ним. Он покачал головой.

— Вот уж час, как вы просите воды, — сказал он.

С минуту мы молчали и рассматривали друг друга. Я должен был казаться ему весьма странным: почти голый — на мне не было ничего, кроме мокрых брюк и носков, — с обожженной кожей и с черным от дыма лицом и плечами. У него было невыразительное лицо со слабохарактерным подбородком. Его волосы, почти льняного цвета, спускались волнами на низкий лоб. Бледноголубые, довольно большие глаза тупо смотрели куда-то в пространство. Он говорил отрывисто и не глядел на меня.

— Что все это значит? — сказал он. — Что означает то, что творится кругом?

Я посмотрел на него пристально и не ответил

ему. Он вытянул тонкую белую руку и продолжал жалобным тоном:

— Зачем допускают подобные вещи? Чем мы согрешили? Сегодня, по окончании обедни, я вышел погулять по улицам, чтобы немного освежиться, и вдруг — огонь, землетрясение, смерть! Точно Содом и Гоморра! Вся работа уничтожена, вся работа... Кто они, эти марсиане?

— А мы кто? — ответил я, откашлявшись.

Он обхватил руками колени и повернулся ко мне. С полминуты он сидел молча.

— Я бродил по улицам, чтобы освежить голову, — повторил он. — И вдруг... огонь, землетрясение, смерть!..

Он снова замолчал, уткнувшись подбородком в колени. Через некоторое время он опять заговорил, размахнем рукой:

— Вся работа... воскресные школы... Что мы такое сделали? Что сделал Уэйбридж? Все исчезло... Все разрушено! Церковь!.. Три года тому назад мы отстроили ее заново... Разрушена! Сметена с лица земли!.. За что?..

Снова пауза, а потом опять бессвязная речь.

— Дым от этого пожара будет вечно возноситься к небу! — крикнул он.

Глаза его горели, а его длинный, тонкий палец указывал на Уэйбридж.

Я начинал понимать, кто передо мною.

Страшная трагедия, разыгравшаяся в Уэйбридже, к которой он оказался причастным — по-видимому, он был беглецом из Уэйбриджа, — привела его на край бездны, и он потерял рассудок.

— Далеко мы от Сенбюри? — спросил я равнодушно.

— Что нам делать? — продолжал он. — Неужели эти существа везде? И земля отдана им во власть?

— Далеко до Сенбюри?

— Еще сегодня утром я служил в церкви.

— С тех пор все изменилось, — сказал я спокойно. — Нужно держать голову высоко. Еще есть надежда!..

— Надежда?

— Да, полная надежда, несмотря на все это разрушение.

Я принялся излагать свой взгляд на наше положение. Сначала он слушал, но, по мере того, как я говорил, выражение интереса в его глазах сменилось прежней тупостью и взгляд его стал блуждать по сторонам.

— Это, должно быть, начало конца, — проговорил он, перебивая меня. — Конец!.. Великий и страшный день суда!.. Когда люди будут умолять утесы и горы, чтобы обрушились и скрыли их от лица сидящего там на престоле!

Я понимал теперь, в чем дело. Я отбросил

свою сложную аргументацию и, с усилием поднявшись на ноги, подошел к нему и положил ему руку на плечо.

— Будьте мужчиной, — сказал я. — Страх лишил вас разума. Что это за вера, которая пропадает при первом несчастии? Вспомните только, что делали с человечеством землетрясения, потопаы, войны, вулканы! Почему же вы думаете, что бог должен был сделать исключение для Уэйбриджа?.. Он не страхового агент...

Долгое время он сидел в молчании.

— Но как мы можем спастись? — вдруг спросил он. — Они неуязвимы и безжалостны.

— Ни то, ни другое, — отвечал я. — И чем они сильнее, тем осмотрительнее и спокойнее должны быть мы. Не прошло еще и трех часов, как один из них был убит.

— Убит? — повторил он, уставившись на меня. — Как могут быть убиты посланцы бога?

— Я сам это видел, — продолжал я. — Мы имели счастье попасть в самую свалку, и это все!

— Что же означают эти отблески на небе? — неожиданно спросил он.

Я объяснил ему, что это сигнализация гелиографом — так сказать, отпечаток на небе человеческой помощи и стараний.

— Мы сейчас в самом центре боя, — говорил я, — хотя кругом все тихо. Отблески на небе

означают надвигающуюся грозу. Там, думаю я, марсиане, а ближе к Лондону, где поднимаются холмы Ричмонда и Кингстона, под прикрытием лесов, возводят земляные укрепления и ставят пушки. Скоро здесь будут марсиане...

Я не успел договорить, как он вскочил и остановил меня жестом.

— Слушайте! — сказал он.

Из-за реки, со стороны невысоких холмов, доносились раскаты далеких выстрелов и отголоски нечеловеческого крика. Потом все стихло. Над изгородью поднялся майский жук и жужжа пролетел мимо. Высоко на западе, чуть светлея, виднелся серп луны над дымящимся Уэйбриджем и Шеппертоном, в знойной тишине великолепного заката.

— Нам лучше всего пойти этой дорогой на север, — сказал я.

XIV. В Лондоне

Мой младший брат, студент-медик, готовился к предстоящему экзамену в Лондоне именно в то время, когда марсиане напали на Уокинг. До утра субботы он ничего не знал о событиях. В субботних утренних газетах, кроме пространных статей о планете Марс, о жизни на планетах вообще, была помещена коротенькая, довольно туманная

телеграмма о появлении марсиан, производившая впечатление именно своей лаконичностью.

Марсиане, напуганные приближением толпы, убили несколько десятков людей из скорострельной пушки, так гласила телеграмма и заканчивалась словами: «При всей их кажущейся силе, марсиане не выходят из ямы, в которую они упали, да, очевидно, и не могут выйти. Это объясняется, вероятно, большей, чем на Марсе, силой тяготения на Земле». По поводу последнего предположения автор телеграммы распространяется довольно много.

Само собой разумеется, что все студенты подготовительных курсов по биологии, которые в то время посещал мой брат, чрезвычайно заинтересовались вышеупомянутой телеграммой. Но на улицах в тот день не замечалось никакого особенного волнения. В вечерних газетах появились кое-какие новые сообщения под гигантскими заголовками. Но и эти последние новости о марсианах ограничивались известиями о стягивании войск к Хорселлскому полю и о том, что между Уокингом и Уэйбриджем горят сосновые леса.

Позднее, в экстренном выпуске «Ивнинг Пост» было напечатано, без всяких комментариев, о прекращении телеграфных сношений. Публике это объясняли тем, что горящие деревья упали на телеграфные провода. В ночь моей поездки в Лезерхэд в Лондоне о столкновении с марсианами

еще никто не знал.

Брат не особенно беспокоился о нас, ведь из газет следовало, что место падения цилиндра отстоит на две добрых мили от нашего дома. В тот же вечер он решил съездить к нам, чтобы посмотреть, как он говорил, «на этих существ с Марса, пока их не уничтожили». Он послал мне телеграмму, которой не суждено было дойти по назначению. Вечер он провел в мюзик-холле.

В Лондоне в ночь на воскресенье была такая же сильная гроза, как и в наших краях, поэтому и до вокзала Ватерлоо брат доехал в кэбе. После нескольких минут ожидания на платформе вокзала, с которого обыкновенно отходят ночные поезда, он узнал, что в этот день с Уокингем сообщения не будет вследствие какого-то происшествия на дороге. В чем именно заключалось это происшествие, он добиться не смог, так как само железнодорожное начальство не знало толком, в чем дело.

На станции особенного волнения заметно не было, а железнодорожные служащие были далеки от мысли заподозрить что-нибудь серьезное в нарушении сообщения. Театральные поезда, которые обыкновенно шли через Уокинг, отправляли теперь кружным путем через Вирджини-Уотер или Гилдфорд, а поезда для воскресных экскурсий — на Саусгемптон и

Портсмут. Какой-то газетный репортер, приняв моего брата за начальника станции, с которым у него было отдаленное сходство, вздумал задать ему несколько вопросов. За исключением некоторых железнодорожных служащих, лишь немногие видели связь между происшествием на линии и марсианами.

В одном из газетных сообщений о субботних событиях в Лондоне я прочел, что в воскресенье утром «весь Лондон был взволнован известиями из Уокинга». В действительности же не случилось ничего, что оправдало бы эти преувеличенные описания. Большинство жителей Лондона до утра понедельника, когда действительно началась паника, ничего не слышали о марсианах, а те, которые слышали, не могли составить себе ясной картины из отрывистых строк, которые находили в воскресных газетах. К тому же лишь немногие в Лондоне читают эти газеты.

Кроме того, привычное чувство личной безопасности глубоко укоренилось в душе каждого лондонца, а газеты, с другой стороны, так приучили его к сенсационным известиям, что любой мог, без малейшего чувства личного страха, прочесть следующее:

«Вчера, около семи часов вечера, марсиане вышли из цилиндра и, двигаясь под прикрытием металлических щитов, разрушили до основания

станцию Уокинг с прилегающими к ней домами и уничтожили целый батальон Кардиганского полка. Подробности неизвестны. Пулеметы оказались совершенно бессильными перед вооружением противника. Полевая артиллерия была разбита. Чтобы предупредить жителей, в Чертси были откомандированы конные гусары. По-видимому, марсиане медленно подвигаются к Чертси или Виндзору. В Западном Суррее царит тревожное настроение и возводятся земляные укрепления, чтобы воспрепятствовать движению противника на Лондон».

Так говорилось в «Сандей», а в остроумной, но быстрой на заключение руководящей «Стар» это событие приравнивалось к описанию бедственного положения жителей деревни, в которую ворвался неожиданно выпущенный на свободу зверинец. Никто в Лондоне не имел определенного представления о том, что такое вооруженные марсиане: здесь все еще господствовала идея, что марсиане очень неповоротливы, что они «передвигаются с трудом» и «ползают, как черепахи». Такие выражения попадались почти на всех первых полосах — становилось ясно, что ни одна из этих телеграмм не могла быть составлена очевидцем выступления марсиан.

Воскресные газеты выпускали особые приложения по мере получения свежих сведений, а

иные — даже независимо от них. Но, в сущности, им было нечего сказать, пока к концу дня военные власти не сообщили представителям печати имеющиеся у них сведения. И тогда в газетах появилось сообщение, что толпы беглецов из Уолтона, Уэйбриджа и окрестных деревень заперли все дороги к Лондону — и только.

Утром мой брат отправился в церковь Воспитательного дома, все еще не зная о событиях предыдущего вечера. Там он слышал разговоры, в которых описывалось наступление марсиан, а священник прочел особую молитву о сохранении мира. Выйдя из церкви, брат купил номер «Таймс». Обеспокоенный опубликованными там известиями, он сейчас же поехал на станцию Ватерлоо узнать, не восстановлено ли движение поездов? Публика в омнибусах и экипажах, велосипедисты и многочисленные пешеходы в праздничных платьях довольно равнодушно принимали странные новости, выкрикиваемые разносчиками газет. Все, правда, интересовались ими, но беспокоились только те, у кого в тех краях остались родственники. На вокзале брат в первый раз услышал, что с Виндзором и Чертси прервано и телеграфное сообщение. Носильщики рассказали, что со станции Байфлит и Чертси получено несколько важных телеграмм, но что потом сообщение прервалось. Никаких подробностей они

ему сообщить не могли. «Под Уэйбриджем происходит сильный бой», — этим ограничивались все их знания.

Регулярная работа железной дороги была нарушена. Довольно много народу, встречающие поезда и ожидающие приезда друзей из разных мест вдоль юго-западной линии, стояло в нерешительности. Какой-то седой старый господин подошел к моему брату и стал выражать ему в резких словах свое негодование на Общество юго-западных железных дорог: «Подобное нельзя оставить без наказания виновных!»

Пришло несколько поездов из Ричмонда, Путнея и Кингстона с пассажирами, возвращавшимися из неудавшихся увеселительных поездок. Они думали покататься на лодках, но шлюзы оказались запертыми, и в воздухе чувствовалась тревога, что и заставило их вернуться обратно. Один человек в белом фланелевом костюме стал рассказывать моему брату удивительные новости, которые он услышал.

— В Кингстон все время прибывают беглецы в повозках, фургонах и телегах, с сундуками, чемоданами и всякой домашней рухлядью, — говорил он. — Они едут из Молея, Уэйбриджа и Уолтона и утверждают, что в Чертси слышна сильная канонада из тяжелых орудий, что там разъезжали конные солдаты и принуждали жителей

немедленно покидать дома, потому что идут марсиане. Мы тоже слышали отдаленную стрельбу на станции Хэмптон Корт, но приняли это за раскаты грома. Что же, черт возьми, все это значит? Ведь марсиане, как говорили, не могут выползти из своей ямы? Или все же они могут?

Мой брат ничего ему ответить не смог.

Скоро он убедился, что и среди пассажиров подземной железной дороги чувствовалась какая-то тревога, так как из всех дачных мест юго-западной линии, служащих целью воскресных экскурсий, — из Барнса, Уимблдона, Ричмонд-парка, Кью и других, — все уехавшие возвратились необычайно быстро. Вообще все, имевшие какое-нибудь отношение к главной станции железных дорог, были заметно чем-то озабочены и раздражены.

Около пяти вечера собравшаяся на станции толпа, которая к тому же все увеличивалась, была страшно взволнована тем, что по линии между юго-восточным и юго-западным вокзалами, в обычные дни закрытой, вдруг началось движение воинских поездов. На товарных платформах стояли огромные пушки, и все вагоны были битком набиты солдатами. Пушки везли из Вуллвича и Четема в Кингстон. Сейчас же начался обмен шутками: «Вас там съедят живьем!» «Мы едем укрощать зверей!» и тому подобное. Через некоторое время на станции появилась полиция, которая принялась очищать